

Г. В. РЫЖКИН

СТРАНИЦЫ
ЛИБЕНСКОЙ
ИНЗНИ

Спонсор издания:
Администрация города Ливны

Автор искренне благодарит главу администрации города Ливны Виталия Алексеевича Кочуева и его заместителя Александра Юрьевича Максимова за помощь и поддержку при издании книги. Благодаря помощи директора Ливенского краеведческого музея О. Н. Булатникова, Н. Ф. Филиппова, О. Н. Тупикина, Ю. Г. Рыкова, В. Н. Бологова, И. С. Анисимова, краеведа Ю. Н. Беляева книга смогла увидеть свет. Большое им спасибо!

Рыжкин Г. В.

Страницы ливенской жизни. /Краеведческие очерки. — Орел: издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1996. — С.178. с ил.

ISBN 5-86615-021-2

О славной истории ливенского края с давних времен до наших дней, о знаменательных исторических и культурных событиях, о природе и людях рассказывается в этой книге.

Адресована широкому кругу читателей.

6М8 (03)-95-зак.
ISBN 5-86615-021-2

ББК 63.3 (2Р)
© Рыжкин Г. В. 1996.
© Художественное
оформление автора, 1996.

СЛОВО О ЛИВЕНСКОМ КРАЕ

Это — моя родина, моя родная земля, мое отечество, — и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувств, чем любовь к тебе...

А. Н. Толстой

Желание рассказать о ливенцах и ливенском крае появилось у меня давно, лет тридцать назад. Почему — сказать трудно. Может причиной является то, что сам я родом из литературно-художественных мест земли тульской: Таруса, Алексин, Поленово, Велегож... Там жили А. Чехов, М. Цветаева, К. Паустовский, художники В. Поленов, В. Борисов-Мусатов... Когда переехал в Ливны, тоска по родным окским далям побуждала искать близкое и родное в новых местах. Фотографировал окрестности Ливен и сам город. Работая на заводе, писал о токарях, литейщиках, фрезеровщиках, своих коллегах-конструкторах. Но все-таки чувствовал неудовлетворенность — хотелось узнать: откуда истоки таланта, добра, трудолюбия, красоты у ливенцев. Стал обращаться к предкам. П. Садовский, С. Булгаков, Н. Поликарпов... Академики, изобретатели, доктора наук, лауреаты. Люди без титулов и званий: стрельцы, пушкари, ямщики... Позднее — купцы, мещане. Рассказывал о них на страницах местной, областной, а случалось и центральной печати. Постепенно у меня формировалось понятие «ливенец». Это человек не только родившийся на ливенской земле, но и в чем-то необычный, примечательный, знаменитый. Который мне полюбился и от знакомства очного или заочного с которым появилась потребность сказать слово о нем, чтобы все слышали. В основном рассказы о таких людях и вошли в эту небольшую книгу. Кроме того, через мысленное путешествие, стихотворения, зарисовки о природе хотелось показать и тот край, где жили или живут эти люди. А край ливенский прекрасен и самобытен. Ничем не хуже, разумеется, любой уголок необъятной земли российской. Везде можно отыскать примечательных людей и согревающие души земляков приметы. Но край, где живешь, — краше, милее...

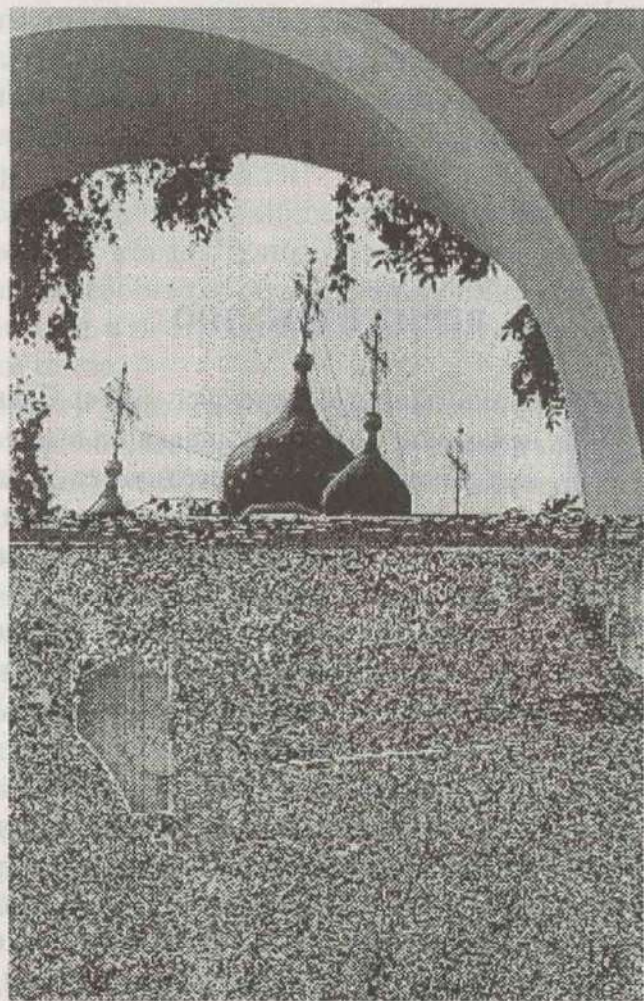
Мною не преследовалась цель широко охватить местную историю и судьбы людей, делавших ее, я написал о тех ливенцах, которые мне наиболее симпатичны и близки по духу, изложил события, являющиеся, на мой взгляд, наиболее значимыми и интересными в истории ливенского края.

В основу изложения положены факты, события или отдельные штрихи, почерпнутые из архивов, бесед с участниками событий или их родственниками, переписка с ними, материалы, прочитанные в периодической печати или литературе, увиденные в музеях.

Бесспорно, на значимость тех или иных фактов наложили отпечаток публикации краеведов.

Славна и богата событиями ливенская земля. Ливны издревле стали щитом русского государства на южных границах — как первые Ливны, о которых впервые упоминается в летописи в 1177 году, так и Ливны-крепость, поставленная в 1586 году. Здесь свершились исторически заметные события в годы Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы Ливны стали вторыми по численности населения и промышленному производству городом области. Здесь получили развитие машиностроение, приборостроение, химическая и пищевая промышленность, строительная индустрия. Об успехах ливенцев в сельскохозяйственном производстве Орловщины давно известно. К этому можно добавить, что Ливенский район богат замечательными, интересными людьми. Обо всем этом я и хотел сказать в этой книге.

ЛИВЕНЦЫ

ВЕРИЛ В РОССИЮ

Белокаменная Успенская церковь Сергия Радонежского, возвышающаяся на высокой круче над рекой Сосной, вдохновила на любовь к отечеству многих ливенцев. Так писал об этом философ Сергей Булгаков: «Здесь, в Софийском храме Успения, я родился как читатель Софии Премудрости Божией... И здесь я определился как русский, сын своего народа и матери — русской земли, которую научился чувствовать и любить на этой горке преподобного Сергия...»

Но в августе 1922 года этот сын русской земли был изгнан из России. В числе философов, социологов, экономистов, историков. Пароход дал прощальный гудок и отплыл из Кронштадта в Германию. На палубе провожали удаляющийся берег представители русской интеллигенции Н. Бердяев, П. Сорокин, Н. Кизеветтер, Ф. Степун, Н. Лосский. Опечаленный, стоял на палубе и Сергей Николаевич Булгаков, которому два месяца назад исполнился 51 год, уроженец Ливен, известный экономист, публицист, критик, общественный деятель, избравшийся членом Государственной Думы.

Ливенские страницы жизни

С. Н. Булгаков родился 16 июня 1871 года (по старому стилю) в семье священника ливенской кладбищенской церкви (остатки ее уничтожены на территории бывшего насосного завода в 1964 году). «Наш дом был недалеко от нагорной части над рекой в пяти минутах от Сергиевской церкви... Внутри его

все было бедно и просто..., но даже «диван» и два «кресла» в гостиной... Вокруг — колокольни с разными звонами, ближними и дальними», — вспоминал Сергей Николаевич. Находясь позднее на чужбине, с большим вдохновением и болью писал о своей родине, имя города считал священным, а Сергиевскую церковь называл святыней. «Как мы любили этот храм — как мать, как родину, как Бога...»

Этот божий храм сохранился еще с давних времен татарских нашествий, когда Ливны являлись городом-крепостью. Он представлял собою хорошо сохранившийся остаток старинного монастыря, а построен был в 1666 году в так называемом московском стиле.

Вспоминая рождественские и крещенские службы в Ливнах, холодную церковь, мороз и звезды, Булгаков писал: «Словно хоровод небесных светил, зажжены были в душе эти звезды, и они не могли погаснуть... но всегда звали к небу».

Как отмечала монахиня Елена, «...для мальчика Сергия вся любимая им церковная жизнь была обрамлена жизнью природы. Благодаря этому он воспринял навеки свод небесный, распростертый над землей, и навсегда запала в душу тема — Небо и земля, Бог и мир, развившаяся впоследствии в целую богословскую систему «Богочеловечество».

Родители были глубоко проникнуты христианской верой и отдали отрока Сергия в десятилетнем возрасте в Ливенское четырехклассное духовное училище. Вместе с идеалами христианства он впитал здесь образы православной святости, прежде всего, вероятно, образ Сергия Радонежского. За его простоту и смирение, горение и дерзновенность. Именно эти черты стали присущи Булгакову. От своего духовного покровителя научился Сергей, видимо, и народолюбию, осознал святость его общественного подвига, понял его духовную мудрость в созидании русского национального единства. И не потому ли всю свою жизнь Сергей Николаевич посвятил социальной проблематике?

Утрата веры

В 1884—1888 годах он — в Орловской духовной семинарии, старейшем учебном заведении губернии, в котором обучалось до 600 человек. Но здесь Сергия ожидал религиозный кризис,

положительный начало трагической судьбе в течение многих лет. Поэзия детских религиозных переживаний вытесняется прозой семинарской обыденной жизни. Мальчик надломлен. Его правдолюбие, чувствительное сердце, живой ум сдавили тиски повседневной жизни. Видя, что окружающая действительность не соответствует его духовным идеалам, он духовно томится. И, наконец, в душе наступает потребность борьбы с религиозным формализмом, с принудительным обрядовым благочестием. Духовно цельный, не мирящийся с компромиссами совести, семнадцатилетний юноша приходит к бесповоротному решению «бежать из семинарии, не откладывая и без оглядки».

Однако на пути реализации этого плана встают большие трудности: для родителей это глубокая драма. В семинарии стараются удержать одаренного молодого человека перспективной дальнейшим обучением в Духовной академии. Но никто и ничто не может остановить его. Нарушение намеченного плана расценивается им как малодушие и недопустимый компромисс. И проучившись четыре года вместо шести, он порывает с семинарией и уезжает в провинциальный Елец, где поступает в гимназию, которую заканчивает через два года.

С тех пор С. Н. Булгаков уже не мог вернуться в Православную церковь необновленным. Одним из наибольших и непреодолимых препятствий была «связь православия с самодержавием», порабощенность русской, и в частности церковной, жизни, характерной, как он полагал, для его эпохи. Эту непримиримость он считал «своей правдой», которую он обязан был отстаивать и которой он впоследствии частично оправдывал свое неверие.

По словам монахини Елены, «...внутренняя потребность жить верой и «народолюбие», которому юный Сергей бессознательно научился от преподобного Сергия, побуждают его теперь окончательно увлечься социальными проблемами, поверить в социальные идеалы и в культурный прогресс».

На ниве социальной проблематики

В возрасте неполных двадцати лет он поступает на юридический факультет Московского университета, который заканчивает в 1894 году. За даровитость и трудолюбие его оставляют на два года при кафедре политической экономики для подго-

товки к профессорскому званию. Через два года выходит в свет его труд «О рынках в капиталистическом производстве», а в 1900 году — «Капитализм и земледелие». В этих работах он проводит мысль о неприменимости Марксовой теории капитализации к мелкому сельскохозяйственному производству в России, превозносит устойчивость и жизнеспособность мелкого хозяйства. Несколько лет спустя он пишет: «...Русь увидит невиданную, неслыханную нам еще диковинку: не мужика-плательщика, конягу, а мужика-гражданина, тогда посмотрим, насколько жизнеспособно окажется крестьянское хозяйство...»

В. И. Ленин остро критически относится ко многим выкладкам Булгакова: «Будь у человека сколько-нибудь чувства партийности, сознание ответственности... он бы не решился так наезднически «наскокивать»... Он чувствует себя, очевидно... «свободным» и индивидуальным представителем профессорской науки...» Но, как отмечает И. Роднянская, «...в 1921 году его (Ленина. — Г. Р.) практические взгляды на этот вопрос, пожалуй, приблизились к булгаковским, и «нежизнеспособность» крестьян-единоличников Сталину уже пришлось доказывать аргументами искусственного голода и геноцида».

Булгаков брался за многие начинания, проекты, инициативы. В год первой русской революции пытается организовать новую партию в России под названием «Союз христианской политики». Создает собственную «философию хозяйства», предполагающую организацию природопользования на «эстетических основаниях», то есть, говоря современным языком, — эксплуатировать природу, соблюдая экологию. Тогда эти новаторские мысли были восприняты как «идеалистическая чужь». На заседании второй Государственной Думы выступает с мужественной речью о недопустимости как революционного, так и правительственного террора, что приводит в шоковое состояние как правых, так и левых.

Преполагает политэкономии в Киеве, Москве, проводит многочисленные публичные лекции. «Публика, — говорится в одном из отчетов, — переполнила как зал, так и прилегающие к нему комнаты».

Стремясь прогнозировать общественное развитие России, он переходит к религиозной философии и христианству, пытается под социально-экономические проблемы, сотрясавшие

после революционного переворота 1917 года государство, подвести религиозную метафизику. Свою законченность его концепции получили в книге «Свет невечерний». Противоречия с новыми властями достигают предела, и его имя попадает в тот пресловутый список, составленный спецкомиссией ВЦИК, по которому русских интеллигентов высылают в Германию.

Исповедь изгнанника

С 1925 года протоиерей Сергей Булгаков — профессор догматического богословия в Православном Богословном институте в Париже, доктор церковной истории. Пройдя путь идейных исканий, после углубленного изучения философии, основ культуры, истории религии, политэкономии, Булгаков определяет свое призвание в священстве. Оно стало для него центром жизни. Его опальное творчество, которое мы стремимся сегодня вновь включить в духовную жизнь, оказало влияние на западноевропейскую мысль, позволило подняться к идеям христианской демократии, свободе, справедливости, солидарности.

Оторванный от Родины, в 1938 году он пишет: «Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, небольшой городок Орловской губернии, — кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его — в нагорье реки Сосны... То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей — некричащую, благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия, — все это было дано в восприятии родины... Родина — святыня для всякого, и как таковая, она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар божий... И вот бреду я эту долгую жизнь и внемлю завещанию, и все яснее она раскрывается мне, как первозданная улыбка Софии Божественной, которой она позвала, приласкав меня, как младенца, и тихим, тихим шепотом сказав мне свое имя. Этот шепот был тих, и Царица была закутана в рубище поверх своей царственной ризы, но я полюбил ее на всю жизнь и всю жизнь искал встречи с ней, хотел узнать ее имя. В суете жизни я ушел из отчего дома, и в погоне за видимым я перестал ощущать невидимое и лишь просвечивающееся. Но ложные обманные следы для меня гасли вместе с видимыми красотоми и душа прозревала вечное и нездешнее. И теперь, на пороге

иной и новой жизни, я возвращаюсь сердцем на эту мою родину и узнаю ее Имя. Узнать его — значит перейти в другой мир. Не видеть мне Ливны в этой жизни...»

Протоиерей Булгаков был всегда обращен к миру, душевно реагировал на человеческие страдания. На склоне лет живя в Париже, занятом фашистами, будучи старым и больным, с величайшим трудом перенося вся тяготы оккупации, он вдохновляет своих духовных детей на служение во имя справедливости. Его духовная дочь — мать Мария, духовный сын Димитрий встают на борьбу с фашизмом, становятся участниками французского Движения Сопротивления и погибают в застенках концлагеря Равенсбрюк. (Мать Мария — Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была награждена орденом Отечественной войны II степени).

Сергей Николаевич с напряженным вниманием следил на протяжении всей войны за ходом событий на Восточном фронте, горячо молился о спасении Родины, до конца своих дней (умер он в 1944 году) жил надеждой на заглавную роль России в семье культурных народов, верил в прекрасное будущее.

15 августа уездный исполком принял постановление о введении в городе и уезде осадного положения и избрал коллегия из пяти человек по ликвидации контрреволюционных выступлений, передав ей всю полноту оперативной и политической власти. В эту группу вошли прибывшие из Орла члены губкома партии и губисполкома М. Н. Буров и М. А. Переяславский, представители Ливенского уисполкома Прикащиков, Баранов, Долгих. Коллегия повторяет ранее выставленные требования: призвать унтер-офицеров. Ужесточает их: в случае невыполнения приказа о призыве до 20 августа предать нарушителей военно-революционному суду. Но корни конфликта слишком глубоки — противостояние усиливается. Не спят и враги Советской власти. Местная организация левых социал-революционеров берет движущие силы восстания под свое начало, начинает придавать ему организованный характер. Выдвигается и лидер. Это — И. И. Клепов, еще несколько месяцев назад возглавлявший Ливенский уездный исполнительный комитет и имевший значительное влияние у местного населения. Выходец из крестьян села Козьминского, закончивший учительскую семинарию и офицерское училище, воевавший на фронтах империалистической войны. Член партии социал-революционеров с 1910 года, в семнадцатом избиравшийся в комитеты: полковой, дивизионный, армейский. Состоял во Всероссийском исполкоме партии эсеров, лидером которой была М. А. Спиридонова. Как видим, человек не случайный, с убеждениями и имеющий опыт работы в массах.

Восстание приобретало с каждым часом необратимый характер. Пламя его вспыхивало по всему уезду. Председатель Казанского сельсовета на собрании крестьян записал в постановлении: «...Всем мужчинам от 17 до 60 лет наступать восстанием на город». Председатель Троицкого сельсовета, организовавший сход, подписал постановление, где были такие слова: «...наступать на Советскую власть в Ливнах». Братья Удовыдченковы Василий, Петр и Егор, крестьяне Черкасской слободы, имевшие крепкое хозяйство, устроили в саду своей усадьбы собрание слободчан. Их призывы расправиться с новой властью получили поддержку, и возбужденная толпа двинулась на железнодорожную станцию. Разогнав охрану, они захватили оружие Красной гвардии и продотряда и, вооруженные, направились на базарную площадь. Здесь толпилась масса народу, так

как это происходило 18 августа, в день «десятой ярмарки» (на десятой неделе после Пасхи). Большевики пытались ликвидировать восстание в зародыше, послав в Козьминское, где восставшие были настроены наиболее агрессивнее, отряд, но людскую стихию остановить уже было невозможно. Боец оперативного отряда В. И. Бахтин вспоминал: «Нашему командиру Иванникову было дано задание арестовать Клепова. Мы остановились у церкви, наготове был пулемет.

Зайдя в сельсовет, Иванников предложил главарям мятежников сдаться. Началась стрельба, загудели колокола на церкви. На нас двинулась огромная толпа с топорами и вилами. У нас был пулемет «максим», мы дали предупредительную очередь поверх голов, и толпа рассеялась. На крыльце появился Иванников в окружении мятежников. Я начал стрелять прицельным огнем, экономя патроны, так как в наличии оставалась одна-единственная лента. Вдруг сзади меня ударили чем-то тяжелым, и я потерял сознание».

Тем временем из Козьминского, Успенского, Троицкого, из других сел с вилами, топорами, лопатами на Ливны пошли крестьяне.

Кровопролитные бои

Восставшие занимали город. Со стороны тюрьмы шли и шли толпы мятежников. Вооружены были люди чем попало. Сопредседатель чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем Иван Данилович Селитренников заспешил на запруженную народом Базарную площадь. Один из активнейших участников становления Советской власти в Ливнах был растерзан толпой. На сохранившемся фото Селитренникова на смертном одре хорошо видно: лицо его разрублено топором или лопатой.

Ливенец Алексей Гаврилович Арбузов вспоминал: «...услышали мы, подростки, крики и выстрелы с городской окраины, забрались на деревья, наблюдаем: со стороны Пушкарской и тюрьмы прут массы людей. Вступить восставшим на нашу Кузнецкую улицу (ныне — Рабочая) мешали выстрелы из кирпичной водоразборной будки, стоявшей на углу улицы. Но толпа напирала, окружила будку, взломала дверь и выволокла оттуда человека в красноармейской форме, растерзала ментально...

По соседству жил отставной полковник А. Леар. Восставшие направились к нему, чтобы склонить его к руководству группой, но он спрятался. После посещения нашей улицы толпа стала еще мощнее и пошла в центр города. Захватила здание уисполкома. Дом был с балконом. Внизу стали мятежники с поднятыми вилами, а сверху на вилы сбрасывали активистов советской власти».

О численности мятежников и их составе красноречиво свидетельствует человек, попавший в руки восставших и впечатления которого по свежим следам были опубликованы в газете «Свободный пахарь», издававшейся в то время в Ливнах: «...меня взяла восставшая сволочь..., в толпе были мещане и другие городские жители и жители пригородов — ямские, казацкие и др. Всюду, где мы ни проходили, везде была масса людей с вилами, топорами и просто с дубинами. И всюду, где меня вели, массы крестьян... крестьян было около 12 тысяч...»

Ночью 19 августа восставшие сбили замки на оружейном складе и захватили винтовки и пулеметы. Т. Артемьев, А. Чернский, И. Клепов, И. Фирсов, Ф. Никитин и другие бывшие офицеры царской армии руководили вооруженными группами. Завязались бои. Гарнизонная рота красногвардейцев, отряд интернационалистов, отряд ЧК, насчитывающие около двухсот человек, естественно, не смогли противостоять такой массе людей. К обеду 19 августа сопротивление власти было сломлено. Помимо И. Д. Селитренникова из активистов погибли комиссар продовольственного комитета А. В. Долгих, член местной ЧК К. М. Коган, секретарь ЧК П. Г. Горбач, другие люди. В уезде были убиты восставшими руководители комбедов: Медвежинского — П. Иовлев, Болшевского — С. Черкасов, Знаменского — С. Фомин.

«подавить беспощадно!»

Еще 14 августа о помощи был запрошен Орел, 19-го оттуда прибыл Железный полк, а из Курска — бронепоезд с орудиями на платформах, защищенных мешками с песком. Войска остановились на станции Здоровец. Отсюда в ОГПУ полетела телеграмма о положении в Ливнах и уезде. На бланке появляется росчерк Ф. Э. Дзержинского: «Елец и Орел подавить беспощадно».

Восстание волнует Ленина. 19 августа с телеграфного аппарата на станции Здоровец сходит лента за подписью вождя: «...Необходимо соединить беспощадное подавление кулацко-эсеровского восстания с конфискацией хлеба у кулаков и с образцовой очисткой излишков хлеба полностью, с раздачей бедноте части хлеба даром. Телеграфируйте исполнение». На другой день Владимир Ильич вновь посылает сюда телеграмму, приветствуя подавление мятежа и отдавая распоряжение по дальнейшему укреплению власти большевиков в уезде.

Для ликвидации мятежа потребовались одни сутки. Началось с выстрелов пушек и очередей пулеметов, а закончилось полным разгромом мятежников. Их было уничтожено свыше трехсот человек, в том числе офицеры Ф. Никитин, Т. Артемьев, полицейский пристав Ливен Ф. Кречетов, священник Рязанов, военком Лобов... И. И. Клепову удалось бежать, скрылись А. Чернский и И. Фирсов, последний ненадолго — в ноябре был арестован. Краткий отчет о проделанной работе был изложен в телеграмме от 22 августа:

«Москва, Совнарком, Ленину.

Восстание ликвидировано. Ваше распоряжение приводится в исполнение. Похороны были сегодня при торжественном участии города. С подробным докладом будем. Виновные расстреляны. Дальнейшие аресты производятся.

Буров, Переяславский».

После расстрелов виновных накал борьбы пошел резко на спад. Большевики провели в жизнь меры «по устранению с дороги» сил, стоящих на пути развития социалистической революции в деревне. Крестьяне успокоились, стали вновь создаваться комбеды, за три месяца было заготовлено и засыпано в закрома государства хлеба почти столько, сколько за предшествующий год. Газеты писали, что «близок к выполнению годовой план заготовок мяса, яиц, других продуктов». Не оставили без внимания и повстанцев. В 1935—36 годах в Орловской прокуратуре проводилось расследование, а затем последовали судебные процессы над здравствовавшими еще мятежниками. В частности, братья Удовыдченковы «понесли суровое наказание». Об этом сообщала газета «Орловская правда» 20 сентября 1935 года. Какое — умалчивала.

ИКАР ИЗ КАЛИНИНО

остоящий всего из нескольких домиков выселок Поповка, приотлившийся между церковью Георгия Победоносца и рекой Сосной, когда-то был частью села Георгиевского. Теперь это название почти забыто. Село и выселок стали единым целым и носит имя Калинино. Места здесь живописные. Когда любишь калининскими далями, то замирает сердце — эти же неоглядными просторами, вероятно, зачаровывался и Николай Поликарпов. На привольной земле формировались характер и привычки этого замечательного человека. Побывав в сельском музее, увидев колодец, вырытый юным Николаем, осмотрев усадьбу, где жил этот человек, как бы прикасаешься к истории, начинаешь мыслить стихами:

Калинино, Калинино...
Здесь небо, как хрусталь,
И горизонта линия
Мечту уносит вдаль.
Над колокольней — ласточки,
В сирени птичий гам.
И хаты нежно ластятся
К зеленым берегам.
За кручами высокими —
Струистая река.
Мечтал здесь взвиться соколом
Калининский Икар.
Плескались волны синие,
И ветер песню пел:
Мечтатель, крылья сильные
И небо — твой удел...
Калинино, Калинино...
И радость, и печаль.
И горизонта линия
Мечту уносит вдаль...

На выселке Поповка и родился 8 июня 1892 года Николай Николаевич Поликарпов. Отец его был уважаемым в округе человеком, священником местной церкви, поэтому мальчика отдали в Ливенское духовное училище, которое он закончил в 1907 году. Отец сразу же везет его в Орел, в духовную семинарию. Здесь семинаристы получали всестороннее образование, работали классы музыки и живописи. Существовало древнехранилище, где сосредотачивались вещественные и письменные памятники церковной старины. Юноши изучали физику и химию. К этим предметам Николай проявлял большую любознательность.

Громадное впечатление произвел на него впервые увиденный самолет. Это случилось 4 сентября 1909 года, когда на орловском ипподроме демонстрировался аэроплан, управляемый летчиком Я. Седовым. Прежде чем оторваться от земли, неуклюжее сооружение из реек, полотна и тросов долго переваливалось с крыла на крыло, а потом нехотя взмыло в воздух, наводя панический страх и нескрываемое любопытство на местных обывателей. Через год он наблюдал полет планера, сконструированного и построенного в планерном кружке, а спустя некоторое время увидел «выкрутасы» в воздухе известного русского автомобильного и велосипедного гонщика С. И. Уточкина, гастролировавшего по России с демонстрационными полетами на аэроплане. Последнее зрелище помогло окончательно повернуть Николаю свою судьбу — после окончания четырех классов духовной семинарии он сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости в 1-й Орловской мужской гимназии.

...Николай прощается с Орлом, с родиной, больше ему здесь не придется побывать уже никогда. Он приезжает в Петербург с полным пониманием того, что наступает эра техники, и по конкурсу аттестатов поступает в политехнический институт, носящий имя Петра Великого. Учеба дается не трудно пытливому и любознательному молодому человеку; кроме занятий, он посещает еще и курсы авиации и воздухоплавания, помогает строить самолет-гигант «Илья Муромец», спроектированный И. И. Сикорским, самым знаменитым в то время авиаконструктором. Вот и учеба позади, начинающему инженеру доверяют руководить производством самолетов на Русско-Балтийском вагонном заводе, а после окончания войны с

Германией — заведовать отделением в управлении воздушного флота.

...Молодая республика начинала обретать собственные крылья. На заводе «Дукс» в Москве Николай Николаевич, будучи начальником техотдела этого завода, вместе с ведущим конструктором И. М. Косткиным начинает проектировать свой первый истребитель И-1 с иностранным мотором «Либерти». И вот — первая неудача.

«Пока самолет бегал по земле, — вспоминал летчик-испытатель К. К. Арцеулов, — все было в порядке, но, взмыв свечой вверх, самолет рухнул на землю».

Вместе с Арцеуловым Поликарпов едет в аэродинамическую лабораторию, устанавливает причину аварии. Вскоре истребитель удалось поставить на вооружение ВВС.

Дел невпроворот, он вынашивает идею создания нового истребителя. Как-то зашел по делам в авиаглавк, там работала в медсанчасти молодой врач Саша Самышкина, познакомился с девушкой. Потом вновь заглянул, а там и зачастил. Сотрудницы подшучивали над улыбающейся и краснеющей Сашей:

— Словно магнитом тянет к нам этого молодого человека.

В 1923 году Николай Николаевич женился на Александре Федоровне.

Спустя пять лет он становится техническим директором и главным конструктором опытного авиазавода, а до этого работает в должности начальника производства, руководителем отдела. Жизнь учит многому. Поликарпов вносит предложение, ставшее этапным в самолетостроении. «Всех требований, которые предъявляются к конструкторской работе, — говорит он, — один человек удовлетворить не в силах... Целой человеческой жизни может не хватить, чтобы индивидуально сконструировать какую-либо сложную машину». Он предлагает специализировать труд конструкторов и внедряет новшество в жизнь. В КБ появились отдельные группы: крыла, фюзеляжа, аэродинамики... При этом приходилось преодолевать сопротивление приверженцев старого. «При обсуждении проектов Поликарпов умел отстоять свою точку зрения, сомнения и возражения отвергал точными расчетами», — вспоминал его ученик А. Троснянский.

Поликарпов понимал, что авиапромышленность явно отставала от требований времени. Внедрение в серию новых

самолетов шло с потугами, хотя уже были разработаны замечательные образцы крылатых машин. В пятилетний план опытного самолетостроения, принятый в 1928 году, было записано задание А. Н. Туполеву на создание одноместного истребителя И-5 до октября 1929 года. Подобное задание имел и Поликарпов на самолет-истребитель И-6 со сроком выпуска в июле — августе 1930 года. Получилось так, что постройка поликарповской машины шла с опережением сроков, а работы по самолету Туполева затягивались.

Полный творческих сил, тридцатилетний Поликарпов отдавал любимому делу все силы, опыт и знания. Казалось, успех близок и страна получит новый самолет, но...

Марианна Николаевна Поликарпова-Коршунова, дочь авиаконструктора, вспоминала:

«...Мы жили тогда в Москве, в Замоскворечье, на улице Большая Якиманка. Пришли за ним, как водится, поздно вечером, обыск длился долго. Забрали много интересных вещей: фото, письма родных, в частности, матери Александры Сергеевны Николаю Николаевичу, которые она ему писала в Ливны из Калинино, в Петроград и Москву, дневники... Все это не вернулось обратно. Я помню, как Н. Н., одетый, подошел к моей кровати, чтобы проститься».

Поликарпов был обвинен во вредительстве, якобы «он конструировал и внедрял заведомо порочные конструкции вопреки мнению коллектива». Приговор гласил: расстрел! Потом высшая мера была заменена десятью годами тюрьмы.

Его детище, истребитель И-6, заканчивали уже без него, достроили в срок, и он считался одним из лучших истребителей, что еще раз подтверждало: донос — сплошная ложь.

Горькие месяцы в тюрьме, размышления. Да, были неудачи, аварии, даже гибель испытателей. Но это же авиация, где многое непредсказуемо. Суток часто не хватало, чтобы все тысячу раз проверить и перепроверить. Нет, не видел за собой и за своими коллегами Крейсоном, Рубенчиком, Яровицким такой вины, чтобы быть отстраненным от любимой работы, терпеть тяготы за колочей проволокой. А условия были ужасные. Владимир Сергеевич Денисов, сидевший вместе с Поликарповым, свидетельствовал: «...Сажали на обычное ведро на сквозняке. Сиди, пока ушки не вопьются до седалищного нерва или пока не скажешь, кто и где тебя завербовал шпионом в

лить сидельцу) разведки». Но кому-то пришла в голову мысль, что уничтожать уникальных специалистов рискованно — можно остаться без самолетов. Весной 1930 года была организована первая авиационная «шарага» — так называли узники свою группу ЦКБ-39 ОГПУ, что расшифровывалось так: Центральное Конструкторское Бюро Особого Государственного Политического Управления. Туда свезли Н. Н. Поликарпова, Д. П. Григоровича, А. В. Надашкевича, И. М. Косткина, многих других. Начальником к ним был приставлен человек из ОГПУ.

Не знаем, о чем думал Николай Николаевич в ту первую ночь, когда попал из тюрьмы в «шарагу», но, вероятно, как и у любого живого человека, его мысли были схожи с мыслями Кербера, также переведенного в «шарагу»: «Слишком это сильное потрясение после тюрем, этапов, лагерей, пересылок — лежать в чистой кровати, предвкушая любимую работу... Из грязи, бесправия, окриков охраны, матерщины, гнуса и холода в тайге, жары и тарантулов в пустыне, драк за порцию баланды или за стоптанные опорки — сесть за кульман, провести осевую линию и начать думать — это, знаете, грандиозно!»

Новые условия значительно отличались от лагеря. Конструкторов поселили на авиазаводе в ангары, сносно кормили, разрешали свидания с родственниками. Картина была «удивительная»: сотни коек рядами, рядом — тумбочки, на койках — по-домашнему расположившиеся известные авиационники. Штат этого своеобразного КБ насчитывал к концу 1930 года 300 человек и продолжал пополняться — кого присылали из тюрем, а кого брали сразу с воли. Через год ЦКБ-39 ОГПУ имело 500 инженеров и техников. Николай Николаевич продолжил работу над истребителем И-5, так и не законченным Туполевым, правда, машина получилась похожей на И-6, но лучше. На постройку самолета начальство отпустило два месяца, но потом передумало и сократило срок до месяца. Бешеная гонка по постройке трех машин длилась ровно месяц. 29 апреля 1930 года летчик Б. Бухгольц совершил первый полет. Двум дали звучные имена: «Клим Ворошилов», «Подарок 16-му партсъезду». Кто-то из руководства приказал в звезду на киле вписать две буквы «ВТ», что означало — «внутренняя тюрьма». Построенный «вредителями» самолет показали самому Сталину. Тот выслушал Поликарпова, а потом спросил:

— А вас здесь не угнетают?

Лицемерил вождь или был актером, Николай Николаевич так и не понял. А в один из дней лета 1931 года в комнатке, где

жила жена Поликарпова с дочерью Марианной, вдруг раздался телефонный звонок. Звонков здесь боялись, но в этот раз на том конце провода прозвучал родной до боли голос:

— Шура, я еду домой!

Он работает заместителем начальника конструкторской бригады в ЦАГИ. Стал сдержан и молчалив. Когда вызывали в наркомат и выше, отдавал распоряжения на длительный срок вперед. Видимо, разного рода неожиданности не исключал.

Человек огромной технической эрудиции, неисчерпаемой энергии, он трудится самозабвенно, параллельно ведя работы по конструированию нескольких марок самолетов. И это — в сложных материальных и бытовых условиях. Семья занимала комнатуху не более десяти квадратных метров, денег хватало, чтобы еле-еле сводить концы с концами.

Как бы то ни было, в октябре 1933 года начались испытания истребителя И-15, а через два месяца В. Чкалов поднял в небо другой истребитель — И-16, который считался лучшим истребителем того времени.

Поликарповские машины на равных, а часто с превосходством боролись с противником на Халхин-Голе и в Испании. Дважды Герои Советского Союза С. Грицевец и Г. Кравченко летали на машинах Поликарпова, первый герой Орловщины В. Бочаров, уроженец Колпны, также воевал в испанском небе на них. В. Талалихин первый ночной таран в небе над Москвой в августе 1941 года совершил на истребителе И-16. А кому не известен знаменитый У-2, переименованный в ПО-2! Американская пресса писала: «Господин Поликарпов является хозяином крупнейшего конструкторского коллектива, равного которому еще не знает авиационный мир».

Правда, уже к концу событий в Испании становится ясным: немецкие «мессершмитты» лучше и мощнее, так как, потерпев поражения на них в воздушных боях, немецкие конструкторы срочно их улучшили.

Жизнь требовала: скорее вперед! Поликарпов засаживается за новую разработку — истребитель И-180. К декабрю 1938 года самолет был готов к испытаниям. 15 декабря в квартире Чкалова, срочно отозванного из отпуска, зазвонил телефон: просили приехать на аэродром. На стоянке на фоне ослепительно белого снега кумачом светился И-180. Закончилась процедура подписания документов. Чкалов уже у самолета. Рядом — Поликарпов, разговаривают о чем-то, конструктор выразительно жестикуют, потом жмет руку испытателю. И вот

машина в воздухе, ровно гудит мотор, краснокрылый истребитель быстр и послушен. Можно идти на посадку. Но что это? Двигатель работает рывками, самолет теряет высоту. Пролетев над жилыми бараками, крылом цепляет за столб. Глухой удар. Сорвавшись с креплений, сиденье вместе с летчиком выброшено из кабины. Пролетев стремительно по дуге, Чкалов ударяется головой о штабель металлических прутьев, лежащих на складе авиазавода...

Поликарпов почернел от горя. Погиб его любимец. Бесконечные комиссии, расследования, рядом крутятся люди из НКВД. Но 17 декабря позвонил Сталин, сказал, что претензий к нему нет, виновны другие, он должен успокоиться и продолжить работу над истребителем.

Но решением правительственной комиссии главными виновниками катастрофы были определены: главный конструктор Поликарпов, его заместитель Д. Томашевич, директор авиазавода М. Усачев и начальник летно-испытательной станции В. Парай.

В последующие годы расследованием гибели В. Чкалова занимались разные люди. Знаменитый летчик Г. Байдуков считает, что главным виновником был Поликарпов, стремившийся как можно быстрее поставить И-180 в серийное производство на Горьковском авиазаводе и выпустивший на испытания самолет со множеством дефектов. Сын Чкалова Игорь винит во всем ведомство Лаврентия Берия, видевшего в Чкалове своего соперника, так как Сталин предлагал летчику должность наркома внутренних дел, от которой он отказался.

Каждый вправе мыслить по-своему. Но факт, думается, остается бесспорным: жизнь Николая Поликарпова без надежнейшего и верного помощника и друга Валерия Чкалова оказалась глубоко трагичной. Начиная с 1939 года были разбиты все самолеты, которые Валерий Павлович уже облетал, но по которым не успел закончить испытания по заводской программе. К ним относятся пушечные истребители ВИТ-1 и ВИТ-2, штурмовик под условным наименованием «Иванов». Три заказанных уже после смерти Чкалова И-180 были также разбиты. Такая же участь постигла три опытных истребителя И-185, на которые ВВС возлагали большие надежды. Спроектированный за полтора месяца, этот истребитель по оценке военных ученых-авиационников «превосходил все истребители мира».

Его характеристики не смогли превзойти до самого конца войны ни советские, ни немецкие авиаконструкторы. Как был нужен такой самолет! Будь он, война, наверное, продлилась бы не 1418 дней, а значительно меньше. Но обстоятельства сложились так, что в серию И-185 не пошел. Массовый двигатель М-71 отсутствовал, да и завода для производства самолета у Поликарпова уже не было — Горьковский авиазавод после неудач пришлось оставить, а опытный завод № 51, на котором Николай Николаевич стал директором и главным конструктором, для массового производства самолетов приспособить было невозможно. Да и былой пробивной силы у Поликарпова уже не было.

Правда, Сталин к нему еще благоволил в то время — и Государственная премия ему была присуждена, и Звезду Героя Социалистического Труда вручили одному из первых. Указ об этом был опубликован в центральных газетах. Прочитал его ливенец Алексей Григорьевич Емельянов с улицы Рабочей, порадовался за друга детства, написал поздравительное письмо и вскоре ответ получил. На фирменном бланке отпечатана «шапка»: «Н. Н. Поликарпов, директор и главный конструктор государственного союзного завода № 51 нкап». Датировано письмо 10 ноября 1940 года. Почерк спешащий, размашистый:

«Многоуважаемый Алексей Григорьевич!

Я был очень рад получить поздравление от своего старого товарища. Очень благодарен Вам за память. Судьба разбросала всех нас в разные уголки Союза, и очень приятно хоть изредка вспомнить, прикоснуться к далекому прошлому. Я в Ливнах не был вот уже тридцать лет, думаю, что город стал неузнаваем. Большая занятость не дает возможности поехать на родину, а так бы хотелось посмотреть, и — еще раз. Но я надеюсь как-нибудь все же выбраться и повидаться с Вами...

Уважающий Вас Н. Поликарпов.

Мой привет и поклон Вашей мамушке».

Слава не испортила его. Вот что пишет о нем А. И. Шахурин, нарком авиационной промышленности в годы войны:

«С Николаем Николаевичем Поликарповым в предвоенный и военный период до самых последних дней его жизни мне приходилось общаться довольно часто. Несмотря на свою всемирную известность, он был чрезвычайно скромнен. Другого такого человека я в жизни не встречал. Скромностью Николай

Николаевич выделялся даже среди нашей молодежи — конструкторов, которые в это время делали свои первые машины. Всегда говорил негромко и как-то по-особенному складывая руки вниз. Если мне приходилось давать ему отрицательный ответ, он тихо соглашался:

— Хорошо, хорошо.

Но не уходил, а так же тактично, но настойчиво начинал снова мотивировать ту или иную просьбу... Вместе с тем поражали исключительная работоспособность, четкость и дисциплина Поликарпова, который был очень исполнительен в выполнении решений, принятым по его самолетам...»

Он был по-настоящему интеллигентным. Любил литературу, музыку, театр. Увлекался живописью и сам рисовал...

В годы войны упорно работает над новыми проектами самолетов, ведет преподавательскую работу в авиационном институте. Титанический труд, неудачи, катастрофы надломили здоровье Николая Николаевича. В разгар болезни правительство расформирует бюро, приказав все дела и спецделетов передать в КБ С. А. Лавочкина.

Николай Николаевич угас 19 августа 1944 года.

В Ливнах в сквере его имени с бетонного постамента взмывает стремительный самолет конструктора Сухова, ученика Поликарпова, напротив стоит бюст нашего знаменитого земляка. Проходя мимо, вспомните Человека с большой буквы, который, словно мифический Икар, всю свою жизнь покорял небо.

ПОМНИТ ЛИПОВЧИК

тот заповедный уголок природы частенько посещал писатель Константин Паустовский, гостивший в Ливнах неоднократно. Он с упоением вспоминал: «Липовчик уютный такой лесок. Там не было ни родничка, ни колодца, но было много свежей травы, цветов и птиц. И удивительный покой и тишина». Мог ли предполагать Константин Георгиевич, что всего через несколько лет, в тридцать седьмом, покой и тишину леса разорвут зловещные выстрелы, а трава обогрится человеческой кровью?»

Ливенский педагог и краевед Олег Леонидович Якубсон вспоминает: «Отлично помню тот тихий осенний день 1963 года. Тогда, прогуливаясь с учениками по безмятежному Липовчику, под опавшими листьями мы наткнулись на человеческие останки. В то время я не мог подумать, что это следы чудовищного преступления, которое тщательно скрывалось долгие годы».

Только в 1991 году ливенцы узнали, что в урочище Липовчик расстреляно 423 человека, которые впоследствии были реабилитированы. Убийства ни в чем не повинных людей проводились в 1937—38 годах, о которых вспоминает жительница Ливенского района К. Ефанова: «В те страшные годы я почти ежедневно выглядывала из окна, не подъехал ли «черный ворон» к нашей хате, так как каждую ночь он приезжал в наше село и увозил умных, хозяйственных людей. У кого-то — конная молотилка, у кого-то шерстобойка... Всех умельцев увезли, и не вернулись они... Забрали и кузнеца от семи детей и слепой жены...»

3 марта 1937 года на пленуме ЦК ВКП(б) И. В. Сталин выступил с докладом, в котором указывал, что «чем больше будем продвигаться вперед, тем больше будут озлоблены остатки разбитых эксплуататорских классов». Колесо репрессий закрутилось. Через четыре месяца Сталин ставит свою подпись под протоколом заседания Политбюро ЦК, где указывается: «...НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке проведения их дел через тройки...» А еще через месяц народный комиссар внутренних дел Николай Ежов подготовил приказ № 00447, в котором указание Сталина разложено по долочкам, указано, кто должен подвергаться репрессиям, меры наказания, количество репрессируемых, порядок проведения операций, организация и работа троек... К приказу прилагалась таблица с указанием количества репрессируемых по первой категории (расстрел) и второй категории (ссылка) во всех республиках и областях страны.

Орловской области в то время не существовало. Вплоть до 17 сентября 1937 года ее территории входили в состав Курской области. Так вот, в строке 36 указывается: «Курская область — по первой категории — 1000 человек, по второй — 3000». Предписывалось начать операцию по уничтожению 5 августа, закончить к 5 декабря, Дню сталинской конституции. Сроки были затянуты — первый расстрел в Липовчике состоялся лишь в середине августа, но масштабы геноцида были значительно расширены. Только по известным ныне документам на территории Ливенского района было расстреляно 647 человек, не считая тех, кто был уничтожен за пределами его территории. Местное отделение КГБ сбилось с ног, отыскивая «врагов народа». Старейший журналист Дмитрий Ильич Головин свидетельствовал: «Вызвали меня в НКВД. Спрашивают:

— Головин, у тебя в редакции враги народа есть?

— Нет у нас таких — все честные люди.

— Не может такого быть: везде есть, а у тебя нет...

Обвинив меня в политической близорукости и отсутствии бдительности, пригрозив разобраться, отпустили».

Но чаще люди попадали под коосу репрессий. В сельхозартели имени Горького, в селе Казанском вывели на чистую воду группу «шпионов и предателей» из восьми человек. В нее во-

шли: председатель колхоза Г. В. Дорогавцев, председатель Казанского сельсовета Т. А. Печерских, заведующий мельницей И. Ф. Полетаев, ветсанитар Н. С. Тарков, зав. конфермой Д. В. Мотин, конюхи Б. И. Полетаев, И. И. Полетаев, С. И. Булатников. Зам. прокурора области Секачев на процессе в Никольском заявил: «Приговор будет только один — расстрел!» И не ошибся: обвиненные в подрывной деятельности в полеводстве и животноводстве люди были казнены. Позднее реабилитированы.

В течение пятидесяти дней в Липовчике по ночам грохотали выстрелы. Только к юбилейной дате — 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции «жертвоприношение» составило 180 человек. Безумный конвейер смерти действовал безотказно, о чем свидетельствуют хранящиеся в архивах полные списки на расстрелянных, акты расстрелов с именами палачей и казненных. В числе «шпионов и контрреволюционеров» числились рабочие, колхозники, счетоводы, бухгалтеры, священнослужители... Вот некоторые из них:

Агарков Тимофей Егорович, 1881 года рождения, уроженец и житель деревни Щетинки, кузнец. Расстрелян в сентябре 1937 года.

Дорогавцев Василий Петрович, 1879 года рождения, слобода Ямская, дьякон. Расстрелян в ноябре 1937 года.

Распопов Борис Иванович, 1879 года рождения, рабочий Ливенского птицекомбината, расстрелян в октябре 1937 года.

Митюрев Иван Семенович, 1897 года рождения, колхозник колхоза «Герой Челоскин» (Здоровец)...

Но на этом скорбном списке расстрелы не кончились...

В начале шестидесятых годов строители начали копать котлован под строительство домов на углу улиц Ленина и Дзержинского. Ковш экскаватора начал захватывать кости, сгнившие полупубки, даже «тормозки» с полусгнившим хлебом и салом. Кости оказались человеческими, черепа — тоже. Поползли слухи по городу, тем более, что на месте отрывки находилось до войны здание НКВД с подвалами под ним. И лишь спустя тридцать лет были опубликованы документы, подтверждающие, что в подвалах НКВД было расстреляно 224 человека. Преступление вершилось в 1938 году. Казнены в основном колхозники, единоличники, священнослужители, ремесленники. Большинство из них преклонного возраста, попа-

ли под расстрел и три женщины. И не только с Ливенщины — из Должанского, Покровского, Измалковского, Долгоруковского, Воловского районов.

В числе расстрелянных и 48 священнослужителей, в том числе Ф. Беляев — священник Никольской церкви, М. Руденский из заливенской Покровской церкви, П. Самоцветов — из кладбищенской церкви, Г. Семов — священник церкви в Беломестненской слободе...

Проводился геноцид не только русского населения. Казнили евреев, прибалтов, около двадцати человек поляков или уроженцев Польши. Это П. Осмольский, рабочий артели «Красный якорь», П. Шкопинский, колхозник, П. Мацневский, И. Олесницкий и другие. Теперь эти несчастные люди реабилитированы.

Репрессии были возложены на плечи так называемых «троек». В заседаниях троек в разное время на Орловщине принимали участие следующие лица: П. Симановский — начальник областного управления НКВД, Н. Солоницын — областной прокурор, Валик, Секачев, Тимошин — их заместители, В. Бойцов, К. Бидинский, Г. Никитин — партийные работники. Непосредственными исполнителями расстрелов в Ливнах являлись Чернов — начальник райотдела НКВД, Деревнин, Косолапов, Вайсбанд, Агафонов. С приходом в НКВД Берии палачи, словно тарантулы, стали грызть друг друга — Симановский и Валик были расстреляны, Чернов умер от кровоизлияния в мозг в 1938 году.

Но не только в 1937—38 годах на Ливенщине репрессировали невинных. Это происходило и в другое время, в частности, в начале и середине тридцатых годов, в период войны 1941—1945 гг., в послевоенное время. Были и расстрелы, и ссылки в отдаленные уголки страны, и заточение в тюрьмы. Невинные в настоящее время реабилитированы.

...Как и во времена, когда лес Липовчик навещал К. Паустовский, там прекрасно. Разве что деревьев стало больше, да лужаек поубавилось. Да еще на одной из них появился памятник с именами жертв политических репрессий. Молчаливо стоит монумент, на плитах которого высечены имена невинно казненных. Тишина. Лишь еле слышно шумит лес, словно вспоминая разыгравшуюся здесь много лет назад трагедию.

ПОКЛОН ИМ ДО ЗЕМЛИ

После взятия Орла немцами в октябре 1941 года запахло военной грозой и в Ливнах. При Особавиахине создается городской истребительный батальон численностью в две сотни бойцов. В середине ноября 38 бойцов-истребителей влились в 336-й стрелковый полк 6-й дивизии, их поставили в оборону у большака со стороны Крутого. Рядом с мужчинами с винтовкой в руках была и Кира Кузнецова. Бойцы ждали врага.

— Под вечер 25 ноября, — рассказывал участник тех событий П. Жидов, — на наши позиции двинулась механизированная колонна противника. Завязался жестокий бой. Он длился непрерывно четыре часа. В этой схватке смертью храбрых пали мои товарищи...

Бой стал первым и последним и для Киры Кузнецовой. Ее брат Сергей Григорьевич рассказал:

— Родилась сестра в 1921 году в Моховом. Родители — рядовые колхозники, в семье — восемь ребятшек. Дostatка никогда не было... Кира была голубоглазой, статной, высокой, неумно хотела учиться. Поступила в Ливенское педагогическое училище. Училась хорошо, мечтала стать учительницей... Последний раз ее видел второй наш брат Николай, гнавший скот в тыл через Ливны в середине ноября сорок первого года. Была Кира в новенькой военной форме, красивая, общительная, только вот грустинка в глазах запомнилась брату. А когда возвращался домой после изгнания захватчиков из Ливен, стал разыскивать сестру, но власти сказали, что погибла она при

защите города. Не суждено было осуществиться ее светлой мечте. Сложила свою молодую головушку.

Пример Киры Кузнецовой не единичен. В суровое время войны женщины Ливен и района мужественно приняли на свои плечи все тяготы труда в тылу, плечом к плечу с мужчинами шли по полям сражений. Уже в первые дни войны они встали за станки, сели за трактора, записывались в действующую армию, становясь санитарями, связистами, разведчицами...

Вот трагическая судьба девчонки из села Коротыш Юли Бобровой. Подполковник в отставке В. Вениг вспоминал: «В селе Коротыш разместили 199-й медсанбат нашей 148-й стрелковой дивизии. Раненых поступало много, иногда в день по несколько повозок. Медикам активно помогали женщины и девушки из села — ухаживали за ранеными, топили печи, стирали бинты и белье. Среди них была и Юля. Она настойчиво упрашивала военврача 2-го ранга А. Баженова и добилась своего — ее назначили прачкой в операционное отделение. Но, видно, нравилась девушке профессия врача — частенько она заходила к нам, старалась чем-то помочь. Вскоре научилась выполнять обязанности медсестры, и когда медсанбат выехал в другой пункт, Юля, распрощавшись с братишками и матерью, уехала вместе с нами. Имея необычайно добрый характер, девушка нравилась раненым, делилась с ними своей заветной мечтой — поступить в медицинский институт. Но... Под Житомиром разрывная пуля попала Юле в плечо, когда она находилась в операционной. Срочное вмешательство хирурга не принесло успеха — после ампутации руки началось заражение крови, и не стало юной медсестры.

При освобождении Красной Армией ливенской земли в ее ряды вступали местные девушки, многие добровольно. Для некоторых из наших землячек стала родной 6-я гвардейская стрелковая дивизия. Среди них — Аня Коробова, Маша Тюрина. Находясь на передовой, Аня спасала раненых под Ельней и Вязьмой, Калугой и Тулой, участвовала в освобождении родных Ливен. На Курской дуге была тяжело ранена, семь месяцев пролежала в госпитале, но снова вернулась в строй и помогала спасать раненых. Маша воевала под Ливнами и Ельцом, на Огненной дуге, в Белоруссии и Чехословакии. Вернулась с полей боев с орденом Красной Звезды и медалями. Под стать им и старшина медслужбы 13-й армии Ольга Афанасьевна Ко-

жухова, перетаскивала раненых, помогала врачам-хирургам возвращать солдат и офицеров в боевой строй.

Кое-кто из ливенчанок после соответствующей подготовки стали разведчицами. Характерна фронтовая судьба молоденьких учителей Теличенской школы Анны Коростелкиной, Евдокии Сажинной, Светланы Кудиновой. В конце августа 1941 года их, как и некоторых других девушек, вызвали в райком комсомола и предложили стать разведчицами. Они согласились. Сначала учились в дивизионной разведшколе, а через три месяца, оставшись в тылу после захвата немцами Ливен, девушки приступили к подпольной работе. По приказу командира группы учителя Ивана Павловича Кудинова Дуся Сажина отправилась в Коротыш, Аня Коростелкина — в Речицу, Светлана Кудинова — в Крутое. Задача — сбор разведданных, распространение листовок, антифашистская агитация среди населения. Аня оперативно сообщала командиру данные о штабе немецкой мотодивизии, размещавшемся в Речице. Только в декабре шесть раз передавала оперативки в разведывательный отдел. Дуся ежедневно вела наблюдение за движением вражеской боевой силы и техники по дороге Ливны — Долгое у села Росстани, передавала на явочной квартире сведения Кудинову. С 20 по 25 декабря три раза переходила линию фронта и доставляла в разведотдел информацию о дислокации вражеских частей. Почувствовав, что она становится опытной разведчицей, начальник разведотдела подполковник Коняхин поручает ей подобрать и подготовить для выполнения задания трех надежных девушек, что Дуся и сделала. Юные разведчицы уходят в район Сосновки, Дуся остается в тылу. Задание выполнено, но две разведчицы попали в лапы фашистов и были расстреляны, лишь Кате Астаховой чудом удалось выскочить из капкана. Е. П. Сажину (в замужестве Черных) знают многие ливенцы, длительное время она директорствовала в средней школе № 1.

О судьбе этой скромной женщины с улицы Мира хочется сказать особо. По общественным делам пришлось к ней заглянуть. В однокомнатной квартире чистенько, прибрано, а на тумбочке стоит сломанный телевизор. Обращается скромная, невысокого роста женщина:

— Нет денег, чтобы отремонтировать телевизор, а ведь всю войну прошла...

Как же так, думаю, у фронтовиков пенсия приличная. В

разговоре выяснилось, что Антонина Федорова Козьмина и не информировала собес, что является участницей войны, что прошла от Здоровца до Берлина и награды имеет — орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Впоследствии дело с пенсией уладилось, а во время встречи рассказала женщина о своем боевом пути. Была на фронте прачкой, связисткой. Много боевых подруг потеряла, но сама жива осталась. Подумалось тогда: на таких простых женщинах и держится наша матушка Россия, скромных, отважных, трудолюбивых.

...Высота Огурец. Расположено это возвышенное место за Норовкой. С него открывается очаровательный вид на бескрайние нивы и зеленые дубравы, а в 1942 году здесь кипели жаркие бои, лилась кровь. Вот как описывает те дни краевед и музейный работник из Успенки В. Болотских: «Начались рукопашные схватки, стреляли в упор. В блиндаже засели Нина Андреева и двое ее товарищей. К концу дня она передала на командный пункт радиogramму о том, что в наших руках остался лишь занимаемый ими блиндаж. Кругом были немцы. Вызывая огонь на себя, она сообщила свои координаты, а когда подошли к концу боеприпасы, собрала последние гранаты и связала их косынкой. Затем сообщила открытым текстом на командный пункт: «В блиндаж рвутся немцы. Нас трое. Взрываем себя. Прощайте». Прозвучал оглушительный взрыв, поставивший точку на жизни трех женщин, но и немцы не прошли. Ныне на знаменитой высоте 194 метра стоит обелиск, на плитах — фамилии бойцов.

Приводя примеры самоотверженности ливенчанок в годы войны, не могу не сказать о знакомой многим ливенцам, ныне покойной Валентине Сергеевне Лопатиной, замечательном, душевном враче-терапевте. В годы лихолетья эта чуткая и внимательная женщина была начальником санитарной службы отдельного батальона, спасала солдат и офицеров на 2-м и 3-м Белорусских фронтах, награждена орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Помощь тыла фронту... Разве перечислишь все, что было сделано? Поставка хлеба государству, сбор и отправка теплых вещей для армии, изготовление оружия и боеприпасов... и, кроме всего прочего, несмотря на невыносимые материальные условия, покупка облигаций займов, внесение сбережений на постройку танковых колонн «Орловский партизан», «Осво-

жденный Орел», самолета «Орловский учитель». И все это в основном легло на плечи женщин. Например, из общего количества трудодней, выработанных в годы войны, более двух третей приходилось на долю женщин, четыре пятых тракторов водили тоже женщины.

Типичны военные будни успешных женщин. По зернышку, по картофелине приходилось собирать по дворам семенной фонд. Весной сорок второго откопали из-под снега плуги, нашли и восстановили хомуты и другую упряжь. Пришла радостная весть: государство поможет семенами, но вывозить из Ливен нужно самим. А на чем? И отправились женщины за десять километров, насыпали в мешки по пуду зерна и с котомками за плечами отправились домой.

— Идем однажды с зерном, — вспоминала Ф. Федорова, — кофты от пота — хоть выжимай. А тут самолеты с крестами налетели, застрочили из пулеметов. Бросились врассыпную... Иногда делали по две ходки в день.

Наступила уборочная страда. Днем колхозницы косили косами и вязали снопы, ночью скирдовали и молотили. Спать некогда было, а дома — детишки и хозяйство. Разве перечислишь всех, кто отличился тогда? Мария Строева, Матрена Кобылкина, Устинья и Зинаида Потаповы... Это благодаря их беззаветному труду в 1943 году успешницы сдали государству 309 центнеров зерна, 24 центнера картофеля. Великой ценой достались эти центнеры! Под озимые копали поля лопатами (по три сотки в день была норма на трудоспособного), бороновали граблями. Анастасия Юрьева, Мария Пятина, Мария Романова, Евдокия Ядыкина, Мария Сотникова, Анна Ревякина всю войну трудились за штурвалами тракторов, а Мария Дорохова освоила комбайн и убирала хлеба. Совсем не детские заботы легли на хрупкие плечи девчонок. Оле Казьминой в начале войны едва исполнилось двенадцать лет. На отца пришла похоронка, мать умерла. Остались у нее на руках братишка восьми лет и сестричка двухлетняя. Вместе со взрослыми Оля скирдовала и молотила, копала общественное поле, носила в мешках золу для удобрения. А придя домой поздним вечером, стряпала картофельные блины, пекла хлеб в печи, обстирывала и обшивала и себя и своих маленьких. Поистине — русский характер!

Похожей на описанную была жизнь и у других женщин

района. Легко ли было вырастить звену Каторгиной из Сосновки по 650 центнеров свеклы с гектара? Урожай, который и сейчас пока недостижим. Вот что умеют делать трудолюбивые женские руки. Трудно было, но никто не роптал — знали: все — ради победы. Лишь временами осиротевшие от мужиков деревенские улицы оглашали скорбные крики и причитания женщин, державших в дрожащих руках похоронки на мужей, отцов, сыновей. А наутро — опять в поле. Весомый вклад в обеспечение армии продовольствием вносил Ливенский район. На «хлебном» фронте особенно проявили себя трактористки М. Быкова, М. Бронникова, многие другие. Увидев впервые трактор, М. Чечёткина и не думала, что сядет за его штурвал. В войну деревня опустела от мужиков и пришлось ей управлять железной машиной, стать одной из лучших трактористок района. После войны пересела с колесника на гусеничный трактор, за самоотверженный труд удостоена звания Героя Социалистического Труда. Это же звание получила и свиноводка из Кунача Нина Ильинична Калинина, отдавшая много сил в годы войны на трудовом фронте.

Небольшой рассказ о Наталье Никифоровне Коровецкой, кандидате сельскохозяйственных наук, лауреате Государственной премии, одном из авторов выведения ливенской породной группы свиней. В годы войны ей пришлось с товарищами по работе эвакуировать на восток стадо племенных животных. Она вспоминала:

— Вместе с главным зоотехником племрассадника П. Г. Букреевым, другими коллегами нам удалось подготовить к отправке 237 голов свиней. Это была элита выводимой породы. Во время следования со стадом испытали немало тревог. Дважды попадали под немецкие бомбы, трижды фашисты обстреливали эшелон из пулеметов. С большими трудностями разместили стадо сначала в Воронежской области, затем, с приближением фронта, в Саратовской. Скрупулезно вели записи, нумерацию, проводили ботанировку. Туго пришлось с кормами...

Коллектив, возглавляемый Коровецкой, не только сохранил поголовье поросят, но и вернулся домой со стадом породистых свиней численностью почти в четыре раза большей. Примечательно, что за этот трудовой подвиг Наталья Никифоровна была награждена орденом Трудового Красного Знамени Указом вместе с орловскими партизанами...

— Когда грянула война, — делится воспоминаниями ветеран труда Магдалина Кирилловна Злобина, — был провозглашен лозунг: «Все — для фронта, все — для победы!» Мы стали сплоченнее. В Малаховских выселках, куда были эвакуированы учреждения и организации Ливен, организовали швейную мастерскую. Обеспечивали фронт шинелями, брюками, френчами. Со временем не считались.

После освобождения города и части района от оккупантов важно было приободрить людей, укрепить в них веру в победу. Около 400 человек влилось в агитколлектив, проводивший разъяснительную работу и делавший практические дела. А. И. Свеженцева из Грязцов стала руководить лучшей в районе бригадой по расчистке военных аэродромов от снега, учительница А. П. Гололобова стояла во главе бригады, проводившей разборку развалин в городе. Техники практически не было, все делали вручную. Ливенские женщины активно участвовали в восстановлении изб-читален, библиотек, очагов культуры. Собирали теплую одежду, продукты для бойцов, отправили 625 посылок для Красной Армии.

...Санинструктор Елена Цветкова, воевавшая на орловской земле и собственными глазами видевшая подвиг женщин, написала в 1942 году стихотворение, впоследствии переложенное на музыку:

Когда землю туманы одели,
Загрели разрывы в лугах,
Вышла девушка в серой шинели
И тяжелых больших сапогах.
Бой кипит. Небо в пламени тонет.
И пылают пожаром костры,
В перелеске, где раненый стонет,
Промелькнула пилотка сестры.
Взрывы, будто бы отблески молний,
Разрезают небесную синь.
Как святыню, храним мы и помним
Имена молодых героинь.

Так будем же помнить о подвигах женщин в Отечественной войне, поклонимся им до земли!

СЛУЖИЛИ ТРИ ДРУГА...

еред вами, уважаемый читатель, на вклейке фотография, сделанная в августе 1943 года. На ней — летчики 16-й воздушной армии, отличившиеся в боях на Орловско-Курской дуге. Всмотритесь в лица этих мужественных парней. Они ничем не омрачены, наоборот, на многих из них — улыбка. Настроение у летчиков боевое, жизнерадостное. Есть тому повод — позади победные бои, освобождение Орла, первый салют в столице. И командиры оказались к ним благосклонны: представили к наградам, выделили для фотографирования для газеты как отличившихся. Военное начальство не ошиблось, именно на плечи этих парней выпала самая тяжелая ноша, которую пришлось нести в боях авиационной части. Но двоим из них подниматься в голубое небо, видеть с высоты любимую землю осталось совсем немного, чуть больше месяца. 6 октября 1943 года они погибли...

Крайний слева летчик — Алексей Свиридов, второй справа — штурман Михаил Павлов. Летали они вместе на бомбардировщиках «пешках» — так называли они любовно самолеты Пе-2. Быстро сдружились. В короткие минуты отдыха вспоминали о мирном времени. Алексей рассказал, что он из тульского села Ступишино, что под городком Плавском, а Миша поведал, что родом из деревеньки Липовец, расположенной под древними Ливнами. Алеша никогда не был в этом городе, но при упоминании о нем, улыбаясь, закивал головой:

— Слышал, слышал. Там у вас делают гармошки. Ну и голосистые они.

— Ваши, тульские, знаменитее. Нашим за ними не угнаться, и про самовары и говорить нечего, — кто их не знает! — продолжал беседу Михаил.

Поделились они и подробностями биографии. Алексей закончил школу фабрично-заводского обучения, аэроклуб, летное училище. Свою простую историю открыл и Михаил...

Родился он в 1919 году, закончил семилетку, работал в колхозе «Красное утро», затем поступил вместе с отцом в Краснодарский сельскохозяйственный техникум. Житель села Успенского Иван Дмитриевич Строев, хорошо знавший Михаила и учившийся с ним в том же техникуме, свидетельствовал: «Миша выделялся в группе: был настоящий заводила — подвижный, смелый, решительный, грудью вставал за товарищей».

Мечтал парень стать агрономом, но этого не получилось. Когда стукнуло двадцать, призвали в армию, потом направили в авиационную школу. В то время многие юноши грезили небом — подвиги Чкалова, Леваневского, Громова были заразительным примером... После изучения теории, полетов, полетов с инструктором — первый самостоятельный полет на учебном У-2. Преподаватель объяснял, что сконструировал эту небольшую, но полезную крылатую машину Поликарпов. Михаил знал: родом он тоже с Ливенщины — гордость охватывала за земляка. А когда сел за рычаги самолета, сердце от радости вырывалось из груди. Внизу квадраты полей, перелесков, кубики домов, а самолет послушно подчиняется твоей воле.

Но вот и учеба позади. В петлицах появилось по красному кубичку, что означало — стал Михаил младшим лейтенантом. Мог летать штурманом на бомбардировщиках СБ и Пе-2. Война грянула неожиданно, и сразу же вместе с экипажем, где командиром был Алексей Свиридов, Павлова перебрасывают на Калининский фронт. Ухитрились делать иногда до трех вылетов в день, после которых руки дрожали от усталости, от напряжения в голове гудело. Но — короткий отдых в землянках и снова в бой.

В один из полетов в район Вязьмы, что на Смоленщине, экипаж выполнял задание по штурмовке вражеской автоколонны. Шесть немецких истребителей подкрались незаметно. Один из «мессеров» выбрал в качестве мишени машину Свиридова. Бомбардировщик запылял, а немец старался добить изранен-

ную машину. Ведомые самолеты приоблизнились вплотную к командиру.

— Отходите быстро! Взорвемся и вам несдобровать! — скомандовал Свиридов, пытаясь выровнять машину, а потом направил в пики, чтобы сбить пламя. Но высота падала. Прыгать с парашютом — значит попасть в лапы врагу. И командир умудрился посадить бомбардировщик «на пузо» в расположении своих. Едва отбежали — грохнул взрыв.

— В рубашке родились мы с вами, — обняв штурмана и стрелка, порадовался командир.

— Нет, Алексей, не в везение дело, благодаря тебе удалось выкрутиться, — возразил Михаил.

В боях за Москву звено Алексея Свиридова подбило 17 танков, более десятка автомашин, четыре склада с боеприпасами. В 1942 году на счету экипажа было уже 160 боевых вылетов. Слава о нем как о дружном, умелом и слетанном распространилась по всей 16-й воздушной армии. Даже газета «Красная звезда» писала об экипаже Свиридова в корреспонденции «Железное сердце». Особенно отличились парни в боях на Огненной дуге. Тогда приходилось «работать» над позициями врага почти без передышки. «Утюжили» немцев вблизи родных мест Михаила: под Орлом, Касторной, Малоархангельском... К двум орденам Красного Знамени, которые сияли на груди старших лейтенантов, прибавилось по ордену Ленина. Засверкали награды и у стрелка-радиста Григория Алексеева.

...Командир дивизии полковник Воронков знал: 213-й вылет экипажа будет чрезвычайно опасным — железнодорожный узел Гомель был превращен фашистами в мощный кулак обороны от налетов авиации. Но военный приказ — закон! Поэтому он послал на выполнение сложного задания девятку самых лучших экипажей, а Свиридова назначил командиром группы. На полетной карте комэска проложен маршрут, штурман Павлов точно выводит эскадрилью на цель. Кругом дым — это поработал соседний полк.

— Делай, как я! — командует по радию Свиридов, и экипажи точно выполняют все маневры.

Враг ведет сильный зенитный огонь, кругом лопаются белые шарики взрывов. Комэск вводит машину в крутое пики. Штурман нажимает на рычаг сброса бомб. Поражена зенитная батарея, поднялся в воздух эшелон с боеприпасами. Море огня над станцией.

Бой втора атака. Но не это! Самолет... споткнулся. Это вражеский снаряд разорвался возле кабины. Осколки вонзились Свиридову в грудь, плечо и бок. Штурман Павлов был также ранен. Истекая кровью, летчик вывел машину в горизонтальный полет, собрав последние силы в кулак, сумел перетянуть через линию фронта и направился на свой аэродром. Но сознание стало притупляться. Командир отдал последний приказ:

— Друзья, прыгайте!

Но они не оставили своего командира. Связь прервалась. Земля требовала:

— Говорите, почему замолчали!?

— Командир смертельно ранен, прощайте! — это было последнее сообщение, переданное Павловым в эфир.

Дымящаяся громадина как бы нехотя врезалась в деревянную мазанку, снесла ее начисто, подняв клубы пыли, рухнула на землю. В живых остался лишь Алексеев...

Командир представил отважных соколов к званию героев. Командующий Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский подписал представление. 13 апреля 1944 года вышел Указ о присвоении А. А. Свиридову и М. Н. Павлову звания Героев Советского Союза. Г. Ф. Алексеев после излечения вновь летал, совершил за годы войны 217 боевых вылетов, сбил семь вражеских самолетов. 15 мая 1946 года также удостоен геройского звания.

В 1974 году на месте гибели в селе Перепис Городнянского района Черниговской области был открыт памятник героям-летчикам. На грустные торжества ездили родители Свиридова. Возложили букетики цветов, скромно помянули Алексея и Михаила... Одна из улиц Москвы носит имя Свиридова, в честь Михаила Павлова названа улица в Ливнах. Друзьям посвящены материалы в музеях. Герои не умирают. Бессмертными их делают подвиги во имя жизни на земле.

УХОДИЛИ В ПОХОД ПАРТИЗАНЫ

Темной сентябрьской ночью 1942 года с подмосковного аэродрома поднялась группа транспортных самолетов полка прославленной летчицы В. С. Гризодубовой, сделала круг над взлетной полосой и взяла курс на запад. Летчикам предстояло выбросить десант вместе с боевым снаряжением и продовольствием в тылу у фашистов. Командовал десантниками полковник Лещинский, а начальником штаба был А. Г. Андреев. Отряд был небольшой — всего 50 человек, но ему была поставлена задача не простая — парализовать движение врага в треугольнике городов Ржев — Сычевка — Белый, что на Смоленщине. Успешные действия отряда содействовали бы продвижению войск Красной Армии на одном из участков фронта. В отряде состояли в основном русские, но была и небольшая группа «Коминтерн», в которую входили испанские бойцы.

За окном самолета чернела темнота, мотор гудел ровно и монотонно. Тревожно колотились сердца у тесно прижавшихся друг к другу десантников в предчувствии опасности. Андреев держался спокойно — это был не первый его рейд в тыл врага. В голове всплывали воспоминания...

Виделись родные Ливны с уютными слободками, река Сосна, богатая плотвой и голавлями. Всплыл в памяти школьный карнавал. Тогда он соорудил из картона и бумаги метровый земной шар, изобразил на нем материи красками, а в той части, где были белые просторы Северного Ледовитого океана, прикрепил макет лагеря чепоскинцев, увенчанный красным флагом. Тогда его поделке жюри присвоило первое место. «За

актуальность», — отметил председатель. Встали перед глазами кирпичные корпуса заводика «Металлист», куда он после окончания девятого класса поступил работать токарем, даже станок его привиделся — опутанный плоским ремнем и с блестящими планками направляющих. Чередой пронеслись последующие этапы жизни: учеба в Воронежском училище связи, жестокие бои под Ельней в сентябре сорок первого, немецкий плен.

Русских солдат загнали в вагоны, в которых даже и нар не было, повезли куда-то. «Бежать, бежать», — сверлила голову мысль. Но как? На крышах оборудованы пулеметы, на вагонных площадках — охрана. Одна из стенок вагона, к счастью, оказалась неплотной, бойцы выломали доски, по одному выпрыгнули под откос, благополучно добрались до своих. После проверки и учебы последовал приказ: с группой из пяти бойцов вылететь в Брянские леса для формирования партизанского отряда. Это был первый вылет Александра Андреева в тыл врага.

В созданном тогда полку имени Сергея Лазо 23-летний Александр стал начальником особого отдела, а затем — командиром батальона. Полк действовал умело — о его успехах сообщалось в сводке Совинформбюро от 23 июня 1942 года. Познакомился в то время молодой командир с девушкой из Ельни, медсестрой Машей, но не до любовных увлечений было. Просто времени не хватало, а тут еще отозвали Андреева на Большую землю, присвоили звание капитана и поручили сколотить десантный отряд для подрывных действий.

В то время ему удалось вырваться на денек в родной город. Спешил в отчий дом, что на Крестьянской улице, но в нем царил тишина и запустение, лишь калитка уныло поскрипывала. Перевел дух, постоял в садике под яблоньками, переступил порог дома. Чтобы мать, сестры, брат знали о его побывке, нацарапал финкой на побелке печи: «Родные, здесь был А. Андреев. 8 августа 1942 года». И поспешил назад к боевым товарищам.

...Александр очнулся от воспоминаний, когда прозвучала команда пилота: «Приготовиться!» Открылась дверь, и бойцы поодиночке бросились в неизвестность ночи. Последним прыгнул Андреев. На земле собрались вместе — всего одиннадцать человек, под ногами хлопало болото. Как стало ясным впос-

километров. Топографических карт не было, но Андреев не растерялся, повел людей во второй в его практике рейд. Опасности стали преследовать сразу же. В лесу встретились дед с мальчиком, вели себя они как-то беспокойно, озирались кругом.

— Что здесь делаете? — властно спросил Александр.

— Грибы собираем.

— Грибы ли?

— Скажу честно, сынок, — признался старик, — узнали про ваш десант полицаи, обеспокоились, собрали местное население, приказали выслеживать парашотистов и доносить... Вот мы и ходим, как неприкаянные. А не пойдешь — расстреляют, у нас немчуры — целый гарнизон.

— Ясно, дедушка, молчи, и ты, хлопец, смотри не проболтайся, что нас видел, рассказывайте, где гарнизон.

Вечером партизаны наметили план, а на рассвете осуществили дерзкий налет на гарнизон. Молниеносная операция оставила от скопища фашистов только «пшик». Авторитет группы рос, и вскоре к ним потянулись местные жители, отчего и сил стало больше, и с питанием улучшилось — приносили провиант из дома. Большую роль Андреев придавал разведке — так учили в разведшколе. Посылая вперед боевые дозоры, изучал местность, отношение жителей к партизанам, боеспособность противника. Отряд не давал покоя сельским гарнизонам, громил их, добывая продовольствие, одежду, оружие и боеприпасы. Иногда удавалось найти и медикаменты.

Партизанские будни шли своим чередом, но Андрееву ежедневно сверлила голову одна беспокойная мысль: куда делись испанцы, прыгавшие вместе с группой? Судьба их стала известной в общих чертах в октябре 1942 года, когда отряд вышел в район станции Новодугино, а более подробно — только после окончания войны. Оказалось, что антифашисты попали в такое же положение, в которое попали андреевцы. Но тоже пошли наперекор трудностям и бесстрашно партизанили. Однако пренебрегли разведкой и при выполнении задачи при подрыве полотна железной дороги попали на мощную засаду. Последний бой длился не на жизнь, а на смерть. Убив и ранив около тридцати карателей, оставшись без боеприпасов, испанцы пустили последние пули в себя.

В конце сентября 1942 года отряду Андреева удалось все-таки найти основные силы и объединиться с Н. В. Лещинским. Александр Сергеевич приступил к выполнению функций, назначенных еще в Москве, став начальником штаба. И уже к ноябрю десантно-партизанский отряд за счет остатков трех армий, попавших в окружение, и местных жителей вырос до бригады. Стал официально именоваться отрядом имени 25 Октября. Успешно дрался с захватчиками в лесах, на дорогах и в селах Смоленщины.

Бывали и щекотливые, если мягко сказать, случаи. Однажды в отряд доставили троих, одетых в белые маскхалаты, спросили у них:

— Кто такие, откуда?

— Ищем отряд дяди Коли.

— Зачем?

— Чтобы вступить в него.

Под именем «дядя Коля» все в округе знали командира Лещинского. Но Андреев сердцем чувствовал: что-то не то. Насторожился, внимательно с ног до головы оглядел пришельцев, остановил взгляд на одном из них:

— Это ты, Бондарь?

— Это — я, так точно, товарищ Андреев.

Казалось бы, нужно радоваться — нашлись еще люди из десанта, но профессиональный «чух» не позволил Андрееву расслабиться:

— Пошли в штаб, охрану не снимать!

В результате беседы, а вернее допроса, удалось «патриота» вывести на чистую воду. Оказалось, что в том последнем бою, который вели испанцы, участвовали и русские члены группы. Бондарь попал в плен, согласился сотрудничать с немцами и теперь пришел в отряд, чтобы установить его численность, местонахождение, пути перемещений. Партизанский суд постановил: предателя расстрелять. Приговор привели в исполнение.

Бригада Лещинского провела ряд важных операций, а в мае 1943 года соединилась с Красной Армией. Боевой путь Андреева продолжался. Командовал разведкой у генерала Петерса, в 1944 году летел с заданием в Югославию, самолет был сбит, Александр остался жив, но потерял глаз. После госпиталя служил старшим порученцем у генерала Черняховского. Закон-

в звании подполковника. Приехал в Смоленск, разыскал бывшую медсестру Машу, с которой он познакомился в сорок втором под Ельней, — она училась в мединституте. Поженились и уехали в один из сельских районов Смоленской области, где проходили партизанские тропы.

В праздники надевает бывший партизанский командир костюм с приколотыми орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медалью «Партизану Великой Отечественной войны», за чаркой вина вспоминает свою партизанскую молодость, трудную, но счастливую...

В Отечественную партизанили многие ливенцы. Известны имена таких народных мстителей, как И. И. Мартынов, например. Недавно заходит ко мне пожилой мужчина, стройный, подтянутый. Из разговора выяснилось, что это С. Д. Савенков, житель Минска, уроженец Должанского района. В годы войны партизанил в Карелии, под Ленинградом. Относительно себя скромн, интересуется судьбой Мартынова, с которым учился еще до войны в Орловском машиностроительном техникуме. Они вместе направлялись по линии комсомола на подпольную работу. Но Иван Мартынов попал на Брянщину. О его подвигах известно многим — взорванные эшелоны врага, подбитые машины... Высшая награда — орден Ленина. К сожалению, жизнь его оборвалась трагически — погиб в дорожной катастрофе.

Для восьмиклассницы Ливенской средней школы № 1 Розы Агарковой начало войны было отмечено такими событиями, которые врезались в память на всю жизнь. Работала в местном эвакуогоспитале. Раненых поступало много. Особенно запомнился один — истекающая кровью, в агонии, привязанный к раскладушке, он вскакивал вместе с кроватью, надрываясь, кричал: «Заряжай, огонь!» И так до самой смерти.

Потом госпиталь уехал, Ливны готовились к отражению врага. Отец, Агарков Николай Захарович, в мирное время работавший директором рыбобазы, боец истребительного батальона, вместе с другими занял траншею. Роза последний раз видела его за день до гибели — приносила шерстяные носки.

Навалившееся горе сглаживали трудные будни. Работала в госпитале в Грязцах, потом попала в Краснинский район, в мае сорок второго вернулась домой. Пришла встать на учет в райком комсомола.

— Годину защищать хочешь? — спросил секретарь. С ней вместе и подружки были — Нина Давыдова и Надя Тушикина, по семнадцать лет всем.

— Что за вопрос? — ответил кто-то, и комсомолки едут в Елец. Там предупреждают: работать придется в тылу врага. Работа тайная. За разглашение — трибунал и расстрел. Ну, а если вдруг попадешься в лапы врага, то по инструкции, которую Роза подписала, полагалось «...документы уничтожить, покончить с собой, но не сдаваться».

В Орловской спецшколе изучала подрывное дело, радиостанцию, памятку партизана, а через несколько месяцев отправили в Москву в спецшколу № 3 при Центральном штабе партизанского движения.

Наступил день заброски в тыл к немцам. Сначала привезли в район боевых действий, а затем двоих девчат, ее и Веру Руденко, переправили через линию фронта и глухими тропами в смоленских лесах привели в группу полковника Архангельского. В лесу — замаскированные землянки, тишина, лишь в верхушках сосен ветер шумит. Стали девушки радистками, несколько недель спустя — шифровальщицами при партизанском штабе. Кажется, штаб — не передний край, сиди себе, копайся в бумажках, никакой опасности. Но это не так. На группу Архангельского были возложены ответственные задачи: разведка, уничтожение штабов, живой силы и техники противника. Связь с Большой землей, соседями играла здесь первостепенную роль. И вся информация шла в зашифрованном состоянии. Приводили ее в удобочитаемый вид шифровальщицы: текст радиogramм заменяли на непонятные врагу столбики цифр, или наоборот.

— Каждая из нас, — рассказывает Роза Николаевна Агеева (такой после замужества стала ее фамилия), — сидела в отдельной кабине под персональной охраной солдата. Круглые сутки поступали радиogramмы, которые мы дешифровали, передаваемые заменяли шифром. Тексты на любые темы: куда раненых партизан доставить, где аэродром подготовить, какой фигурой для посадки парашютистов костры выложить... Все — срочно, срочно. Отдыхать давали по два-три часа в сутки. Бывало, свалишься прямо в кабине на пол от усталости, а офицер трясет за плечо: «Роза, нельзя, вставай, срочная!» Взгромоздишься вновь на табуретку, перед глазами плывут

слова: «Партизаны напоролась на засаду, раненых много...» Ошибки не допускались, так как они приводили к провалам. За ошибки — трибунал.

Роза старалась. Недаром в книге П. Дунаева о генерале А. В. Горбатове написано: «Вступив на землю Белоруссии, наши армейские радисты стали принимать ценнейшие сведения о противнике... Узнавали почерк радиста-оператора, а позже шифровальщицы оперативной группы Белорусского штаба партизанского движения, бывшей школьницы из города Ливны Розы Николаевны Агарковой».

После войны бывшая партизанка тридцать лет проработала стерженщицей в литейном цехе «Ливгидромаша». Сейчас — на заслуженном отдыхе.

НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ...

Влихую годину испытаний, когда немецкие захватчики напали на нашу Родину, практически из каждой семьи уходили на фронт. Отцы, деды, братья, мужья, жены... Многие из них сложили голову на полях сражений. Оставшиеся в живых вернулись к мирной жизни. В Ливнах есть и такие семьи, в которых участниками войны были оба супруга. О двух таких семьях — Федоровых и Колычевых это повествование.

В книге М. Новикова «Победа на Халхин-Голе» есть такие строки: «Упорную борьбу за высоту «Палец» вел 601-й полк северной группы. В 16 часов началась артиллерийская подготовка. Она велась шквалами беглого огня с короткими перерывами... Только в 18 часов взвились ракеты, означавшие начало общего наступления. Лишь к ночи удалось сломить сопротивление врага...»

В этом бою участвовал ливенец Иван Федорович Федоров.

В мае 1939 года кадрового офицера Федорова вызвал командир дивизии, коротко приказал:

— Направляетесь по спецподбору. На все сборы 24 часа.

Куда, для чего — об этом ни слова. «Может быть в Монголию?» — подумалось тогда. В Сибири стали встречаться эшелоны с ранеными, от них узнали, что на реке Халхин-Гол идут кровопролитные бои. По пескам добрались на автомашинах до штаба дивизии. Комбриг Ф. Ф. Пось был немногословен:

— Принимай роту, лейтенант, завтра — в наступление!

Первый бой запомнился на всю жизнь. Оборонительные

тому же снайперы во всех щелях понатыканы, танки попрятаны. Но приказ — святое дело. Оставляя следы на зыбком песке, пехотинцы поднялись в атаку, ведя огонь из винтовок и пулеметов. Японцы ответили шквальным огнем. Рота несла потери. Федоров увидел сполохи огня из винтовки снайпера, засевшего за подбитым танком. «Устроился самурай удобно, надо его выбить», — подумал он, но в этот момент что-то горячее полоснуло в плечо. Пришел в сознание только утром в полевом госпитале. Боевая задача была выполнена без него. В 1941 году Федоров поступил в Военную академию имени Фрунзе, но началась война — и вновь приказ: ехать в Казахстан для формирования Сибирской стрелковой дивизии. Потом бои под Москвой и Тулой. Летом 1942 года часть, где воевал Федоров, была переброшена под Ливны. Немцы разработали операцию «Блау» по захвату Воронежа и в конце июня перешли к активным действиям. Они упорно атаковали передний край нашей обороны в направлении Ливны — Тим, но к Ливнам не прорвались. Мужественно оборонялись солдаты подразделения, командовал которым Иван Федоров, в районе Опытного Поля, Никольского, Жерновца, обеспечивая выполнение задачи 13-й армии по удержанию рубежей на ее южном фланге. Командование, приметив грамотные действия офицера, перевело его с переднего края в оперативный отдел штаба армии, разместившегося в Ливнах. Сбор информации, подготовка данных и докладов по боевой обстановке, работа с картами, расчет военных операций и другая подобная работа стала для офицера обыденной.

В то же время военная судьба связала его с командующим 13-й армией Н. П. Пуховым. Пришлось как-то Федорову сопровождать генерала на передний край. Пухов требовал докладывать обо всем подробно, но кратко и точно. Военное образование, боевой опыт позволяли в полной мере Федорову отвечать этим требованиям.

— Будешь сопровождать меня с этого дня постоянно, — приказал Пухов. Началась совместная боевая служба с ним. После боев под Ливнами — Курская битва, сражения на Украине, в Польше, Германии, Чехословакии.

...Мы беседовали с Иваном Федоровичем несколько лет назад в его домике на улице Рабочей. Ему тогда перевалило за

пятьдесят лет: немногословен, точен, серьезен. Показывает газету «Комсомольская правда» военного времени. На снимке среди деревьев маршал И. С. Конев в окружении сподвижников наблюдает за воздушным боем, слева — Пухов, чуть поодаль, справа, узнаю Федорова. Молод, подтянут, спогонами подполковника, в правой руке кожаная папка.

Его жена Александра Степановна приносит документы, фотографии, награды, компетентно добавляет рассказ мужа о боевом пути 13-й армии. Удивляюсь ее осведомленности, а в ответ слышу:

— Тринадцатая — моя родная.

...До войны Саша Козьякова работала в Ливнах парикмахером. В июле сорок первого вручили восемнадцатилетней девушке повестку на строительство оборонительных сооружений. Копала вместе с такими, как и она, противотанковые рвы на Смоленщине и Брянщине. Потом приключился случай, повернувший ее судьбу:

— Солдат брил командира на передовой. Вижу, парикмахер никудашный, а офицер торопит — скорей, скорей. Не выдержала, осмелилась, говорю: «Да разве так бреют?! Разрешите?» Взяла бритву и добрила военного. Хоть и война гремела, но мужчинам хотелось быть опрятными, красивыми, и офицер предложил:

— Хочешь в нашу часть зачислим?

Согласилась и стала парикмахером 13-й армии.

Смотрю удостоверение к медали «За боевые заслуги», выданное на имя Александры Степановны, немного удивлен — парикмахер... и медаль. Но из рассказа начинаю понимать: медаль не по разрядке — заслуженная.

— Еду как-то на передовую брить начальство, вижу: недалеко от наблюдательного пункта командующего в деревне немцы хозяйничают. «Фашисты», — шепчу шоферу. «Да ну, это глупые», — отвечает. Приехали на НП, первым начала брить Николая Павловича Пухова: намылила бороду, бритву поправила, а у самой на душе кошки скребут, тревога. Говорю:

— Товарищ генерал, немцы движутся в нашу сторону.

Пухов быстро встал, вытерся салфеткой и — к телефону. Как потом выяснилось, немцы пронюхали про НП и хотели разгромить его. Вышло, что мое предостережение было своевременным...

На фронте познакомились Иван и Саша, в 1945 году стали мужем и женой. В армии Пухова служили до 1947 года.

За ратные дела Федоров был награжден шестью боевыми орденами и четырьмя медалями, кроме того — пятью иностранными.

...Собрались супруги перед пятидесятилетием Победы золотую свадьбу справить, но всего месяц не дожил до этого дня Иван Федорович.

Тринадцатая армия связала судьбу и супругов Колычевых.

Когда восточный рубеж фронта проходил по восточным районам Орловщины, семнадцатилетняя Валя Галкина жила в прифронтной полосе — в деревне Шатилово, что в Новодеревеньковском районе. Многие ее сверстницы стремились тогда в армию, подала заявление и она.

— Будешь связисткой, — сказал командир полка. И, строго поглядев прямо в глаза, добавил: — Связь — важная штука, это уши полка, будешь работать на полковом коммутаторе...

Тихон Колычев к этому времени закончил курсы младших командиров, участвовал в боях на территории Верховского, Залегощенского, Новодеревеньковского районов. Когда в июле 1943 года разгорелась битва на Орловско-Курской дуге, немцы пошли в наступление и прорвали оборону. Часть, где воевал Колычев, отступила. Медлить было нельзя, и командир приказал тогда:

— Тебе, младший лейтенант, ответственное задание. Бери взвод автоматчиков, останови немцев и отбрось на исходные позиции.

Пехотинцы пошли в бой. Когда приблизились к передовой, увидели: по полю ползут несколько танков врага, под их прикрытием двигалась немецкая пехота. Видя превосходство, наши пехотинцы и артиллеристы начали спешно отходить назад. Паника и смятение. Немцы прекрасно все видели и начали расстреливать отступавших. Ох и озлобились тогда автоматчики:

— Куда прете, трусы проклятые? Назад! Пушки к бою!

Увидев разозлившихся «львов» (так называли автоматчиков в полку), отступающие остановились, вместе с автоматчиками заняли позиции, вступили в бой.

— Бейте по танкам, — скомандовал Колычев артиллеристам, — а с пехотой мы сами управимся.

Забили пушки, и задымились два танка, размеренно затрещали пулеметы, автоматы, винтовки. Фашистская пехота сначала залегла, а потом покатила назад. Убрались восвояси и танки. Группа Колычева активно преследовала врага, а он так драпанул, что оставил даже на поле боя походную кухню, что встречалось в войну весьма редко.

В этом бою телефонной связи со штабом полка не было. О результатах Колычев сообщил письменным донесением. Но в основном о выполнении приказов приходилось докладывать по телефонной связи. И не предполагал молодой офицер, что телефонистка, отвечающая мильным, четким голосом: «Ромашка слушает. Кого вам? Соединяю», — станет сначала его боевой подругой, а в конце войны женой.

Но пока впереди были сражения. Часть, в которой воевали Валентина и Тихон, освобождала орловскую землю, прошла с боями Брянщину, форсировала Десну, Сож, Днестр, Вислу, Одер. За боевую доблесть к первой награде — ордену Красного Знамени, полученному за описанный бой под Орлом, прибавились два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Одной из лучших телефонисток полка была Валентина, о чем свидетельствуют ее награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу». Заслужила она и пять благодарностей командования.

Когда отгремели бои, был Тихон Никифорович в звании старшего лейтенанта, оставляли его на военной службе, но потянуло Колычевых домой. Сначала приехали в Шатилово, а в 1951 году — в Ливны.

Работал он маляром, стекольщиком, вместе с товарищами по работе отделявал производственные корпуса, жилые дома возрождающегося из пепла города. Валентина Николаевна трудилась на заводе жидкостных счетчиков. Теперь супруги на пенсии. Изредка вспоминают боевую молодость, которая привела их сквозь пламя сражений и привела к победе.

ЖИЛА-БЫЛА МАСТЕРИЦА

деревне Плешково, где был когда-то промысел керамики, удалось впервые побывать лет десять назад. Хотелось посмотреть глиняную игрушку местного производства. Да и с посудой глиняной не мешало познакомиться. Про кирпич плешковский также известно было, и его интересно было увидеть.

Дорога петляла по вахновскому лесу, потом привела в деревню. Правда, три домика и деревней назвать как-то было неловко. Опершись заросшим щетиной подбородком на узловатую палку ветхий дед объяснил после громких долгих расспросов, что мастеров не осталось — либо померли, либо в Ливнык детям уехали. А жили здесь когда-то Малютина, Красовы, Иванилова...

— А глинку-то хоть можно посмотреть? — кричим над ухом деда.

— Вон там, за огородами, — показал он палкой в сторону оврага.

— А посуда сохранилась?

— Дешевле в магазине купить, — ответил дед, отвернувшись от нас и опершись снова подбородком на палку.

У следующей хатенки увидели все же надетые на колья две махотки. Но старинные они или современные — узнать было не у кого — сколоченная сто лет назад, вся в трещинах дверь была закрыта на ржавый замок. Среди бурьяна, шароголовника и глухой крапивы удалось все-таки найти остатки обжиговой

кирпича, словно слезы, свисали черные потеки. А вот и кирпич плешковский — вполтину меньше современного белого кирпича и раза в четыре коротыпского. Ловко, наверное, работалось им при кладке. Глины в овраге увидели много, светлой, липкой. После дождя вода стояла в ямах, из которых брали в прошлом мастера материал для изготовления посуды, кирпича, игрушек...

Но плешковскую игрушку пришлось увидеть. Правда, не в Плешкове, а в Ливнах и немного позднее...

Мы сидели с Александрой Михайловной Иваниловой в ее домике на городской окраине. Рядом речка Ливенка, скованная льдом, на улице мороз лютует, а в комнате печка потрескивает, и рассказ Иваниловой уводит в прошлое:

— Жили мы всей семьей в деревне, а десять лет назад в Ливнах дом купили. В Плешкове была тесная хатка из самана...

Деревню обступали со всех сторон леса, пахотной земли не доставало. На небольшой «плешине» земли возникло поселение. Когда — трудно сказать. Во всяком случае, более трехсот лет, ибо в «Переписной книге по Ливенскому уезду» за 1678 год при перечислении сел и деревень упоминается и Плешково. От слова «плешина», вероятно, и возникло название деревни. Земля скудна, но копнешь — залежи глины. Сверху — желтая, поглубже — серая, а еще глубже — белая, легкая в работе, после обжига искорки блестящих вкраплений просматриваются. В 1880 году «Указатель промыслов Орловской губернии» подчеркивал: «...плешковский промысел имеет немалую давность», а «Орловские губернские ведомости» в 1886 году отмечали, что в Плешкове Ливенского уезда — «горшечное производство». Словом, исстари здесь «вертели» на гончарных кругах посуду: махотки для молока и сметаны, кваса и ягод, блюда для стола побольше и поменьше, формовали и обжигали кирпич, а «для души» и на продажу лепили свистульки.

— На ярмарки свои работы возили и носили. В Колпну, в Ливны, в Долгую. — От воспоминаний о молодости лицо умоей собеседницы светлеет, в глазах огоньки загораются. — Бывало, заготовим посуду на продажу. Забот при этом много, работа не из легких, мужики ее делали в основном. Закружатся в хлопотах, а потом спохватится кто-нибудь: «А про игрушки-то забыли». Десятка два-три свистулек сделаем. Выручки от них на копейку, мороки много, но без них скучно. На ярмарку ехать без игрушек нельзя — ребятишкам большая обида будет.

— Когда жизнь в достатке была, когда радость в доме, тогда и весело было. На площади стояли палатки, балаганы разные. В толпе шныряли продавцы глиняных свистулек: «Моя звончей, моя милей, моя поет, как соловей!» Война, коллективизация много бед понаделали. Частника не стало, и пошел на убыль промысел. Лихолетье забрало всех мужиков. Мужа моего, Игната Яковлевича, сразу на фронт отправили. Попрощались и не увиделись больше. В сорок третьем под Орлом сложил свою невинную головушку. Хороший был человек, трудолюбивый, честный, — опускает она глаза, задумывается. Беседа наша приостанавливается, чувствую — тяжелые воспоминания нахлынули на Александру Михайловну...

— После войны поделки на базар возить не на чем было. На себе носили. В основном в Колпну, за 35 километров. Днем в колхозе работали, а вечерами дома подрабатывали на пропитание на посуде и игрушках. Глины было много, спрос большой, не ленись только. А вот красок не было. Терли кирпич в порошок и разводили на клейстере из муки, но в основном толкли лопухи, отжимали и раскрашивали «зеленухой».

«Вот почему в игрушках послевоенного времени преобладает зеленый цвет», — догадываюсь я.

— Потом взялся за организацию этого ремесла Иван Иванович Крылов. Людей набрал человек двенадцать, печки сложили — вроде заводика стало. Добился наш директор и льгот — выделяли нам по девять килограммов муки в месяц на человека. Люди закрепились на нашем производстве, пользу ливенской округе давали. Кирпич плешковский, легкий и прочный, и сейчас помнят люди.

Чувствуется, понимал что к чему тот Иван Иванович, коли говорил: «Кирпич кирпичом, а игрушку не забывайте — нужна вещь и для детей, и для искусства».

И делали плешковскую игрушку народные умельцы. Нехитрая на первый взгляд эта поделка, мало того, специалисты относят ее к примитивной, грубоватой. Но тем она и ценна, что мало отличается от игрушек, найденных при археологических раскопках, являясь как бы свидетельницей духовного мира наших предков. В этой миниатюре видится что-то далекое, но родное, безвозвратно ушедшее в историю.

Соперничали мастера и мастерицы. Лидером считалась Ольга Даниловна Малютина, тихо и мирно скончавшаяся на

восьмидесятилетнем возрасте. Не отставала от нее и Александра Михайловна Иванилова. Егор Егорович Красов делал на гончарном круге корчаги, кувшины, горшки для комнатных цветов. Когда-то лепили и свистульки.

В начале восьмидесятых годов лишь Иванилова лепила игрушки. Из-под ее умелых пальцев выходили глиняные люди, звери, птицы. Барышни стояли на колоколе юбки торжественно и величаво, на голове в корону уложены косы. Лепила она и фигурки женщин, державших ребенка в руках. Левая рука приподнята как бы в нечаянном жесте. Она и выполняет роль свистка, чему способствуют два отверстия, сделанные тонкой палочкой.

— Сырые игрушки нужно с неделю сушить в тени, а потом поддуть обжигать в «подпечке» — пространстве ниже горна, где обжигают посуду, — продолжает рассказывать Александра Михайловна...

После обжига начиналась роспись отточенной лучиной или птичьим пером. На сарафан невесты наносились зеленые, синие пятнышки орнамента, нарумянивались щеки, и кукла готова...

Прошу показать поделки, мастерица объясняет, что в запасе нет ничего, лепит она в последнее время мало...

Казалось, угаснет плешковская игрушка, кто будет заниматься ею, кому нужны лишние хлопоты? Но энтузиасты не дали уйти древнему промыслу в небытие. Началось с того, что местные художники Н. Шеламов, Т. Шадская, Н. Фролова разыскали Александру Михайловну Иваниллову. Творческая дружба завязалась между ребятами из художественной школы и мастером плешковской игрушки. Потом поехала молодая художница Наталья Фролова с группой юных художников в Плешково, «на следы былого посмотреть, глины накопать», взглянули к Егору Егоровичу Красову в село Бараново. Он подарил кубан глиняный и молоком напоил. Со временем ребята освоили промысел, и плешковская игрушка получила свое второе рождение. Миниатюрные поделки, выполненные Н. Фроловой, демонстрировались не только в России, но в дальнем и ближнем зарубежье...

Несколько лет назад мастерицы Иваниловой не стало. Ее имя не должно быть забыто — она из тех, кто не дал угаснуть очаровательной плешковской игрушке, одной из самых достопримечательных примет нашего края.

УМЕЛЕЦ

Что отковать вам?

Что хотите.

Хотите крылья откую
Для лебедей...

Летят, смотрите!

Хотите горло соловью...

В. Лазарев

Т ула — известный город мастеров. Помимо прочего здесь делают инструменты для духовых оркестров, баяны, гармони. Производство гармоней — один из самых старинных промыслов. Теперь множество артелей, мелких фабрик объединились в музыкальный производственный монстр, который называется объединение «Мелодия». С впечатляющими цехами, станками, прессами, поточными линиями... С большим трехэтажным заводоуправлением и штатом конструкторов, технологов, бухгалтеров, снабженцев...

Но все-таки производство тульских баянов и гармоней сосредоточено в двух местах: в объединении «Мелодия» и в рабочих слободках, домах, где живут мастера-частники. «Мелодия» штампует массовку для магазина и базара, частник делает инструмент по заказу — комукакой по душе. И внутренняя «начинка» — разная, и звук — по вкусу, и облицовка — какая понравится. Видел, как за малоразмерными верстаками в крохотных комнатках с маленькими окнами «колдуют» над заказными гармониями настоящие корифеи своего дела. Мастерство, профессиональные секреты, почерк передаются из поколения в поколение. Кто-то таких называл метко: «Их вели-

чество Мастера». Мастер ливенских гармоник Константин Федорович Кудрявых не уступает тулякам, а во многом и превосходит их.

Мы сидим в его небольшом, но уютном домике в городской слободке. Все здесь напоминает о том, что хозяин дома занимается поделками: тиски, прикрученные к столу, небольшое точило, многочисленные инструменты, кусочки металла, дерева, пластмассы... Этот тесноватый уголок дома, отделенный от кухни только печью, хозяин зовет мастерской. Первое, на что обращаешь внимание, — это необычных форм печка.

— Не печка, а чудо! — мастер кладет старческую руку на черную облицовку, с гордостью рассказывает о хитроумном сооружении.

— Сами придумали? — спрашиваю у Константина Федоровича.

— От начала до конца все мое — и конструкция, и работа. Печка чудесная. Экономная, тепло зря не выбрасывает в трубу и места занимает мало.

Разговор сам по себе переходит на главное занятие умельца — гармони-ливенки.

— Помните, Константин Федорович, у Есенина:

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой...

Он задумался, глаза заискрились. Понял я: стихи затронули его душу, навели воспоминания:

— Бывало, выйдешь на берег речки, растянешь меха и разольется по округе голос певуны. У многих тогда в деревне гармони были. То «страдания» парни заиграют, то «барыню». Соперничали друг с другом...

Самое время рассказать теперь стихотворение, подумаешь, как на него прореагирует мастер? Начал рассказывать:

Королева крестьянского бала,
Выводимая в круг молодцом,
На матаню девчат созывала,
Заливаясь в степи бубенцом.
Соловьиными петь голосами
Научил тебя парень весной,
Рекрутов провожала слезами,
А на свадьбах была озорной.
Восторгался не ярмарке Бунин,
У тебя был поклонником Фет,
И родившейся в Ливнах певуней

— Да.

— А откуда это известно?

— Фотография есть: Сергей и его друг поэт Городецкий сидят в комнате, Сергей ливенку растянул, и другие есть снимки, на которых поэт с ливенкой, — поясняю.

— И до Рязани добралась гармошка, любил народ ее...

Человек десять, а может и побольше, в старое время делали гармони на Ливенщине. По преданию, начался этот промысел после Крымской войны, то есть в пятидесятых годах прошлого века. Самыми маститыми мастерами считались Занины — Федор, его сын Иван. К последнему обращались со всех концов России с просьбой прислать «на обустройство» хоть одну ливенку. Шло время, появились новые гармони — роялки, затем в руках заядлых гармонистов баян появился. Новые песни под него стали петь. Ливенкам пришлось потесниться, а потом об этой миниатюрной гармонии и вообще забыли.

— Спасибо Валентину Ивановичу Занину: он дал гармони вторую жизнь, — вспоминает Константин Федорович. — В 1964 году принес мне несколько полусгнивших, разбитых гармошек. Нашел где-то в деревнях на чердаках да в чуланах. Просит: «Выручай, Федорович, только тебе эта работа по плечу». Сначала отказывался, опасался: не справлюсь, забыл что к чему.

— А раньше делали их?

— Десять лет мне было, поехали с отцом из Парахина в Здоровец. Зашли в дом какой-то. Там и увидел впервые, как работал гармонный мастер. Как-то сразу полюбилось, самому захотелось все освоить. Начал заниматься, научился ремонтировать гармони, а потом и делать новые.

Через всю жизнь пронес Константин Федорович Кудрявых любовь к гармониям. Их музыка вселяла в душу радость, облегчала повседневный быт, сглаживала тяжелые будни на фронте, где он был оружейным мастером. Метко и безотказно стреляли минометы, отремонтированные Кудрявых. Бывший воин достает из комода коробочку. На блестящих кружочках надписи: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга». Это его медали.

Прошу мастера продолжить рассказ о втором рождении ливенки. Он берет в руки инструмент, говорит сочно, четко:

— Привел в порядок все гармошки, принесенные Заниным,

Гочаров, Павел Ильич Удовыдченков, Кузьма Яковлевич Киселев, взяли позабытые гармони в руки. Растянули меха... Что тут было! До слез прошибло стариков, видно, вспомнили свою молодость...

Занин создал ансамбль, начали вспоминать старые мелодии, разучивали, репетировали. Скептики высказывались: «Не позорьтесь, кто эту рухлядь пойдет смотреть и слушать. Сейчас магнитофоны, транзисторы...» И впрямь, боязно было выходить первый раз на сцену — освистают еще, на смех поднимут. Но стоило зазвучать ливенке со сцены, зазвенеть, словно весенним ручьям, как раздалось: «Браво, ливенка!»...

Прошу поведать Кудрявых о своем мастерстве, рассказать о секретах. Он показывает, как делаются белые пуговицы, золотистые лопаточки-клавиши, блестящие уголки для соединения складок-борин.

— Придумал делать новую облицовку. На фабриках деревянные корпусные детали оборачивают в размягченный листовый пластик, затем полируют. Расход пластмассы большой да и инструмент утяжеляется от этого. Я покрываю кистью специальным раствором, мною придуманным, цвет — любой. Такое покрытие позволяет сохранять натуральность звука.

У меня, видевшего на заводах работу и слесарей, и станочников разной квалификации, его работа вызывает восхищение. За считанные секунды из куска медной проволоки делает шуруп с конической резьбой. И на заводе нужно голову поломать, чтобы сделать подобное. Он показывает изготовленные собственноручно напильники разных форм, ножницы, штампы...

— Сколько труда, не проще ли купить все это? — закрадывается сомнение.

Умелец пробует магазинным напильником опилить головной язычок. Инструмент скользит, словно по стеклу. А изготовленный им оставляет блестящий след. Константин Федорович показывает, как вручную насекать напильник. И минуты не проходит, как на боковой поверхности получаются ровные зубчики одинаковой глубины. Потом открывает тайну получения высочайшей твердости инструментов при калке с использованием порошка из кости животных. При мне высекает маленький ролик из обычного ножовочного полотна, после термооб-

поступал по стеклу — и в руках у него длинные полосы волнообразного стекла.

Приспособления у мастера чрезвычайно простые, но остроумные, и детали получаются аккуратные — залюбуешься.

— Для извлечения длинного певучего звука надо растягивать гармошку на полный размах рук, — поясняет Константин Федорович, — поэтому нужно «наломать» картон и «связать» меха так, чтобы количество складок — борин было не менее 35. Недаром говорят, что ливенкой можно подпоясаться. Наспех раньше делали и 20 борин, но заказчики возвращали такие гармони назад.

— Вашими секретами не побрезгуют и на фабриках, — высказываю предположение.

— Однажды был на московской музыкальной фабрике, был принят главным инженером. Он собрал специалистов, которые интересовались многим. На прощание поблагодарили за секреты и дали целый мешок разнообразных материалов. Еле донез, — вспоминает он с улыбкой.

Затем показывает гармони, которые находятся в производстве. Облицовка зеленая, под изумруд, с белыми, словно птичьи следы, узоры инкрустации, меха — малиновые. Много самобытных инструментов изготовил мастер. Сделанные его золотыми руками, они звучали на российских сценах самого высокого уровня, за рубежом, в студиях звукозаписи, на радио и телевидении. Эстафета от умершего Занина перешла к директору музыкальной школы Виталию Демидову, большому энтузиасту и пропагандисту гармони-ливенки, заслуженному работнику культуры России. Немалая заслуга в ее популяризации принадлежит орловскому композитору Евгению Дербенко.

В последние годы в Ливнах открылась мастерская по изготовлению ливенок. Эстафета перешла к следующему поколению энтузиастов. Но, бесспорно, корифеем гармони-ливенки остается Константин Федорович Кудрявых.

ХУДОЖНИК ИЗ ЛЮТОГО

окупая чайник, чашки и сервиз, мы редко заглядываем на оборотную сторону посуды, разве что — когда моем ее. А там можно увидеть знак завода-изготовителя: «Вербилки», изображение головы лося, орла или еще что-нибудь. Если на обороте написано слово «Дулево» — вам повезло. Во-первых, посуда отличная, а во-вторых, в этот солнечный фарфор часть своей души вложил наш земляк художник Петр Пасильевич Леонов или его ученики.

...Это было в начале восьмидесятых. Впервые встретил его имя в энциклопедии, прочитал, что родился он на Ливенщине в 1910 году, является одним из основоположников фарфора в нашей стране. Чтобы завязать знакомство, пишу на Дулевский фарфоровый завод. Ответа долго ждать не пришлось. С волнением вскрываю пухлый конверт и радость сменяется печалью: «...К великому нашему сожалению, П. В. Леонова нет с нами, он умер 17 ноября 1982 года, — писал один из его преемников. — Приезжайте к нам на завод, если хотите подробно узнать об этом интересном человеке», — заключал он.

И вот я в Дулево, на старейшем фарфоровом заводе, основанном в 1832 году. Заместитель главного художника завода Юрий Ясенцов, добрый и внимательный человек, старался показать все, что связано с творчеством земляка. Много напоминает здесь о Леонове, он как бы незримо присутствует во всем. В художественной мастерской листы ватмана с изображением расписной посуды, под рисунками стоит подпись Петра Пасильевича. За столами творят его ученики. Формовочное

хлопотал художник. В музее обилие его фотографий. И посуда, посуда...

В гостинице соседом был студент-практик с черной бородой из столичного художественно-промышленного училища. Он и в номере рисовал акварелью чашки с россыпью фантастических ярко-розовых цветов. Смотрел, как он мягко накладывал мазки на ватман. Его вдохновение, видно, и на меня действовало — я пытался свои впечатления дня переложить на стихи:

Забыв про современный стиль и моду,
Что правят нами в сутолоке дней,
Взял мастер белую породу —
Сюжет для чудо-птицы видит в ней.
Он оживить свое виденье хочет:
Огонь в окошках светится в ночи,
Над мягкой глиной пальцы все хлопочут,
И легким жаром веет от печи.
Корпит душа над вдохновенным делом,
Слетает с кисти песенный мотив...
Еще мазок — жар-птица полетела,
Соцветьем радуг землю озарив...

В автобиографии Леонов пишет: «Отец — врач-хирург получил назначение в кубанскую станицу Уманскую, и мы покинули Лютое...»

Потом был Краснодарский архитектурно-художественный институт, который он закончил в 1930 году. Приезжает по направлению на Дулевский фарфоровый завод. По меркам конца двадцатых считалось: на заводе лепят чашки, чайники, блюдца только для мещан, а нужно выпускать посуду с пролетарским рисунком, такую, например, на которой сверкают броские лозунги типа: «Даешь стране уголь!» или «Трактора — в борозду!» Эта искусственность, отход от традиций русского фарфора не нравились рядовому покупателю. Посуда в торговле не шла, вот и направили молодого выпускника института в скрипучей кожанке и высоких сапогах налаживать дело на заводе. От стал главным художником.

Работа пошла, мало того, — закипела. Новый фарфор удивил не только своей яркостью, буйством красок, но и интригующими названиями: «Черные глаза», «Весна в Москве», например. Сервизы напоминали жизнерадостную расцветку русских ситцев и получили название «ситцевый фарфор». Это

новые рисунки все-таки не под влиянием текстиля. Просто художник взял за основу те традиции, которые когда-то принесли славу русскому фарфору.

Одним людям искусства, творчества нужны абсолютный покой, время для неторопливых проб, шлифовка до блеска уже сделанного. Петр Васильевич был человеком другого склада. О нем говорили: «Подвижен, как ртуть». Свою первоначальную идею он долго вынашивал, напряженно думая, а потом, в минуты вдохновения, огонь таланта выплескивался наружу, и рождалось рукотворное чудо. Его вещи «Золотой олень», «Розовая птица», «Красавица», «Суздаль» стали памятными вехами в русском фарфоре, а «Красавица», сотворенная в 1937 году, получила высшую награду на всемирной выставке в Париже. Этот сервиз выпускается до сих пор.

Комплект фарфора «Суздаль» также считается одной из его лучших работ. На вместительном чайнике с плоской крышечкой и большой петлей-хвотком, на богатырских чашках в узор русского орнамента, в перезвоне искрящегося золота полыхают крупные розы. Огненный темперамент, самобытный талант, истинно русский характер позволили Леонову создать множество других прекрасных произведений.

Его стиль в искусстве — народный, полный оптимизма. Росписи на посуде, выполненные рукой художника, вызывают чувство приподнятого, радостного, а точнее — солнечного настроения.

Он делал по американскому заказу сервиз для Белого Дома. Большой набор столовой, чайной и кофейной посуды был изготовлен за четыре месяца и был продан за валюту. Он автор правительственных заказов. Мастерская завода всегда живо откликалась на все события, юбилеи, выставки. Его коллеги и ученики вспоминают: работал он, как крестьянин в страдную пору — от темна до темна. Фарфоровая сюита «Русь» — что русская красавица: пошла она на зеленый, весь в цвету, луг, набросила на плечи яркий полупалок и — замерло все вокруг, зачарованное ее красотой. А штофы для вина, которых около ста? Разнообразной формы, всех цветов радуги: «Петровский», «Русский», «Гербовый»... Выставь их на покрытый белоснежной скатертью стол — засияет он, как купола Василия Блаженного, и в дом войдет по-русски широкий и раздольный праздник.

своим вещам?

— Так же, как родители детям. В 1937 году, готовясь к всемирной выставке в Париже, я исполнял чайный сервиз, приглушенные тона которого, скромный убор отражали характер русской женщины. Принесли, помню, чашки из обжига, расставили на белой скатерти — заиграл фарфор. Кто-то спросил, как называется сервиз. А в это время по цеху из репродуктора разливалась песня:

«А что же ты, красавица,
Очами вниз глядишь,
Иль жизнь тебе не нравится,
Скажи, о чем грустишь...»

Я ответил вопросом на вопрос:

— А песня, что поют, как называется?

— «Красавица».

— Вот так и сервиз назовем.

Между прочим, «Красавица» до сих пор выпускается...

Член-корреспондент Академии художеств, лауреат премии имени Репина, он до последних дней своей жизни был одухотворен искусством, работал в мастерской сутками, слыл неунывающим оптимистом, говорил: «Всегда — оптимизм, помноженный на оптимизм!»

Везде он успевал и дарил людям свои произведения — частицу богатой души и высокого вдохновения.

НОВАТОРЫ В НАУКЕ

1. Был такой хороший человек...

днажды, когда самолет, перевозя группу альпинистов на восхождение, летел над Памиром, пилот спросил у спортивного сложения, загорелого человека в ковбойке:

— Зачем вам горы?

— А зачем вам, летчикам, высший пилотаж? — ответил вопросом на вопрос человек в ковбойке и продолжил: — Это чертовски интересно: искать путь там, где на первый взгляд его нет.

Летчик задавал вопрос Рему Викторовичу Хохлову.

...В книге регистрации актов рождения Ливенского ЗАГСа за 1926 год есть такая запись: «15 июля. Рэм Викторович Хохлов». Правда, сначала было написано «Рем», через «е», но потом исправлено. Имя редкое и немудрено было регистраторше сделать ошибку, тем более, она, вероятно, и не знала происхождения имени мальчика. Но молодые родители Виктор и Елена жаждали дать своему первенцу именно это имя. Отец работал заведующим отделом пропаганды и агитации в Ливенском уездном комитете комсомола, и родители были целиком захвачены романтикой революционного строительства. Они дали сыну имя, в котором отразилось время: РЭМ — революция, электрификация, мир. Рем Викторович Хохлов вспоминал, что впоследствии при обмене паспорта паспортистка ошиблась — написала «Рем», а он махнул рукой — пусть будет так.

С детства будущий ученый воспитывался в атмосфере высокой нравственности и ответственности, в 1941 году закончил

поступить на завод автослесарем. Одаренный юноша днем стоял за верстаком и копался в автомашинах, а вечером засаживался за учебники, изучал предметы по программе средней школы, особенно налегал на математику и физику, это были его любимые науки. Через год экстерном сдал экзамены за десять классов и сразу же поступил на физмат Московского государственного университета.

В то время ядерные исследования вели Германия, США, СССР, все работы проводились в глубочайшей тайне, но кое-что просачивалось и в студенческие аудитории. Его друзья бредили атомной физикой и даже создали научное общество с загадочным названием ЛЭМС. Четыре греческие буквы были символами четырех великих показателей ядерной физики: лямбда — длина волны де Бройля, эпсилон — заряд, мю — масса, сигма — момент движения электрона. Атомная физика считалась самой престижной наукой и была ее передним краем.

Студент Рем Хохлов, считавшийся надеждой кафедры физики, науку об атомном ядре объектом своей деятельности не выбрал, а начал заниматься радиофизикой. И преуспел во многом в этой науке, связав всю жизнь с ней и с Московским университетом. Работы в области оптики приносили ему всемирную известность. Его называют одним из создателей нелинейной оптики, но сфера его интересов простиралась от атомного ядра до выхода на стыки с биологией, от фундаментальных законов до новых технологических задач. За выдающиеся заслуги в 1974 году его избрали действительным членом Академии наук, а за год до этого избрали ректором МГУ.

И будучи преподавателем, и став ректором и академиком, он удивительно прекрасно чувствовал себя среди студенческой молодежи, подолгу по-отцовски беседовал со студентами на любые темы. Это могла быть и музыка, и полотна импрессионистов на выставке, и спорт, и любовь. Был прост, но принципиален. Его товарищ рассказывал: нужно было устроить знакомого человека, обратился к Хохлову, тот ответил:

— Понимашь, я устрою твоего знакомого, ты — моего. А достойные останутся за бортом. Что тогда будет?

Когда в электричке за несколько рядов от него вспыхнула ссора, блеснул нож, многие шарахнулись в тамбур. Рем бросился в противоположную сторону — к человеку с ножом. Он еще

не был тогда физически крепким человеком, каким позже сделал себя, — просто худенький аспирант в очках. Но уже тогда это был Рем Хохлов! Позднее на его счету стало четыре труднейших восхождения на горные пики, превышающие семь километров. Как-то спокойно прошел по бревну туда и обратно над бушующим горным потоком, без подготовки прыгнул с парашютом. Что это было? Смелость, безусловно. Также как и нужно быть смелым, чтобы неизведанным путем вести за собой науку. И в жизни и в науке не мог он жить без «высшего пилотажа». И еще не мог он жить без гор...

В августе 1977 года во время одного восхождения он простудился, был вывезен на вертолете, тяжело заболел и скончался.

Его ученик К. Смирнов вспоминает: «Когда-то я записал свою первую лекцию по физике... и обрел новых друзей. Я впервые услышал от них с любовью произнесенное имя «Рем Хохлов». Оно еще не входило в учебники физики и энциклопедии. Просто был такой хороший человек на физфаке».

2. Братья Белоцерковские

Жила в Ливнах на улице Шмидта семья Белоцерковских. Глава семьи Михаил Наумович состоял на государственной службе — директорствовал в местном педагогическом училище, единственном среднем учебном заведении в округе, выпустившем из своих стен в двадцатые-тридцатые годы сотни учителей. Жена его работала преподавателем в этом же учебном заведении. Находя отдохновение от трудов писательских, их иногда навещал брат Михаила Владимир, известный в то время писатель, работавший над известной пьесой «Шторм».

29 августа 1925 года в семье педагогов родился второй сын, которому дали имя Олег, первенцу Сергею было в то время четыре года. Когда подросли, мальчики учились в школе № 3. Лучше своих сверстников. Особенно преуспевали в точных науках: математике, физике. Оба готовили себя для поступления в высшее учебное заведение. Особенно был упорен Олег. Он дал себе тогда слово — не изменять любимым наукам, и сдержал его. Поступил в Московское высшее техническое училище имени Баумана. Учился на сталинскую стипендию, и все-таки пошел на лишения во имя науки — перевелся на физико-технический факультет Московского государственного уни-

верситета. Хотелось заниматься не прикладной, а «чистой» наукой. Вскоре факультет отпочковался от университета и его сразу же перевели в подмосковный городок Долгопрудный.

С тех пор вся жизнь Олега Михайловича связана с физико-техническим институтом, где работали ученые с большой буквы: Г. С. Ландсберг, П. Л. Капица, М. А. Лаврентьев, Л. И. Седов, С. А. Христианович, Л. Д. Ландау. Начиная с учебы в аспирантуре, Олег Михайлович стал заниматься проблемой, которая пролегла красной нитью через все его научное творчество. Она связана с решением задач движения тел в гиперзвуке, которые весьма актуальны для авиации и космонавтики. Параллельными разработками занимались и в США, но там пошли по иному пути. Однако, как рассудило время, путь Белоцерковского оказался прямее и короче. Его метод является одним из основных в аэродинамических расчетах гиперзвуковых летательных аппаратов, а говоря простым языком — в расчетах современных скоростных самолетов.

Этот успех достигнут тогда, когда он был на посту ректора МФТИ, где обучается пять с половиной тысяч студентов и преподают полторы тысячи докторов и кандидатов наук и где ему приходилось решать множество хозяйственных и организационных вопросов. Достаточно сказать, например, что для отбора 700—800 студентов ежегодно приходилось беседовать с 10—12 тысячами школьников.

Академик, кавалер пяти орденов. Такие высоты достигнуты благодаря таланту и упорному труду. И еще благодаря тому, что никогда не изменял принципам. «Ни семейным, ни житейским, никаким другим. И это главное», — так сказал он несколько лет назад.

...В 1986 году родной город посетили оба брата с семьями. Вместе со старожилом Олегом Леонидовичем Якубсоном, местным учителем, они долго, не спеша прогуливались по городу, вспоминая юность, отыскивали на улице Дружбы народов (такое название имеет сейчас улица Шмидта) место, где стоял дом, в котором когда-то жили, посетили Сергиевскую церковь. Вырвавшись из столичной суеты, по-домашнему уютно почувствовали себя ученые, физик и механик, в родных пенатах...

Много рассказывал Сергей Михайлович о первом космонавте нашей планеты Юрии Гагарине, которого хорошо знал по Военно-воздушной академии имени Жуковского, где космонавт учился, а Белоцерковский был сначала преподавателем, а

позднее заместителем начальника академии. Обладая огромным опытом жизни, пройдя через горнило войны, став известным ученым в области механики и кибернетики, доктором наук, профессором, лауреатом, Сергей Михайлович учил школе жизни офицеров-летчиков, в том числе космонавтов Титова, Николаева, Поповича и других.

— В установленном месте на шоссе мы должны встретиться с Гагариным, обнаруживаю Юру, горячо обсуждавшего какие-то проблемы с пионерами, — вспоминал Белоцерковский, — потом началась игра в снежки, победил Гагарин. Потом поехали к Королеву. Люди везде встречали улыбкой...

Впервые как преподаватель Сергей Михайлович встретился с Гагариным в начале 1964 года, и с этого времени оба относились друг к другу с большим уважением. «Много мне приходилось видеть слушателей, студентов, аспирантов, — свидетельствовал Белоцерковский, — имел дело с командирами отделений, старостами групп и потоков, но никогда я не встречал признанного по всем статьям командира и лидера».

Понравился Сергей Михайлович и космонавту — пришел с просьбой быть руководителем дипломной работы и добавил:

— А может быть и дальше.

Во время обсуждения закона о сохранении массы энергии, как вспоминал Белоцерковский, Юрий метко подметил: «Противоестественно, если кто-то живет, только беря, потом он будет расплачиваться за это».

Но особенно отчетливо запомнился Сергею Михайловичу вечер после защиты дипломного проекта. Дело было на квартире Гагарина в Звездном: «Никогда еще Юра не был так открытен. Много и охотно рассказывал о себе, своей жизни, трудностях. Возмущался несправедливостью, которая не миновала и его».

— Теперь мы поработаем в науке, вот только ликвидируем задолженность по летному делу...

Несмотря на мороз, Юра вышел провожать раздетым, даже без шапки. Прощаясь, он сказал мне:

— Сергей Михайлович, я — заместитель начальника Центра, мне надо полетать...

А потом засмеялся, и мы стали прощаться. Что-то дрогнуло во мне».

Эта встреча Белоцерковского и Гагарина была последней. Через несколько дней Юрий разбился, ликвидируя задолженность по летному делу.

О ЧЕМ ГРУСТИТ КАПИТАН

Командир батальона вернулся из штаба обеспокоенный, сразу же собрал командиров рот. Обратился к лейтенанту Ковалеву:

— Приказываю подавить огневую точку «духов». Силы там небольшие. Думаю, упрaviшься одним отделением.

Офицеры склонились над картой, на которой красная стрелка упиралась в зеленую жирную точку, прилепившуюся к горам. Владимиру Ковалеву подумалось: силы слабоваты — в горах у них наверняка что-то припрятано. Но он был исполнителем командиром и возражать не стал.

Не удержался лейтенант Филиппов:

— Нельзя, товарищ комбат, «бээмпешку» Ковалева без танков посылать — подожгут «духи» в два счета.

У него был опыт ликвидации таких гнезд, в отличие от комбата, только что вернувшегося из госпиталя, да и, кроме того, частенько отсутствующего в последнее время в батальоне то по причине отпуска, то по ранениям. Но комбат не согласился с Филипповым:

— Не паникуй: данные вертолетной разведки сообщают: точка пустяковая.

...Захлопнулась за солдатами массивная дверь, и зеленая остроносая машина проворно покатила по иссохшей рыжей земле в сторону синеющих гор. Уже в полукilометре от укрепленной точки «духи» начали стрелять из пулемета. Пули со звоном отскакивали от брони, заставляя солдат съежиться от напряжения. «Лишь бы гранатомета у них не было, иначе

противнике. Получилось неплохо: душманы забегали, засуетились за нагромождениями камней. Но потом от каменного бруствера молнией проскочил шлейф газа, и сухой взрыв потряс машину — то был снаряд гранатомета. Солдаты выскочили наружу и, укывшись за раненой машиной, заняли оборону. «Духи» наседали. Патроны кончались, оставив про запас диск, чтобы не попасть в плен живыми, воины закрылись в бронемашине.

— Шурави (русские), выходи, — требовал, ломая русскую речь, хихикающий голос снаружи, — а то поджаривать будем, шлов делать будем.

Люди в халатах спешно носили охапки сухой травы и подкладывали под резиновые скаты машины. Трещи и выбрасываемая искры, трава запылала...

После того, как боевая машина пехоты скрылась в горной долине, беспокойство за товарищцей не давало Олегу Филиппову покоя, в душе залегло предчувствие чего-то недоброго.

— Успокойся, лейтенант, вернутся ребята целехонькие, вот увидишь, — внушал ему комбат.

Но Олег не находил себе места, подходя то к танку, то к комбату. Наконец решился:

— По уставу так не полагается, но, товарищ комбат, я выхожу из вашего подчинения.

На душе стало легко и свободно, словно пудовый камень свалился:

— Экипажи, по машинам!

Взревели моторы, и пара танков рванулась туда, куда час назад ушли ребята из третьей роты.

Машину Ковалева уже лизало пламя. Люди в чалмах, гикая и приплясывая, праздновали победу. Но вдруг оцепенели. На них неслись краснозвездные бронированные машины. Первая устремилась на «духов», экипаж второй бросился гасить пламя...

Прав оказался комбат: ребята из роты Ковалева вернулись целехонькими, только транспортер пришлось тащить на буксире.

...Родился Олег Филиппов в Ливнах в 1957 году. Учась в средней школе № 1, увлекался музыкой, спортом, рисованием, редактировал стенгазету, был комсомольским вожаком школьной молодежи. С отличием закончил суворовское училище в Москве и училище имени Верховного Совета РСФСР. Отца его, Николая Федоровича, вспоминает: «По положению Олег после

суворовского мог бы поступить в академию. Я усиленно склонял его к этому, но он свое: хочу в училище...»

Служил, и хорошо, в различных частях. В 1983 году направлен в Афганистан, писал в часть: «Все нормально, правда, иногда бывает жарко, и не только от палящего солнца...» Через год получил награду — орден Красной Звезды. О наградах не думал, откуда было знать офицеру, что и второй орден Красной Звезды будет, и высшая афганская награда — орден «Красное Знамя», и улицу в честь его имени назовут...

Тот роковой бой гремел под Кандагаром. Нещадно палило солнце, с лоз винограда свисали тучные гроздья, а вода в арыке казалась неподвижной. Кругом свистели пули, слышались истошные крики живых и раненых. Пядь за пядью земли отвоевывали у душманов. Казалось, еще рывок — и успех. Но вдруг обмяк и свалился ничком в арык замполит. Не переставая строчить из автомата, Олег бросился к нему. Нагнулся, схватил за куртку, вытащил из воды, склонился над раненым командиром. Тут и прозвучал тот роковой выстрел вражеского снайпера...

О чем думал в свою последнюю минуту наш земляк? Может быть о родителях, а может быть о жене и дочке? Мог он подумать и об отчем крае, говорят, и такое бывает перед концом.

Похоронили Олега Филиппова на родной ливенской земле. С памятника улыбается молодое приветливое, доброе лицо, но в глазах — затаенная грусть...

Но жизнь продолжается. Есть продолжение и того боя, когда Олег выручил товарищей. Приехал как-то Володя Ковалев проведать родителей Олега, навестить могилу друга. Расчувствовался, рыдая, передал Филипповым медаль «За отвагу», которую получил за тот бой:

— Если бы не Олег — никому бы не жить... Это его медаль...

После отъезда Володи мать Олега Анна Николаевна запаковала медаль в коробочку и отправила по почте Ковалеву, учившемуся тогда в академии.

Заклучим это повествование словами отца Олега:

— Помнится, когда приезжал в отпуск, предостерегали: береги себя. Он ответил с улыбкой словами песни: «И колья придется в землю лечь, так это только раз...» Не сберег себя сын. Ради счастья живых.

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Чтобы стать рыболовом, достаточно раз-два сходить на рыбалку, ощутить рывки вздрагивающей лески, увидеть несколько пойманных тобою увесистых судаков или голавлей. Приблизительно так же начинается конструктор-изобретатель. Стоит хорошенько помозговать, помучиться — и в руках тисненное золотом авторское свидетельство, а может быть и патент. Сбывшиеся мечты дают толчок дальнейшей работе, а потом уже «засасывает» — невозможно отделаться от идей, от «вируса изобретательства».

Но любое техническое творчество — трудный процесс, изобретательство — вдвойне. Ведь если хочешь изобрести, то должен создать установку, инструмент или насос, например, которых нет еще нигде в мире. Как поделился секретом один изобретатель, для этого нужно обладать всего тремя качествами: иметь голову — раз, уйти в новое дело с головой — два и последнее, третье — не потерять головы в случае, если что-то не получилось. Этими качествами наделены изобретатели с «Ливгидромаша» Рудольф Николаевич Соколов и Валерий Максимович Рязанцев.

Область их деятельности — насосы. Оба имеют специальное образование, у обоих солидный производственный опыт, да и рабочие места у них по соседству. Много у них и разного, а если говорить об их увлеченности изобретательством, то трудно кого-то поставить впереди.

Почти четверть века назад Соколов, работая конструктором, соприкоснулся со штанговыми насосами и приметил в них

инициативе (задача руководством не ставилась) предложил так называемый насос перистальтического типа. Под замысловатым названием кроется устройство, имеющее эластичный шланг, уложенный в спираль, по которому снаружи принудительно перекачивается шарик, выдавливая жидкость из шланга. «Вместо одного витка поставить спираль. Это позволит увеличить ресурс», — предполагал он. Но были сомнения: неужели никто в мире не додумался до этого? Первый блин не получился комом — разработка была признана изобретением комитетом по делам изобретений и открытий. Даже журнал «Техника — молодежи» напечатал информацию о его детище.

Молодой изобретатель с интересом принялся за новые поиски. Но в изобретательстве требуется главный конек — мыслить не по шаблону, нестандартно, найти свою изюминку в решении той или иной задачи. Такой изюминкой стало новшество, придуманное при создании центробежно-вихревых насосов.

В существовавших гидромашинах под действием перекачиваемой жидкости прогибались валы, что приводило к перекосу рабочего колеса со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые увеличивали затраты. «А не попробовать ли жидкость взять в упряжку, заставив работать ее на пользу?» — задумались изобретатели. Последовали расчеты и эскизы. Удалось решить задачу, пропустив жидкость под давлением по специальным каналам к валу, разгрузив его от вредных сил с помощью той же жидкости. Здесь самое деятельное участие принял конструктор А. Хрусталева. Теперь насосы производятся в тринадцатом цехе «Ливгидромаша». Они экономичнее предшественников, легче на несколько килограммов.

На счету Соколова несколько десятков изобретений. Так, одним из современных решений является конструкция насоса типа ИД, который освоен на заводе взамен устаревшего. А дело было так. В начале восьмидесятых годов стало очевидным: насосы типа Д не соответствуют по главным показателям мировому уровню. Аналогичные насосы, выпускаемые в Германии, Франции, США, были немного легче, коэффициент полезного действия на 2—3 процента выше. В масштабах страны это приносило значительный проигрыш. В 1985 году совместно с Московским ВНИИгидромашем было принято реше-

ние: проведены теоретические работы: расчеты рабочего колеса, корпуса, параметров, на заводе под руководством Соколова была создана конструкция гидромашин.

— Трудностей было много, — вспоминает конструктор, — но участники этой важной работы понимали, что на старом коне далеко не уедешь, работали вдохновенно...

Отчетливо представляли полезность задуманного заводские руководители: Всеволод Митрофанович Лихман, генеральный директор, Николай Николаевич Ямбуренко, вступивший в то время в должность главного инженера, Дмитрий Гаврилович Бузин, заместитель главного инженера, а впоследствии — руководитель научно-технического центра. Это благодаря их усилиям удалось преодолеть все организационные барьеры: добиться выполнения графиков, мероприятий, распоряжений, приказов. Сколько совещаний проведено, планерок по этому вопросу! Скольких скептиков убедили в необходимости нового (а некоторые консерваторы и вообще были убраны с дороги)!

Сначала изготовили четыре типоразмера насосов, испытали, согласовали с заказчиками, потом заводские технологи и конструкторы оснастили производство, и теперь они делаются значительными сериями. Масса насоса снизилась по сравнению с прототипом на одну треть, коэффициент полезного действия увеличен на 3—5 процентов, что дает большую экономию электроэнергии в целом по России.

Поле деятельности изобретателя Валерия Максимовича Рязанцева несколько иное. Он руководит исследовательской лабораторией и проводит теоретические расчеты винтовых насосов. А это твердый орешек. Зарубежные специалисты считают, что распространение в мире весьма нужных винтовых насосов сдерживалось не из-за сложности их изготовления, а из-за трудностей расчетов геометрии винтов и инструмента для их обработки. Рязанцев, имея звание кандидата технических наук, как раз и возглавляет это направление на заводе. Его усилия дали хорошие результаты — ливенские насосы освоены впервые в стране, теперь нет нужды закупать винтовые гидромашин за рубежом.

А было все так. Когда Рязанцев пришел в Ливенский филиал ВНИИгидромаша в 1964 году после окончания Харьковского авиационного института, винтовые насосы были, так сказать, бельмом на глазу у «Ливгидромаша». С превеликим тру-

дорожек при их производстве, а зарубежные фирмы держали свои работы в секрете. У нас в стране делали лишь первые шаги на столичном заводе, на «Ливгидромаше». Между тем заказчики настоятельно требовали винтовые насосы, особенно судостроители, для оснащения ими сухогрузов, танкеров и супертанкеров, а также кораблей и подводных лодок.

Новое давалось трудно. Насосы уже на стендах клинили, не давали параметров, ломались. За этим следовали многочисленные разборки, командировки на места аварий, наказания.

В то время Рязанцев понял, в чем беда: профили винтов не совершенны, теории и методов расчетов доступных нет. И другое стало ему ясно: у него недостает знаний. В 1967 году поступает в аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института гидромашиностроения. Порою бывает так. Работает сотрудник над новой темой, но то ли потому, что знаний маловато, то ли «пюха» на новое нет, его опережают другие, даже менее работоспособные. Валерию Максимовичу удалось выбрать верный путь в науке. «Повезло», как он говорит, и с темой диссертации. Она посвящалась двухвинтовым насосам и являлась как бы итогом творческих поисков при освоении винтовых насосов ливгидромашевцами.

— Без творческого вклада П. В. Курилеха, А. М. Добрянского, В. А. Вдовенкова, С. В. Володарского, Н. Е. Турбина не было бы ни новых винтов, ни насосов, — вспоминая о прошлом времени, говорит изобретатель.

А были созданы и освоены такие профили, которые и в изготовлении просты, и характеристики насосам высокие дают. На ряд профилей винтов Рязанцев получил свидетельства на изобретения. Ему неоднократно присваивалось звание «Лучший конструктор области». Он в постоянном творческом поиске. Вот его недавнее новшество. Даже не специалисту известно: чтобы привести в действие гидронасос, рядом нужно установить электродвигатель. Но, оказывается, можно уйти от традиционной схемы. Эту задачу решил Валерий Максимович с товарищами. Их винтовая блок-электромашина признана изобретением.

..Великий полководец Александр Суворов учил: «Побеждать не числом, а умением». Его поучение злободневно в любое время, но в особенности сейчас, когда есть стремление ускорить процесс создания новой техники с помощью передовой мысли.

НЕ ХОЧУ СУДЬБУ ИНУЮ

ажется, что не так давно это было, когда пятнадцатилетний парнишка Витя Дьяконов впервые переступил порог «Ливгидромаша». Но время летит неумолимо, и вот уже сорок лет минуло с той поры.

Начало пятидесятых было таким временем, когда даже в скромном достатке жили немногие, а Витина мама одна четверых воспитывала, вот и пришлось парнишке после семилетки начинать трудовой путь. Старший брат Николай, работавший токарем, положил тогда парню руку на плечо, поведал как взрослому:

— Хоть положенных лет и нет тебе, но попросу в отделе кадров, может и возьмут тебя на завод.

Добрые люди пошли навстречу, и стал он учиться токарному делу. Сначала стоял рядом с братом у станка, присматривался, в какой последовательности переключать рукоятки, для чего они предназначены, запоминал, как затачивать резцы. Оказался паренек способным — уже через три дня выделили станок. Мастер напутствовал:

— Ни пуха ни пера тебе, Витек. Привыкай работать самостоятельно.

Первый цех тогда размещался в двухэтажном здании из красного кирпича, построенного в тридцатых годах для завода растительного каучука. Прокатилась война, осталась коробка от здания. Потом его восстановили и организовали производство. Первый цех стал первенцем у насосостроителей. Правда, бытовых помещений не было, приходили на работу в промасленной спецовке и уходили домой не переодеваясь. На малопро-

ляли детали для бензомотопомп.

Через год-другой молодой токарь овладел профессией, стал точить сложные детали. Работа понравилась, после службы в армии Дьяконов вернулся на прежнее место. Подошел как-то к нему начальник техотдела Александр Кириллович Быков:

— Начали осваивать новые насосы, оснастки делать — пропасть, хочу пригласить тебя в инструментальный цех. Ты там нужней.

С тех пор и трудится Виталий Митрофанович Дьяконов в этом цехе. Правда, теперь уже в другом, благоустроенном здании, да и станок у него не ровня тому, на которых начинал работать.

Похожее начало рабочей судьбы и у другого рабочего-насосостроителя — Николая Емельяновича Бобкина. Начинать трудовой путь, как и Дьяконов, в первом цехе, только на два года позднее. Специальность не выбирал, просто в отделе кадров сказали: «Нужны токари». И связал парень свою биографию с этой нелегкой, но интересной и нужной профессией.

Когда увидел впервые станки, они показались чудом техники. Даже подходить к ним было боязно. Но ничего — токарная наука поддалась, работа полюбилась. Но как-то месяца через два-три подходит кадровик:

— Около вокзала начали цех строить. Ты теперь нужен там.

С грустью, но пришлось расстаться со станком, взять в руки лом, лопату. Вместе с товарищами разбирал завалы элеватора и военного городка, добывали кирпич, копали ямы под фундаменты, ставили оборудование, тянули проводку. Время торопилось, и наступил момент, когда станки закрутились, обтачивая детали. Под руководством опытных мастеров Льва Васильевича Занина, Серафима Тимофеевича Александрова Николай освоил детали — валы, крышки, болты — для первых насосов. Присмотрели молодого токаря, предложили перейти в ремонтный цех — без опытных специалистов оборудование держать в исправном состоянии невозможно. А когда начало функционировать опытное производство в филиале ВНИИгидромаша, перешел туда в экспериментальный цех...

Год за годом насосостроители совершенствуют выпускаемые гидравлические машины, обновляют выпускаемую продукцию. А это значит громадная часть забот ложится на так называемые вспомогательные цеха, которые лучше бы назвать главными на заводе: инструментальный, где трудится Виталий Митрофанович Дьяконов, и экспериментальный, где делает

Г. Н. Булгаков.

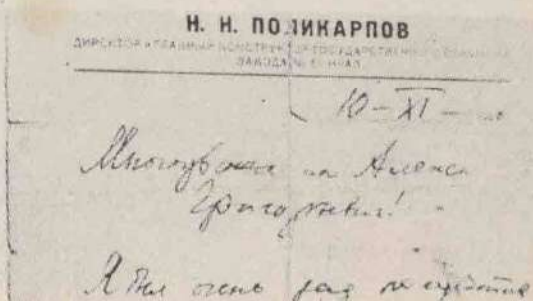

Н. Н. Поликарпов.

И. Сталин,
С. Орджоникидзе
и
Н. Поликарпов,
1935 г.

Фрагмент
письма Поликарпова
в Ливны.

Памятник жертвам политических репрессий в лесу Липовчик (фото О. Тупикина).

А. Г. Андреев.

А. С. Федорова, 1942 г.

Летчики 16-й воздушной армии, второй справа — М. Павлов, крайний слева — А. Свиридов.

Н. П. Пухов
(второй слева),
Н. Ф. Федоров
(второй
справа).

Т. Н. и В. Н. Колычевы,
слева — подруга
Колычевой.

А. М. Иванилова.

П. В. Леонов.

О. М. Белоцерковский.

О. Н. Филиппов.

К. Ф. Кудрявых.

Ю. А. Гагарин и С. М. Белоцерковский.

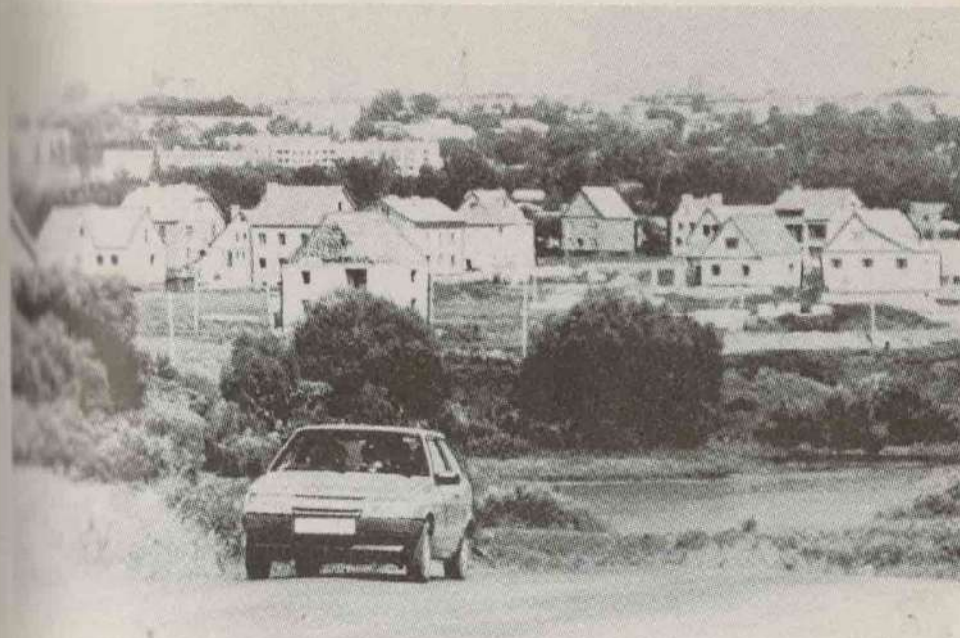

Н. Е. Бобкин.

В. М. Дьяконов.

Группа специалистов завода «Ливгидромаш». В центре — В. М. Лихман, справа от него — Р. Н. Соколов.

Слобода Егорьевская сегодня (фото О. Тупикина).

Заливенская слобода, 19-й век.

И. С. Тургенев.

**Варвара Петровна Тургенева,
мать писателя.**

А. А. Фет.

В. П. Боткин.

Сергиевская церковь.

Сергиевская церковь, старое фото.

Улица Красная, начало 20-го века.

г. Липно.

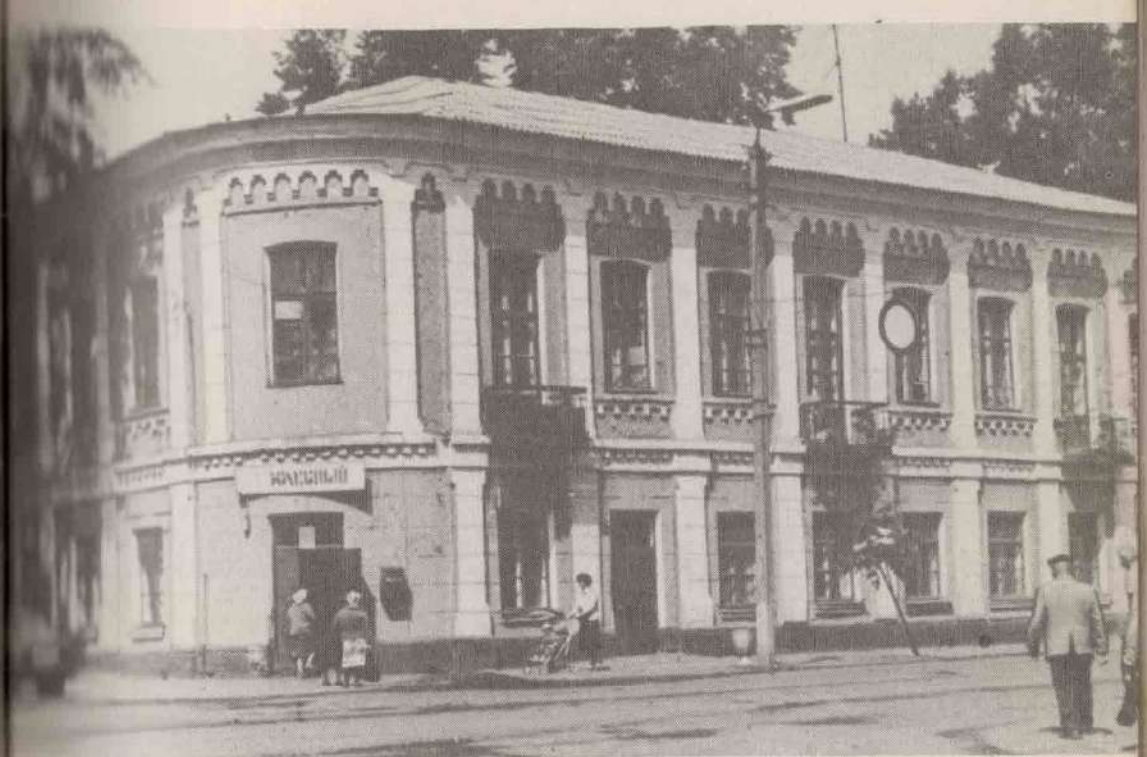
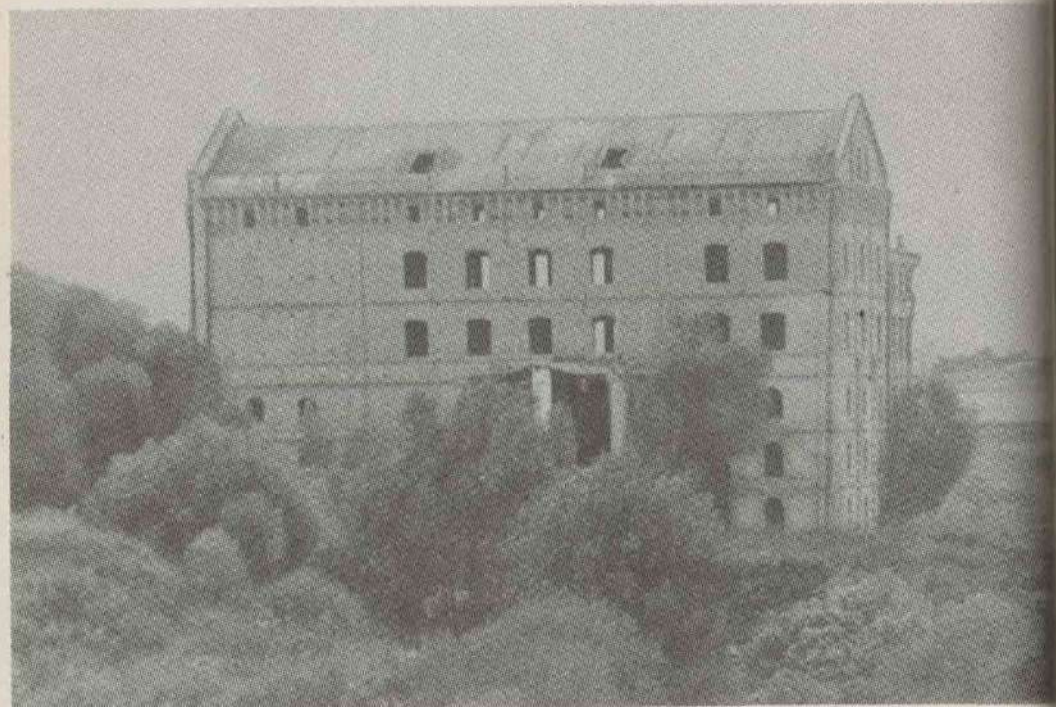
Красная улица.

г. Ливны, Русско-Азовский банкъ

Русско-Азовский банк.

Остатки Адамовой мельницы, 1995 год (фото О. Тупикина).

В этом доме размещалось земство.

Дом Е. В. Быханова.

Марки ливенской земской почты.

И. Л. Хворощин.

И. Н. Бунина-Ивашиненко.

Дом по улице Аникушкина, где жил К. Паустовский.

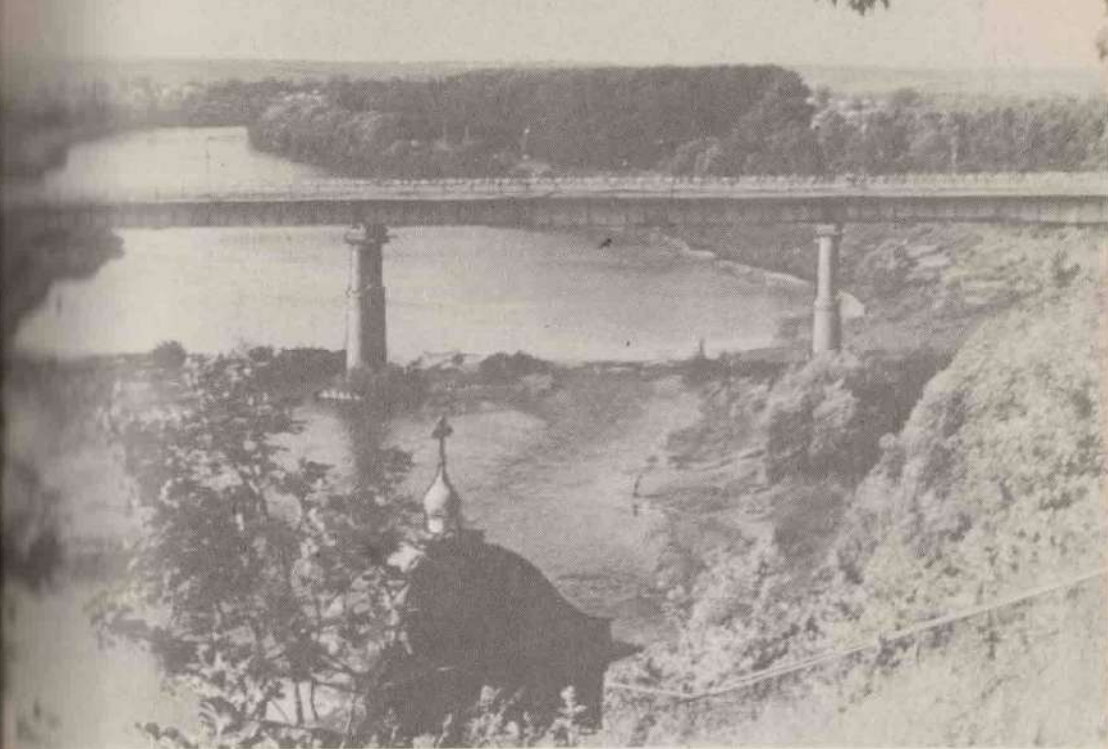
Ф. Г. Аникушкин,
1942 год,
под Ливнами.

Ивану Любушкину вручают документы на новый танк, в центре — М. Е. Катуков.

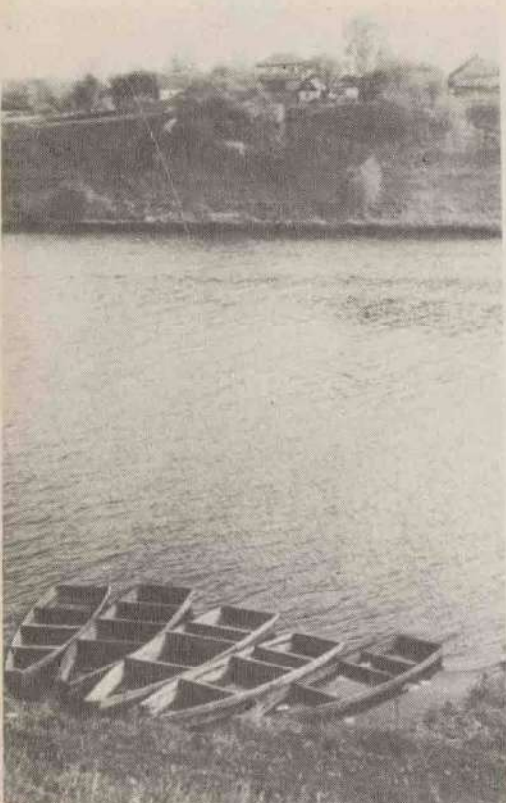
Заводоуправление АО «Ливныпластик».

Вид на реку Сосну.

Деревенька моя...

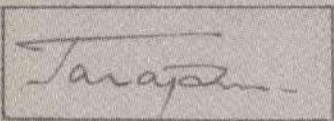

Мирно катится река Сосна.

Зимняя рыбалка.

Автограф Ю. Гагарина.

Уголок Ливен.

детали для новых насосов Николай Емельянович Бобкин. В оба цеха чертежи попадают «тепленькие» — прямо с чертежных досок конструкторов, по которым в цехах дают путевку в жизнь новой технике. В экспериментальном собирают первые образцы гидронасосов, доводят до нужных параметров, а потом передают для серийного изготовления в основные цехи предприятия. Следом начинают работать инструментальщики, изготавливая инструмент, приспособления, пресс-формы, чтобы производить насосы с наименьшими затратами, быстро и качественно. Совместные усилия конструкторов, технологов, рабочих, руководителей приносят плоды — новых гидравлических машин освоено в экспериментальном цехе немало: вихревых, винтовых, центробежных, насосов для бытового потребления. Бобкин делает детали для осваиваемых насосов, и оттого, что у него богатая смекалка, поручают ему наиболее сложную работу.

— Емельяныч всегда выручит, — рассказывает начальник цеха Николай Дмитриевич Шумаков. — Это мастер — золотые руки. Однажды нужно было выточить медные заклепки для одного из насосов. На первой взгляд — деталь левая. Поручаю одному из токарей — не тут-то было, другому — тот же результат. Токари у нас сильные, но деталь оказалась «с изюминкой». Через час приносит на ладони эти злополучные заклепки Емельяныч — решил проблему.

Контролеры у него детали не проверяют: если сделал Бобкин, то с гарантией. Собирали как-то опытные образцы шестеренных насосов. Точность хорошая. Решили сделать обмеры изготовленных им деталей. Как говорят, комар носа не подточит. Есть у него и внедренные рационализаторские предложения, но в большинстве случаев просто их не фиксируют в отделе рационализации.

В отличие от Бобкина, Дьяконов специализируется на изготовлении пресс-форм, с помощью которых формуются детали из резины: уплотнительные кольца, манжеты, обоймы для винтовых насосов. Работа высочайшей квалификации, редким специалистам она под силу. Токарь самостоятельно назначает нужную скорость обработки, подачу, подбирает и затачивает инструмент. И не только токарным станком владеет, но и координатно-расточным, шлифовальным. Словом, — много-станочник. Он известен среди насосостроителей как один из лучших токарей. Ветеран завода Евгений Никитович Мясищев, работавший начальником цеха, вспоминает:

— Звонит мне как-то главный инженер Шахов Николай

Михайлович. Нужно поспешить в Орел токаря на соревнования станочников, отбери, Никитич. Что отбирать? Лучшекандидатуры Дьяконова не найти, — отвечаю. Приезжает из Орла — первое место.

Несколько лет назад владельцы дачных участков с интересом рассматривали трактор, за рычагами которого сидел Виталий Митрофанович. Все смастерил своими руками, так сказать, из подножного материала. Дешево, но сердито — и свой дачный участок вспашет, и у товарищей. И с радиотехникой в ладах Дьяконов — телевизор отремонтирует, радиоприемник.

Бобкин и Дьяконов не держат свой опыт в секрете, наоборот — рады поделиться им. Несколько десятков парней обучил токарному делу Виталий Митрофанович, его бывшие подопечные трудятся в разных цехах завода, в том числе и на участке станков с числовым программным управлением. По разным замысловатым вопросам обращаются товарищи по работе к Бобкину, и никогда не откажет помочь — подскажет, как управиться с «хитрой» деталью, посоветует, какой применить инструмент.

В чем же секреты этих специалистов высшего класса? Вероятно, в том, что помимо природной смекалки, даже таланта, они оба воспитали в себе и другие качества, без которых не может быть специалиста: чувство ответственности за порученное дело, трудолюбие и, конечно, стремление к новому. Их по праву относят на предприятии к своему золотому фонду.

...На заводе проходил как-то смотр народных талантов, который стал традиционным. В парке демонстрировались образцы новой продукции, на столах и стендах — поделки, предметы прикладного искусства. Здесь был и чудо-шар, выточенный Дьяконовым, вернее — шар в шаре, изготовленный из целого куска металла. В заводском клубе собрались любители художественной самодеятельности. Настроение у людей приподнятое, на лицах — улыбки. Ведущий с пафосом в голосе объявляет:

— На сцене — инструментальщики!

Под аккомпанемент баяниста Дьяконова по притихшему залу разливается песня:

«Я не хочу судьбу иную,
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня...»

Это любимая песня ветеранов, навек связавших свою судьбу с заводом.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

НА МУРАВСКОМ ШЛЯХЕ

сть такие места: идешь себе или едешь и ничего не замечаешь. Вроде бы и нет ничего приметного. Леса как леса, луга как луга, дорога как дорога. Но услышишь название — и остановишься как вкопанный...

Только отъехали от Долгого, от дороги — ответвление, по которому и поехали. Попали в малюсенькую деревеньку. Женщина, следовавшая вдоль дороги с ведром, наполненным водой, на наш вопрос: «Что это?», протяжно ответила:

— Да Шлях это.

И сказанное увело в прошлое.

На Муравском шляхе нет указателей, но путь его можно проследить по карте: Долгое, Шлях, Марьино, Муравский шлях, Овечий верх, Ламские двory, Бородинка (Троицкое), Ливны. То есть, маршрут его проходил практически вдоль существующей железной дороги, два раза пересекая ее.

Шлях этот неразрывно связан с историей нашей Родины. Вероятно, им пользовались еще сарматы, печенеги и хазары. В 15—16-м веках земли к югу от реки Оки назывались «диким полем». Двигаясь по дорогам, проложенным по этим землям, крымские и ногайские татары подходили к рубежам Руси. Муравский шлях был одним из главных путей их следования. Он шел из Крыма на север — восточнее Курска, между реками Тим и Кшень, пройдя земли ливенские, уходил через Судбищи на Тулу.

По преданию, дорога называлась Муравской или Муравкой потому, что татары ходили по этой дороге, «как муравьи, бесчисленно». Есть и другие версии происхождения названия.

Муравья имеет такое значение: мохнатая трава, второе глазурь. Осмысливая первое значение, представляется зеленая весенняя трава на обочине дороги, вдоль которой двигались татары. Тысячи коней так выбивали дорогу, что, смоченная ливнями, она превращалась в глазурь. И такое могло быть.

Степь, отделяющую Крым от русской границы, татары проходили быстро и незаметно. Многочисленная лавина, двигавшаяся шляхом, выглядела зловецом. Татары шли рядами по сто всадников, каждый вел по сторонам еще две лошади, служившие для смены. Очевидец свидетельствовал: «Деревья в лесу не столь густы, как лошади в поле, и издали кажется, будто бы какая-то туча поднимается на горизонте, которая растет все более и более...»

Не дойдя нескольких километров до реки Сосны, орда перестраивала свои походные порядки. После двух-трехдневного отдыха татары оставляли обоз на Кшени и Ольме, делились на два крыла по десять отрядов и налегке переправлялись через реку Сосну. (Одна из переправ была в районе Кирпичного брода, там, где располагается в настоящее время понтонный мост за «Ливгидромашем»). Далее путь захватчиков пролегал в глубь страны.

Только в первые пятьдесят лет шестнадцатого века кочевники предприняли 43 больших похода на Русь. В 1500 году под ударом оказался Белев, в 1507 — вновь Белев и Одоев, в 1511 — места вдоль реки Упы, в 1521 году стотысячная орда дошла до Москвы...

Правда, еще раньше этих набегов русским удавалось иногда проучить татар. Так, в 1492 году, как говорит летопись, в междуречье рек Труды и Быстрая Сосна воины Ивана III под водительством Колтовского и Суворова догнали захватчиков с добром, награбленным при набеге на крепость Алексин-на-Оке и местность по реке Вашане (южный приток Оки.—Г. Р.), учинили бой и жестоко побили татар, перебив их 60 человек. А сами потеряли сорок.

Со второй половины 16-го века защите Соснинского бассейна, этим воротам Русского государства, Москва стала уделять особенное внимание. Обыкновенно в летнюю пору сюда стали высылаться дозорные отряды с целью заметить приближение врага, а в 1571 году царь Иван Грозный распорядился об устройстве на Муравском шляхе постоянной сторожки «усть

Ливенка) в реку Сосну. На этой стороже стояло десять человек, по два дозорных из перечисленных городов: Данкова, Епифани, Деделова, Новосилия и Мценска. Стерегли они пространство вдоль течения реки Сосны от впадения в нее реки Труды до впадения реки Кунача.

В 1575 году царь послал сюда воеводу Михаила Карпова с воинами, через год назначили новых воевод — Ивана Охлябинина и Михаила Назарьева. Однако еще через год все круто изменилось: государь на этой стороже «воеводам быть не велел». Они ушли отсюда, оставив жилые строения, две церквушки.

Но, видно, это не обернулось добром, наоборот, регулярные набеги кочевников требовали усиления обороны южных границ. Указом от 1 марта 1586 года «поставить было велено город Ливны». Наряду с крепостью тем же указом предусматривалась организация сторож или дозоров с целью своевременного обнаружения приближающегося противника. Указ имел концовку следующее наставление: «... сторожи воеводам поставить, присмотря, в которых местах пригоже...»

В нужных местах поставили тринадцать сторожевых постов, на которых, сменяясь каждую неделю, дети боярские и казаки несли на конях дозорную службу. Им обязывалось не спать ни днем, ни ночью, «стоять усторожливо, чтобы воинские люди не прошли безвестно и уездов не повоевали».

Вдоль Муравского шляха было выставлено три сторожи: в Пузацком лесу между реками Сейм и Оскол, на Муравском шляхе (у нынешнего поселка Долгое), под Мокрецким лесом. Присутствовали здесь постоянно десять человек из Ливен. На всех тринадцати сторожах несли дозор ливенцы, но были люди и из других городов: Мценска, Новосилия, Орла, Деделова, Крапивны, Данкова.

С ранней весны, когда молодая трава в степи могла прокормить татарскую конницу, и до поздней осени, когда трава увядала, несли службу сторожевые люди. Один из постовых находился на возвышении или на дереве и зорко всматривался в степь, другой был готов в любой момент вскочить на коня и быстро скакать, чтобы оповестить ближайшую заставу о приближении врага. Остальные отдыхали. Применялся и другой способ оповещения, когда последовательно поджигались боч-

высоких столбах. И тогда в десять раз быстрее, чем с помощью всадника приходила тревожная весть в Ливны.

Это была главная задача сторож. Но сторожевые люди были обязаны также «сади крымских людей на сакмы (дороги. — Г. Р.) ездить и по сакмам и по станам людей измечать» для выяснения численности противника. Кроме того, они должны были узнать, «на которые государевы украины воинские люди пойдут». За самовольный отъезд сторожей со службы предусматривалось суровое наказание: «А которые сторожа, не дождавшись смены, со сторожи съедут, а в те поры государевым украинам учинится война, и тем сторожам быть казненными смертью». Если же «они стоят небрежно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей не будет, и тех станичников и сторожей за то бить кнутом». Служба на сторожах была расписана подробно в «Приговоре». Так, например, там указаны такие детали: «Коли кашу сварить, и тогда огня в одном месте не класть дважды. А в коем месте кто полдничал, в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдничать».

Татары постепенно разгадали способы оповещения у русских и тогда делали объезды опасных мест шляха. Так, летом 1558 года скрытно пришли они в междуречье Сосны и Красивой Мечи и разграбили эту землю.

«... У самых бесчувственных людей дрогнуло бы сердце, слушающая крики и песни победителей среди плача и стонов этих несчастных русских, которые плачут с воплями и причитаниями...» — писал в своих сочинениях француз Боплан...

Знаменитый шлях порос травой и лесами, на его месте распахали поля и насадили лесопосадки. Кое-где по нему пролегли шоссейная или железная дороги, в частности, путь Мармыжи — Ливны. И лишь иногда напомнит о себе Муравский шлях старинным названием да еле-еле просматриваемыми участками, где он пролегал. Он ушел в историю.

КРЕПОСТЬ НА КРУЧЕ

1586 году на крутом берегу Сосны начиналась крепость Ливны. Сюда приехали из Москвы князь Владимир Кольцов-Мосальский и боярин Лукьян Хрущев и привезли указ государя Федора: «... не доезжая Оскола два днища поставить велено город Ливны...»

Месторасположение крепости было выбрано удачно. Здесь сходились Кальмиусская и Муравская дороги, по которым южные завоеватели двигались на Русь. Левый берег реки был крут и неприступен, с востока мыс омывала река Ливна, по-теперешнему — Ливенка, с запада — Пересыханка, ныне превратившаяся в овраг, и лишь с севера было открытое пространство, которое можно было укрепить. Кроме того, в междуречье существовало небольшое поселение, а еще издавлек здесь стоял княжеский город, разрушенный татарами-монголами.

Перед Кольцовым, Хрущевым и первыми строителями с кручи открывались залитые ярким весенним солнцем неоглядные дали, покрытые кое-где еще снегом леса и луга, а внизу широкой лентой вилась река, недавно освободившаяся ото льда. Первопроходцам предстояло возвести неприступную крепость — оплот против захватчиков на юге Русского государства.

Первые строители планировали и строили не только кремль, но и остальную часть крепости, церкви, государственные учреждения, «отрезали» землю для жилой застройки, межевали пахотные, выгонные и покосные земли. Город строился не стихийно, а по строго продуманному плану. Воеводы с помощ-

«на чертеже начертить и дать роспись» застройки. В помощь им по цареву приказанию из других городов выделялись войска, а также строители, фортификаторы, чертежники, землемеры, художники, подьячие, рассыльные.

Место было выбрано типичным для того времени — на мысу, в междуречье. Так планировались Тула, Орел, Елец, Новосиль... На высокой мысовой части на Сосне строилась крепость, то есть кремль. К ней примыкали слободы. В кремле должны были укрываться и защищаться горожане и жители близлежащих деревень в случае угрозы нападения. Исходя из этого, определялись ее размеры. Она занимала площадь, на территории которой располагается парк культуры и отдыха имени 30-летия Победы. Имела деревянные стены и башни, подкопщики построили тайный ход из крепости к реке Сосне для снабжения водой в случае осады.

В 1611 году Ливны стали уездным городом. Конечно, интересно было бы прочесть описание города непосредственно после его возведения, но таковое отсутствует. Однако есть приправочная книга 1615 года, где сказано, что в малом острожке (кремле) находились четыре церкви, разрядная изба, где совершались государственные акты, управление, суд, 37 лавок, принадлежащих пушкарям, казакам, стрельцам, ямщикам, сапожникам и т. д., 8 кузниц, 4 стола (канцелярии), кабак, состоящий из двух ветхих изб, погреба и ледника. Кстати, с лавок, столов и кузниц брался оброк в размере 20 рублей, а с кабака — аж 110.

Для характеристики большого острога приведем текст из приправочной книги: «... ставлен тын (забор) дубовый, тарасы рублены (укрепления, состоящие из большого бревенчатого колодца, набитого землей), вокруг острога копан ров, около острога надолбы (горизонтальные бревна, закрепленные к врытым в землю столбам), а у острога ворота: Егорьевские, Афанасьевские, Пятницкие, Никольские, Успенские, Покровские, да к реке Сосне ворота потайные, а на воротах башни... А в остроге же слободы...»

Строили город люди из Орла, Каширы, Калуги... В 1616 году здесь уже насчитывалось 700 дворов служилых людей, два двора воеводских, богадельня (дом для инвалидов), десять церквей и монастырь Сергия Радонежского. Была мельница на

Ливенке. Как писал русский историк С.М. Соловьев, «возникновение города Ливны было для Крыма бельмом на глазу». Крепость стала форпостом, но царю не удалось полностью подчинить своему управлению защитников, составлявших здесь основное население. Тем более, на Ливенщину, уходя от досягаемости царских законов, стекались беглецы, бродяги, преступники. Почти четверть века после образования города не подчинялось указаниям царя местное население в части уплаты налогов в казну. В 16—17 веках термины «воровать», «быть на воровстве» относили к людям, «бывшим в измене», «действовавшим против государя». Ливенская земля дивилась от большого скопления «воров», поэтому и пошла поговорка: «Ливны ворами дивны». При Василии Шуйском ливенцы «заворова-ли», «воевод почали и ратных людей побили, ...с Ливен воевода Михайло Борисович Шейнин утек душою и телом...» Оказывали ливенцы поддержку и мятежникам Ивана Болотникова. Лишь с воцарением Романовых Ливны удалось сделать управляемым городом...

Опыт строительства крепости Ливны пригодился в будущем. Так, в 1600 году царь Борис Годунов дал наказ воеводам Бельскому и Алферову поехать в Ливны, по спискам пересмотреть детей боярских и велеть им брать запасы «на все лето и на осень и до зимы» и двигаться на строительство города Царева-Борисова на реке Оскол (на территории нынешней Белгородской области). Приказом предусматривалось стрельцам и казакам, литве и немцам, черкасам и днепровским казакам, проживавшим в Ливнах, иметь с собой запасы «по росписи». Было подробно расписано, как организовать поход из Ливен до места строительства, что везти на судах, что на конной тяге, как размещаться на месте. В тех краях появились названия: слобода Ливенка, река Тихая Сосна. Посылали ливенцы строителей и в другие места — кузнеца в город Козлов, заготовителей леса на корабельные верфи в Воронеж. Они у Шипова леса образовали селение с названием Ливенка...

Сами же Ливны росли, укреплялись и расширялись.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Проехали умытый ранним утром Елец, тульские города Ефремов и тихий Богородицк. И вот мы на поле русской славы. Кругом простирается земля с редкими дубравками и поросшими зеленью трав оврагами. И глухо бьется сердце в груди. Но поле возникает не сразу. Уже за много километров на Красном холме видна златоглавая колонна памятника Дмитрию Донскому, правее — голубые купола-шлемы храма Сергия Радонежского...

Кучки облаков на небе. Где-то внизу — Дон. Лет сорок назад во время первого посещения Куликова поля здесь было, наверное, все, как и во времена битвы, если не считать маячившего с клюкой сторожа возле памятника, храма, зиявшего дырами и демонстрирующего вывороченные решетки да надписи на стенах. Теперь через Дон мост появился, дорога пролегла через степь, исторический комплекс не узнать. Ступаешь по этой священной земле и ждешь, что вот встретится шлем, меч или кольчуга. Ничего этого нет. Сказывают, что ученые только недавно, и то с помощью американских приборов, нашли здесь в земле наконечники стрел и другие реликвии. Кругом необозримые просторы черноземных полей.

Стою на поле Куликовом,
Над Доном заалел рассвет,
И вижу: будто рвется снова
В бой с Челубеем Пересвет.
В раздумье Дмитрий у Непрядвы.
Построил к битве все полки:
Передовой, Большой, Засадный.
Резервный в роще у реки.

Уже затоптаны костры.
И рати нет конца и края.
И кони черные быстры...
И грянул бой. Мечи и копыя
Взметнулись, солнце заслонив,
На поле — ржанье, крики, вопли...
Помчались нукеры в прорыв.
Судьба Руси — в исходе битвы:
Свобода или гнет и страх.
Не помогают и молитвы —
Теснит дружины к Дону враг.
Вода в реке побагровела,
В засаде ждет призыв Боброк.
Вот, наконец, труба запела.
И наступил расплаты срок...
Стою на поле русской славы.
Вознесся к небу столб, как перст,
На волнах храм голубоглавый
Разволновал хлеба окрест.

Битва происходила ранним утром 8 сентября 1380 года. Как писал летописец, «страшно было видеть силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть». Перед боем брянский боярин Александр Пересвет и ордынец Челубей на полном скаку пронзили копьями друг друга и упали замертво.

«Наехали русские сыны на сильную рать татарскую, ударили копьями о доспехи татарские, взгремели мечи булатные о шеломы татарские». Но татары стали одолевать — с трудом сдерживал «черную силу полк правой руки», были оттеснены «полки левой руки». Увидев смятение на русских лицах, татары бросились к донским переправам, стремясь перерезать их. У Дмитрия Донского осталась одна надежда — Засадный полк, стоявший в дозоре в Зеленой Дубраве. И тогда мудрый воевода Боброк сказал воинам: «Держайте, братья и други!» Увидев подмогу, отступавшей войска оправилась от замешательства и ударили во фланг татарам. Они начали терпеть поражение и отступать. На Красном холме — месте ставки Мамаю — заснял русский стяг, а противник преследовался до реки Красивой Мечи несколько десятков километров.

Торжественным звуком трубы была провозглашена победа. На Красный холм сошлись воины, оставшиеся в живых. Страшно было смотреть на поле битвы — «Дон-река три дня кровью текла». Из многих тысяч русской рати осталось меньше

Куликовом поле. Князь Дмитрий «сердцем кричал и слезами умывался».

Шли века. В 1850 году на пологом холме, поросшем травами, там, где была ставка Мамаю, был воздвигнут памятник Дмитрию Донскому — чугунная 28-метровая колонна, завершающаяся чешуйчатой позолоченной главой, на которой крест, поставленный на полумесяц. На памятнике барельеф герба Москвы — Георгий Победоносец на коне, поражающий змия, надпись: «Победителю татар Великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому признательное потомство». Проект выполнил А. П. Брюллов, а отливку памятника выполнили на Петербургском машиностроительном заводе Ф. Берда. Санным путем он был доставлен на Куликово поле, весной собран, а 8 сентября 1850 года, в день годовщины битвы, открыт.

Позднее был построен мемориальный храм. Архитектор Шусев задумал здание так, что его архитектура как бы перекликается с картиной Васнецова «Три богатыря».

Вплоть до конца семидесятых годов нашего века храм был в плачевном состоянии: с раскрытыми куполами, погнутыми или сброшенными крестами, выломанными решетками. Колонна стояла обшарпанной, с местами выбитыми стенками, золото с купола и креста облезло. К 600-летию битвы мемориальный комплекс на Куликовом поле был обновлен, в храме открылся музей.

...Народ Чингисхана надорвался в тот день, когда проиграл Куликовскую битву. Русский народ как бы второй раз народился и выжил. Как писал историк В. О. Ключевский, «Московское государство родилось на Куликовом поле...»

ПО ГОРОДСКИМ СЛОБОДАМ

старые времена, лихо размахивая кнутом, по улицам нашего города раскатывали ямщики, гордо закручивая усы, гарцевали казаки, маршировал отряд стрельцов с острыми секирами, попахивая порохом, прогуливались пушкари. В наследство потомкам эти люди оставили названия слобод, от которых так и веет стариной: Пушкарская, Ямская, Черкасская,

Стрелецкая, Казацкая, Беломестная. Каждая слобода имеет свою историю, отличную от соседней...

Вступив на престол в 1547 году, Иван IV приступил к осуществлению ряда реформ, направленных на объединение русских земель в единое государство. Царь заменил территориальный принцип управления новым — центральным управлением. Позаботился он и об улучшении обороноспособности государства. Вместо главной военной силы, существовавшей на Руси испокон веков, — дворянской конницы, создает городские воинские части: стрелецкие полки, подразделения пушкарей, оснащенные крепостной артиллерией, ядрами и порохом, казацкие кавалерийские части. Эти воинские формирования создавались в пограничных городах, каким и был город-крепость Ливны.

В те времена крепости и здания внутри крепостей, обнесенные стенами, сторожевыми башнями, рвами, именовали городом. То, что было за пределами крепости, — посадом, предместьем, слободами. Так было и в Ливнах. Сначала поселения стрельцов, пушкарей находились в пределах города, а потом, когда число «служилых людей» — так называли тех, кто состо-

ведены участки в посадe. Причем, земля была нарезана в разных местах. Так и образовались слободы.

В разное время они были различными по площади, по числу населявших их людей, по количеству дворов, но места их расположения остаются неизменными до сего времени. Давайте совершим мысленное путешествие по ливенским слободам 1615 года, описание которых дается в переписной книге того времени.

Стрелецкая слобода. Тогда здесь находилось 90 дворов стрельцов, 8 дворов десятников, то есть предводителей десятки стрельцов, два двора сотников. Имелось две церкви — Пятницы и Василия Блаженного.

Пушкарская слобода. Насчитывала 42 двора, в том числе: 12 пушкарей, 17 дворов затинщиков (стрелков из тяжелых ружей), 12 дворов воротников — караульных при крепостных воротах. Церкви не было.

Ямская слобода. Здесь жили ямщики, выполнявшие извоз и почтовые перевозки. Всего 12 дворов, где проживало 13 человек, 8 дворов пустовали. Церкви своей ямщики не имели.

Казацкая слобода. На казаков возлагалась обязанность дежурить днем и ночью на сторожевых постах, выдвинутых на шляхи и реки. На конях они бдительно наблюдали за появлением неприятеля. Слобода состояла из пяти отдельных слобод: Егорьевской, Афанасьевской, Никольской, Покровской, Успенской. Егорьевская и Афанасьевская (ныне Георгиевская) считались как одна слобода. Здесь насчитывалось 180 казачьих дворов, два двора сотников. 13 дворов пустовало. Имелись две церкви: Георгия и Афанасия. Никольская слобода имела 110 казачьих дворов, двор воротника, 13 дворов пустующих. Было две церкви: Николы Чудотворца и святых мучеников Фрола и Лавра. Покровская и Успенская слободы располагались за речкой Ливенкой, насчитывали 234 двора казаков, три двора сотников. 36 дворов пустовало. Служили четыре церкви: Покрова Богородицы, Никиты, Успенья Богородицы и Архангела Михаила.

Беломестная слобода. По многим источникам она была образована еще до официального учреждения крепости Ливны, то есть до 1586 года. Учитывая, что слобода располагалась на том берегу Сосны, она первая подвергалась разорению татар-

получила свое название. Насчитывала в 1615 году 53 двора рядовых казаков, пять дворов десятников, по одному двору пятидесятника и сотника, церковь Дмитрия Салунского.

Население слобод было забрано на государственную службу из разных близлежащих городов: Орла, Каширы, Калуги и других. Кормились они от земли, имели покосы и держали скот. Ямщики и беломестненские казаки «питались от церкви и от мира».

Казалось, что кроме татар, постоянно разорявших ливенские земли, ничто не мешает ливенцам жить. Но в 1647 году случилась большая беда. 17 августа после обеда в четыре часа загорелся храм Николы Чудотворца. Огонь распространился дальше. Сгорели пять церквей. Выгорела Черкасская слобода, которая образовалась позднее вышеперечисленных, — из малороссийских казаков, переведенных с Украины на вечное жилище в Ливны для усиления гарнизона. Стрелецкая слобода вся выгорела. Пострадали Пушкарская, Никольская, Ямская. Сгорели всего 328 дворов. Через три дня случился пожар за Ливенкой в Покровской слободе.

Ливенцы терпели бедственное положение, они «били челом» государю Алексею Михайловичу: «...холопы твои бедные и погорелые, бродим промеж дворов, помираем голодной смертью... Вели, Государь, нас, холопей, с твоей государственной службы отпустить... Царь Государь, смилуйся, пожалуй».

Не знаем, смилостивился ли царь над бедными погорельцами, но слободы вновь встали из пепла, над городом поднялись еще более высокие и красивые церкви.

Разлился колокольный звон —
Кудесник дальних странствий
И мысль увел за горизонт
В минувшее пространство.
В лучистых отблесках зари
Алеет кремль на круче.
На бастионах — пушкари,
Отряд стрельцов колочий.
Рассвет весенний молодой.
Высвечивает башни.
Стрелецкий сын, звеня уздой,
Коня ведет на пашню.
Забыв про отдых и покой,
С восхода до заката

Казаки ставят хаты.
А ветерок речной скользит
По камышам и лодкам,
Перелетев Сосну, спешит
На парусах к слободкам.
Прохладой свежей обовьет
Березки у церквушки,
Полощет лебедем белье
В руках у молодухи.
Поодаль пляшет весельчак —
Всю вытоптал полянку —
И за изломанный пятак
Рад выказать изнанку.
Глаза — как блодца, палец — в рот,
Вся обомлела кроха,
И взрослый мимо не пройдет,
Завидев скомороха.
Свистят кнуты, и кони — в рысь,
Тревога враз на лицах:
Честной народ, посторонись —
Посланье из столицы...
Сегодня — труд, веселье, грусть,
А завтра — кровь и горе.
Так жил, оберегая Русь,
Веками древний город.

ПО ГОСУДАРЕВОЙ ДОРОГЕ

«Путешествии в Арзрум» Александр Сергеевич Пушкин пишет: «...Из Москвы поехал я в Калугу, Белев, Орел...» Побывав в Орле, поэт двинулся дальше на юг. Через Орел в Елец и далее в давние времена пролегла государственная дорога, часть ее от Малоархангельска до Ливны именовалась ливенским почтовым трактом. По нему шла «гоньба» почты, имелись ямские станции. Если посмотреть на карту путешествия Александра Сергеевича, то можно увидеть, что между Орлом и Ельцом не показаны населенные пункты, нанесенный пунктирной линией маршрут протянулся от Орла на юго-восток, а затем строго поворачивает на восток, то есть совпадает с государственной дорогой. Отсюда вывод: Пушкин, следуя этим путем в мае 1829 года, не мог миновать Ливны. Неизвестно, когда он проезжал здесь: днем или ночью, делал ли остановку или ямщики прогнали лошадей без привала, как говорят, «с ветерком». Невероятность того, что он здесь останавливался, больше — ведь город тогда уже в течение пятидесяти лет был в ранге уездного.

Что же сопровождало поэта на ливенском почтовом тракте?

В 1890 году в журнале «Русская старина» было опубликовано повествование старожила Малоархангельска. Гласило оно приблизительно так: Александр Сергеевич сильно устал в дороге и остановился на ночлег на малоархангельском постоялом дворе. Городские власти, узнав, что чиновник из Петербурга воображает себе, что это непременно высокое начальство при

гительного подобное происшествие было в Малоархангельске с Пушкиным, то возникает вопрос — не является ли этот случай темой, подсказанной им Н. В. Гоголю для будущей комедии «Ревизор»?

Гоголя и Пушкина связывали узы дружбы. Известно: 7 октября 1835 года писатель попросил поэта подсказать какой-нибудь «русский чисто анекдот» для написания комедии. В декабре того же года Гоголь сообщил, что «третьего дня» закончил пьесу и восклицал: «Да здравствует комедия!» Не исключено, что Пушкин рассказал случившееся в Малоархангельске, что и послужило для написания комедии. Правда, в комедии А. Вельтмана «Неистовый Роланд», вышедшей в свет до «Ревизора», рассказывается, как актера, облаченного в театральный сюртук, украшенный тремя бутафорскими звездами, приняли в провинциальном городе за генерал-губернатора. И этот случай мог заимствовать Гоголь...

Предстоящий путь Пушкина пролегал по маршруту, на котором лежат современные населенные пункты: Дубовик, Ганки, Покровка I, Постояльская, Крутое, Ливны. Знал ли поэт, что на пути встретятся места, связанные с поэтом В. П. Петровым?

В стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» пятнадцатилетний Пушкин восхищался:

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
потомки грозные славян,
Перунов Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

Давайте еще раз прочитаем предпоследнюю строку:

...Державин и Петров героям песнь бряцали...

Державин — знаменитый поэт 18-го века. А вот Петрова знают немногие. Но тем не менее, в допушкинский период П. Петров (1736—1799) считался талантливым поэтом. На его произведениях учились не только Пушкин, но и другие поэты. После написания оды «На карусель» в 1766 году он был назначен придворным поэтом, а через два года становится личным чтецом императрицы Екатерины Великой. Литературный

его творчества. Он был весьма популярен во времена Пушкина и Лермонтова, о чем, например, свидетельствует такой фрагмент строки:

«Три грации считались в древнем мире,
Родились вы... все три, а не четыре...»

принадлежат Петрову и лишь заимствованы Лермонтовым.

Последние девятнадцать лет жизни поэта прошли в селении — селе Троицком, что вблизи Ливен. Во многих источниках указано, что он и похоронен здесь.

Пушкин не мог не знать и об Александре Ивановиче Клушине, писателе, поэте и драматурге, творившем в конце 17-го века, но что Топки, лежащие на маршруте путешествия, это родовое имение Клушина, поэту вряд ли было известно. Рядом — Ярище, Лески, Коротыш. Клушинские родовые поместья. Родился литератор в Ливнах в 1763 году, здесь учился в уездном училище. После армии был на государственной службе в канцелярии орловского губернатора. Затем перебирается в северную столицу, где сближается с баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым и становится его единомышленником. Издает журналы «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий». Им написаны повесть «Несчастный», комедия «Алхимист», пьеса «Смех и горе». Его ценили Крылов и Белинский.

Клушин любил родной край, о чем свидетельствуют, например, такие строки:

Места, которые с младенчества я знал,
В которых некогда блаженство я вкушал...

Об образе жизни ливенцев он писал:

Почтенны ливенские дамы,
Подчас угрюмы и упрямы,
Но молчаливы навсегда;
Живут приятельски с мужьями,
Друг друга потчуют тузами
И не бранятся никогда...

Но вот с ливенцем Николаем Мельгуновым, который был лишь на пять лет моложе, Александр Пушкин неоднократно встречался. Мельгунов учился вместе с Глинкой, многое сделал для становления таланта будущего великого композитора и популяризации его творчества. Известно, что Пушкин читал его переводы книги немца Л. Тика «Об искусстве и художниках». Встречался с Мельгуновым в салоне Зинаиды Волконской, ко-

торая часто заказывала ливенцу писать музыку для ее домашних концертов. Особенно нравился посетителям дома Волконской романс на слова Пушкина:

Я помню чудное мгновенье —
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Первым автором музыки романса был Мельгунов, слушал этот романс и великий поэт...

Если свернуть с ливенского почтового тракта у деревни Ушаково и пройти вдоль русла притока Сосны Фошни, а затем по реке Тим спуститься на юг, то можно попасть в деревню Слободки, напрямую связанную с Афанасием Афанасьевичем Фетом.

В своих воспоминаниях Фет пишет: «...Я должен был хлопотать в Ливнах о свидетельстве, что я владею мельницей...»

Почему в Ливнах, что за мельницу имел в виду поэт?

Дело в том, что в 60-е годы прошлого века Фету-Шеншину перешли во владение некоторые из имений семьи Шеншиных, в частности, мельница-крупчатка на реке Тим Ливенского уезда. Местное население называло слободку в то время (да и сейчас старожилы употребляют это название) по имени ее владельца — «Шеншинка».

Фет подолгу жил здесь и занимался литературным творчеством, сюда приходили письма от Ивана Сергеевича Тургенева, Льва Николаевича Толстого. Тургенев шутил в письме: «Говорят, что Вы, «потрясая Орловской губернией Тамбовскую», вводите мельницу на 8 000 000 000 000 поставках...»

Поэт не любил бывать в разъездах, однако помещичьи дела заставляли приезжать на Тим. «С окончанием посева и молотьбы надо было подумать о разверстании с тимскими крестьянами... На этот раз мы отправились туда с женой..., причем приходилось не только кормить, но и ночевать дорогой на расстоянии 90 верст». Но не только по причине хозяйственных работ приезжал сюда Афанасий Афанасьевич. Хотелось ему познакомиться здешними местами, «восторгам не было конца при панораме, открывавшейся с обрыва берега, на который обращена была терраса нашего домика. К этому надо прибавить отличную уху...необычайно чистую и легкую воду, бившую из родника в нескольких метрах от балкона...» Не об этом ручье написал в 1862 году Фет?

Чем тоске, и не знаю, помочь,
Грудь прохлады свежительной ищет,
Окна настезь, уснуть мне невмочь,
А в саду над ручьем во всю ночь
Соловей разливается-свищет.

Бывал он на Тиму вместе с В. П. Боткиным, литератором-критиком, своим близким другом и родственником. «Возвращаясь с обычных прогулок, — рассказывал Фет, — Боткин переставал приходить в изумление от красивого восточного типа мужчин рядом с белокурым, курносый тип женщины. Понятно, что остроносый и смуглый тип сохранился под Ливнами на пути Золотой Орды; но странно, что этот тип нигде не сообщался женской половине народонаселения». Боткин сообщил о виденном Тургеневу в Спасское: «Не могу не сказать тебе о впечатлениях, которые сделали на меня женщины, и точнее, сказать, одежды их, в той стороне, где течет река Тима. Яркая, красная юбка, сшитая синею и черною каймой, и короткая, так, что когда молодая девушка загоняет скотину, идет в водой или моет на реке платье — решительно невозможно принять ее за одноплеменницу... Онуч эти женщины не носят, а чулки и башмаки».

Неоднократно был Фет и в Ливнах. Об этом, например, свидетельствует его запись: «Мирная, отстроенная, обросшая зеленью Степановка сделалась мне ненавистна. Я в ней задохнулся. На третий день мы с женой и неразлучным Иваном Александровичем сидели на железной дороге в Ливны, ожидала высланная вперед коляска, чтобы везти нас в Грайворонку». В какой-то раз в ожидании поезда он посетил кладбище, лежавшее в двух шагах от вокзала. У церкви Ивана Постыго среди крестов, надгробий и зарослей кустарника его глубин душевных тронули слова, высеченные на одном из памятников:

«Марии... Вот тебе мой последний наряд».

От этого простого откровения заныло сердце, растревожилась память. Под монотонный стук колес вспомнилась Мария Лазич, к которой поэт был полон «небывалой любовью», которой посвятил немало строк. Трагична ее судьба. Она, читая в беседке, зажгла свечу и «не заметила, увлеченная книгой, как вспыхнуло белое кисейное платье. Горящим костром пробежала по саду, моля о помощи. Спасти не удалось...» пишет орловский краевед Василий Катанов. О переживании на ливенском кладбище Афанасий Афанасьевич написал Льву Толстому...

Но вернемся вновь на Государеву дорогу, в Топки. Это местечко связано с именем Ивана Сергеевича Тургенева. И не только оно. Именья Хмелевая, Столбецкое принадлежали деду Тургенева Петру Ивановичу Лутовинову. По характеру он был решителен и норовист, и когда завязалась тяжба между ним и крестьянами, которые захватили его землю, он был взбешен. В ливенском суде, куда он обратился, его подзадорили: «Как это вы сами не сможете справиться с негодьями?!» Это вконец разожгло Лутовинова, и он выехал со своими пьяными охотниками к обидчикам. Завязалась пальба, убито с двух сторон до пятнадцати человек. После этого помещик собрал мертвых и поехал каяться в Ливны. Его арестовали, и более пятнадцати лет он просидел на поруках в своей деревне.

И более ранние предки писателя жили на Ливенщине, в частности, его прадеду Ивану Назарьевичу Лутовинову принадлежала деревня Терпицкая в уезде.

Дочь Петра Ивановича Лутовинова также была владелицей перечисленных имений. Она вышла замуж за Сергея Тургенева, от которого родила сына Ивана, ставшего великим русским писателем...

В окрестностях Топков на многие километры тянулись поросшие кустарником болота, где водилось множество дичи. В этих местах иногда охотился Тургенев. В самих Топках в то время стоял аккуратный флигелек, описанный в «Дворянском гнезде». В пятидесятых годах они гостили здесь вместе с Фетом.

Совсем недавно выяснилось, что корни выдающегося русского писателя и драматурга Михаила Александровича Булгакова — на Ливенщине. Дед писателя Михаил Васильевич Покровский, священнослужитель, был женат на Анфисе Ивановне Турбиной. По словам ее современников, это была добрая, любознательная, с живым умом женщина. Отец ее, то есть прадед Михаила Булгакова, был священником села Троицкого Ливенского уезда. А предком его и, таким образом, предком писателя был Ануфрий Иванович Турбин, «из детей боярских», значащийся в ливенском разборном списке еще в 1666 году. Так что корни Михаила Александровича по линии бабушки — в ливенском крае. Недаром писатель частенько в своих произведениях употреблял фамилию Турбины.

Путешествие наше по Государеву тракту подошло к концу. Впечатления о нем и положены в основу прочитанного повествования.

ЛИВЕНСКАЯ СВЯТЫНЯ

Чтоб стронть так торжественно
и просто,
Быть надо зодчим с русскою
мечтой.
Вс. Рождественский

амым замечательным памятником архитектуры Ливен является Сергиевская церковь. Храм этот тесно связан с жизнью многих поколений наших предков. Люди находили здесь отдохновение от трудов праведных, наставлялись на путь истинный, вдохновлялись на свершение подвигов и благородных поступков во имя Отечества. Русский философ Сергей Николаевич Булгаков, будучи уже на чужбине, говорил: «Но родина моей родины, ее святыня была Сергиевская церковь. «Сергие», как сокращенно она называлась в обычной речи... Я не знал, что все мои вдохновения, которым в будущем суждено было развиваться в целую богословскую систему, в корне своем были всеяны в душу Промыслом Божиим в этом умильном храме. Только теперь, в старости, я постигаю этот дар Божий. Как мы любили этот храм — как мать, как родину, как Бога, — одной любовью, и как мы вдохновлялись им. Он был для нас и святилищем, и источником восторгов красоты — больше у нас ничего не было, но и этого было довольно. Мы были привязаны к своему храму исключительно и ревниво — другие храмы, как даже, например Кладбищенский, где служил мой отец, были как бы не храмы, полухрамы, лишь этот был настоящий. Он весь

род удлинненной базилики, но какой домашний, уютный, теплый, с теплом намоленных икон (чтимой иконы Тихвинской Божией Матери). Хора, конечно, не было, да, вправду сказать, в нем и не нуждались, храм сам пел. Был гнусавый дьячок, наивно любивший свой клирос и право правивший свое клиросное послушание — бедный, с красным носом, вероятно, от выпивания. Но краса нашего «хора» был бас «Степаньч», пьяница, неизвестно как существовавший. Как сейчас вспоминаю, был он, вероятно, подлинно музыкален, артист в душе и голос имел прекрасный, благородный, хотя и пропитый, дребезжащий. Как мы трепетали, придет или не придет от своего запоя Степаньч петь в Великий четверток «Вечери Твоя Тайныя», заутреню в Великую Субботу «Волною морскою» или в Св. Пасху петь пасхальную заутреню. А другая краса нашего храма, другой столп нашей эстетики был дьякон: прекрасный тенор, бархатный, музыкальный, задушевный. Тоже пил, и тоже мы трепетали, будет ли в голосе и будет ли петь в Страстную субботу и пасхальную заутреню. И когда оба пели, душа уходила в небеса, горела и трепетала в божественном сиянии. Премудрость Божия смотрела в душу во Славе своей. Священник о. Иван, старенький, заикающийся, сама простота, сам ничего не вносил от себя в эту эстетику и не противоречил ей. Он был принят в это целое, потому что был принят этим храмом. И храм стоял над рекой на высоте, и окружен был, пусть простым и убогим, цветником. Он тоже жил и дышал одной жизнью с природой. Во время великого поста, с его печальными строгими звонами, дивно соединялась музыка бегущих весенних ручьев, шорохи и шумы ледокола, ширь весеннего разлива, а позже и пасхальная радость нежной трепетной весны.

И здесь я определился как русский, сын своего народа и матери — русской земли, которую научился чувствовать и любить на этой горке преп. Сергия...»

Церковь была воздвигнута в 1666 году, в 1948 году включена в список памятников архитектуры, состоящих на государственной охране. Ее строительству предшествовали такие события, о которых сообщали Орловские Епархиальные ведомости в 1871 году:

«По местному преданию, Сергиевский монастырь перво-

города — вверх по реке Сосне, на другой стороне этой реки, выше Ламской и Георгиевской слобод, на горе, называемой Удерев, где теперь земля помещика Баркова...» В связи с тем, что татаро-монголы практически каждый год делали набеги, монастырь был перенесен на противоположный берег реки в город.

Первое документальное сообщение о существовании Сергиевского монастыря относится к началу 17-го века. В писцовой книге 1615 года сказано: «...в 1592 году Генваря в 25 день блаженные памяти Государь Царь и Великий Князь Федор Иоанович всея Руси пожаловал в Сергиев монастырь на церковное строение, на ладан и на свечи, и на вино церковное в Ливенском уезде...»

Приправочная книга Михайлы Савенкова и Матюшки Федорова, относящаяся к тому же 1615 году, сообщает: «В большом же остроге монастырь Сергиев, а в монастыре церковь Сергия Радонежского». Это сообщение, вероятно, и нужно считать как первое упоминание описываемой церкви. Сначала она была деревянной. В 1647 году ливенский воевода Федор Ладыженский доносил царю Алексею Михайловичу: «...августа в 17 день, в четвертом часу дня после обедни загорелась на Ливнах в Сергиевском монастыре... церковь Сергия Чудотворца...»

Взамен сгоревшей «стараниями перомонаха Иосифа в 1666 году была построена каменная церковь. Ограда сначала была деревянной, также как и колокольня («круглая из дубового леса, с пятью колоколами, из которых в большом было 25 пудов»). В начале 18-го века вокруг монастыря началось возведение каменной ограды с башнями по углам и такой же колокольни. Строительство завершилось в 1746 году. Тогда же на колокольне были установлены часы с боем и расширена трапезная. Это была одна из двух церквей, принадлежащих Сергиевскому монастырю (вторая — Благовещения Богородицы — не сохранилась). В обеих церквях имелось следующее достояние: 8 икон, 10 церковных книг, одна риза, один стихарь (парчовое платье для священников), одно медное кадило, сосуды оловянные. «А в монастыре игумен Харлампий, да поп черный, да 11 человек братья живут по кельям», — гласит старинная запись...

Во время многочисленных ремонтов и мелких реставраций

сторону упрощения архитектурных форм, особенно колокольни, но это несколько не умаляет ее ценности как памятника родчества и культуры.

Почему нас очаровывает архитектура церкви Сергия? Почему, несмотря на то, что минуло более трех веков, как она построена, а от ее облика веет молодостью, свежестью, стройностью? Несомненно, оттого, что в ней заложен дух русского родчества, отличающегося оригинальностью и самобытностью.

Встарь основным строительным материалом были камень и дерево, последнего было в избытке — город стоял в окружении лесов, поэтому ее предшественница и была деревянной. Каменное строительство — более хлопотное, но зато долговечнее деревянного, поэтому и решили построить взамен сгоревшей каменную церковь...

У русского народа, жившего на равнинной земле, широких просторах, издревле ценились высокие сооружения, видимые издали, в том числе и церкви. Но ввиду суровости наших зим, отчего высокие помещения натопить трудно, церкви делили на две части: высокую — собственно церковь и низкую — «мирскую» часть, или «трапезную», в которой «столовались», то есть принимали пищу церковная или монастырская братия.

Такой тип церквей называется «московским», он распространен довольно часто. Например, архитектуру Сергиевской церкви напоминает церковь Благовещения в Туле. Расположение церкви традиционно: трапезная примыкает с запада, с востока — апсида, то есть полукруглая пристройка с главкой и крестом, в которой помещается алтарь. Колокольня в этом типе церквей располагается по-разному, в ливенской — с северной части.

Главный элемент здания — куб, по углам которого расположены пучки из трех тонких колонн, называемых «дудочками», в верхней части куба — карниз со сложным кирпичным «узорочьем», положенным то плашмя, то на ребро, то под углом. Над карнизом — продолжение стены, украшенной с каждой из четырех сторон семью полукруглыми кокошниками.

Крыша — шатрового типа, четырехскатная, завершается пятиглавием, барабаны которого покоились раньше на круглых основаниях, теперь этих оснований нет. Венчают луковичные главки кресты, поставленные на полумесяцы — символы

рами и турками. Окна на южной и северной сторонах сделаны в три яруса, обрамлены нарядными наличниками и рационально освещают внутреннее пространство.

Веками на Руси обязательной принадлежностью церквей были колокольни, а в штате церковнослужителей состоял звонарь, умевший извлекать из колоколов нужные мелодии звона. Во внутреннем открытом объеме колокольни церкви Сергия — звоннице на железных балках были подвешены «колокола большие и малые. В самом большом было 25 пудов...»

Во все времена, наверное, церковь будоражила умы людей своей таинственностью. Не только в наше время имеют место преданья о подземных ходах и пещерах на территории Сергиевской церкви. В 1890 году с целью раскопок была создана даже специальная комиссия в составе священника Сергея Тезавровского, протоиерея отца Виктора Введенского, уездного исправника Н. С. Шпанова и инженера И. А. Карышева.

Сначала было раскопано то место, где лежал камень причудливой формы. Под ним оказался погребальный склеп «чрезвычайно древней могилы». Сохранились толстые кости и полуразрушенный череп. С городской площади была заложена галерея, которая была прорыта под часовню, однако дальнейшие раскопки были остановлены ввиду «представившейся опасности, угрожающей всей пещере падением».

В результате раскопок были найдены 19 медных монет 18-го столетия, серебряная копеечка времен царя Михаила Федоровича (1613—1645), два перстня и кольцо, 11 медных крестиков, остатки кадила, пара подков от древней обуви, ножичек для растирания краски, еще кое-что по мелочам. В отчете отмечалось, что был раскопан «сохранившийся до некоторой степени череп, золотые нитки были расположены самыми причудливыми узорами на костях черепа. По малому размеру головы можно предположить, что череп этот принадлежал женщине, по выдающимся скулам и квадратности лица можно догадываться, что она была татарского происхождения». На этом раскопки закончились...

В торжественный звон христианских праздников светлые волны колокольного звона разольются вокруг Сергиевской церкви и будут перекатываться через реку Сосну, распространяясь по полям, лугам, дубравам нашего края. Прислушай-

те и сочиняет история.

В некоторые исторические моменты к божьему храму было отношение весьма неблагосклонное. Так, в 1938 году по распоряжению властей в нем прекратилось богослужение и на ворота был повешен замок. Священнослужителей арестовали, колокола сняли, у надстройки над пещерой выломали дверь. Здесь царил хаос и запустение. В 1941 году немецкие оккупанты разрушили иконостас, в святое место завели лошадей. «Новые хозяева» увезли решетки ограды на переплавку, та же участь постигла и уникальный крест с колокольни. А когда со стороны Ельца шла Красная Армия, вкатили в алтарь пушку, направив ее через оконный проем на елецкую дорогу. Вандалы были изгнаны с ливенской земли, церковь восстановлена и вновь открылась в 1948 году...

КУПЕЧЕСКИЙ ГОРОД

Адамова мельница, Аксенова мельница, Акатовский спуск... Как память о ливенском купечестве остались эти названия. Дореволюционные Ливны было принято называть обывательским, захолустным городом, где «богачи с жиру бесились», а простолодины влачили жалкое существование. Каждый был занят своим делом в меру сил, возможностей и способностей. Но в связи с тем, что в уезде и городе процветало предпринимательство, торговали многочисленные купцы, Ливны прославились как купеческий город.

В 1781—1782 годах путешествовал по России академик В. С. Зуев. Остановливался в понравившихся ему местах, собирал сведения о населении, истории, природе, промыслах. В Орел заезжал, записал данные об уездных городах. Вот что он заметил по поводу Ливен: «...Строение простое, все деревянное, исключая казенные палаты (органы, ведающие финансами), соляной магазин. Число домов более 700, сверх того питейных домов 13 (лавки, торгующие спиртными напитками), соляная стойка — одна, лавок на каменных погребках и фундаментах — 70. Жителей, кои по большей части однодворцы (государственные крестьяне) и войсковые малороссияне (малороссы — украинцы) все по обильному плодородию здешней земли хлебопашцы...»

Тогда еще город больше походил на крепость для защиты южных границ. Лишь через несколько десятков лет по мере заселения этих мест и развития сельского хозяйства и промыслов Ливны становятся крупным торговым местом. Этому спо-

риана на плодородных черноземах до избытка и большой привоз продуктов земледелия из курских, воронежских и других сел, благо Ливны были связаны дорогами с Москвой, Орлом, Курском, Воронежем, Харьковом (память об этих трактах сохранилась и сейчас в названиях дорог, например: Московский большак, или улиц: Курская, Воронежская). Хлеб свозился в Ливны, покупался местными купцами, накапливался на складах, а затем отправлялся в Петербург, Ригу и даже в Западную Европу. Привоз доходил до полумиллиона четвертей, что в переводе на современную меру будет 64 тысячи тонн.

В 1853 году в Ливнах и уезде проживало чуть более двухсот тысяч человек, в том числе 1738 купцов первой, второй и третьей гильдий. Примечательно, что большую часть составляли женщины. Ремесленников насчитывалось 692 человека.

После известной реформы 1861 года производство зерна значительно увеличилось, поступление его в Ливны из других губерний удвоилось и составляло 8 миллионов пудов (более 130 тысяч тонн). Две трети «ливенского экспорта» составлял хлеб. В 1868 году продавалось: пшеничной муки — около 13 тысяч тонн, овса — 13 тысяч тонн, ржи — 32 тысячи тонн, пшеницы — шесть с половиной тысяч тонн, пеклеванной (мелко размолотой и просеянной) муки — 4 тысячи тонн, пшенной — шесть тысяч тонн, гороха — около 400 тонн. Из других вывозимых продовольственных товаров перечислим следующие: мяса — 400 тонн, сала — 700 тонн, свиных туш — более 1,6 тысячи тонн, конопляного масла — 2,5 тысячи тонн. Кроме того, мыла — 160 тонн, пеньки — более трех тысяч тонн. До революции уезд только за границу отправлял до шести миллионов штук яиц в год.

Вырабатывалась готовая продукция на крупных мельницах. Особенно крупной и оснащенной технически считалась мельница купца М. С. Адамова, остатки которой сохранились до сих пор. Значительное количество зерна перерабатывалось на многочисленных мельницах Е. А. Аксенова. Всего в уезде насчитывалось более сотни мельниц, работали крупорушки, маслобойни, скотобойни, колбасные и кондитерские производства. Кроме того, ливенские предприниматели содержали несколько бумажных фабрик (например, в селе Успенском), мыловаренные, винокуренные и сахарные заводы. Были чугуноли-

продукцию спиртоводочный завод купца Ф. А. Заседателева. Он занимался также ссыпкой и торговлей зерном, имел склады, доходный дом, конный завод в деревне Жилево. На табачной фабрике Савковых работало 120 женщин и 12 мужчин, занимавших должности мастеров, конторщиков, заготовителей. В городе имелаась типография И. А. Савкова, печатавшая брошюры. В 1785 году открылся кирпичный завод Евреннова.

Фабрики и заводы Ливен производили продукции на 300 тысяч рублей, имели 280 рабочих. Выдающийся русский исследователь П. П. Семенов-Тяньшанский писал в 1902 году: «...Торговля обширна, главный предмет ее — хлеб, пенька, соль, скот — продукция чрезвычайно плодородного уезда. На станции железной дороги грузится много хлебных грузов...»

В кустарно-ремесленном промысле было занято три тысячи человек, которые пекли хлеб, ткали ткань, шили одежду и обувь, выделывали кожу, изготавливали мебель. Широко был распространен извоз. Осенью длинные вереницы крестьянских или нанятых купцами подвод тянулись на север по орловскому и московскому большакам. Везли муку, крупу, мясо, сало, масло, птицу... Назад возвращались с лесоматериалами, мануфактурой, рыбой, дегтем, металлическими изделиями, предметами быта...

С постройкой сети железных дорог грузы стали миновать Ливны и значение города как купеческого центра стало утрачиваться, но в 80-х годах купцы, отсчитав полтора миллиона рублей, построили узкоколейку до Верховья. Позднее ее перешли на ширококолейный путь и продлили до Мармыжей. Товарооборот в Ливнах вновь стал расти. К началу нынешнего века в городе насчитывалось 25 тысяч жителей, в уезде — около трехсот тысяч. Сейчас, как известно, в городе — 54 тысячи, в районе — 35. Правда, территория района намного меньше площади уезда, но уменьшение населения налицо: плотность его в сельской местности сократилась в несколько раз.

Купцы не занимались, по понятиям недавнего времени, производительным трудом — «сидели на шее у трудящихся». Но в купце сочетались многие профессии: снабженец, экономист, бухгалтер, продавец, менеджер... Купечество являлось важнейшим звеном экономики. Конечно, купцы в погоне за большими прибылями старались побольше товара вывезти на

регулировали рыночные отношения. Отправлялись за пределы уезда в основном излишки продукции для того, чтобы выручить деньги на покупку жизненно необходимых товаров.

Базары и ярмарки в Ливнах и селах уезда были грандиозные. В Воротынске было два базара в году, в Крутом, Теличьем, Куначе, Успенском, Коротыше — такое же количество. Были базары в Жерино, Навесном, Круглом, а в Речице проходили три ярмарки в год. Старожил Ливенщины П. Головин вспоминал: «Особое впечатление оставляли базарные дни. Ехали в город люди разного достатка. Одни — на паре породистых лошадей, запряженных в красочно отделанные повозки, с ресорами, другие мужики, видимо среднего достатка, на сильных уштаных лошадях. «Эй, сторонись!» — покрикивали они, обгоняя мужиков победнее, у которых тощие лошаденки тащили дроги на деревянных осях, наполненные поклажей для продажи...»

Стоимость пуда ржи перед началом мировой войны не превышала в Ливнах 90 копеек, говядина стоила 4 рубля 80 копеек за пуд. Зажиточными в городе считались семьи печников, столяров, штукатуров, каменщиков, кровельщиков, маляров. Самый высокий заработок был у печников — почти два рубля в день, самый низкий у плотников — полтора рубля. Нормальное крестьянское хозяйство имело 1—2 лошади, корову, десяток овец, свинью, птицу. На 100 десятин посева крестьяне имели 34 лошади, 39 коров и бычков, 26 свиней. Водки потреблялось в среднем по два поллитра в месяц на мужчину.

Уровень жизни ливенцев был разный: наряду с зажиточностью, богатством, роскошью было значительное количество обездоленных. Для того чтобы добротнo жить, нужно было трудиться в поте лица.

СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ

Тут каждый камень памятен и дорог,
Тут след времен минувших не исчез.

Степан Шипачев

овершим воображаемую экскурсию и остановим свое внимание лишь на нескольких достопримечательностях, интересных не с точки зрения архитектуры, а с позиций истории и событий, свидетелями которых они были. Ведь дома, как люди, — рождаются, живут и умирают. Одни быстрее, другие живут долго и имеют сложную судьбу.

Остановимся у здания, построенного в стиле классицизма по улице Пушкина, имеющего номер 3. Архитектура его сохранилась в первоначанном виде, если не считать мрачной пристройки кубической формы с южной стороны. В дореволюционные годы в этом доме размещалось духовное училище, открытое в 1817 году. Это учебное заведение считалось духовным центром не только уезда, но и всего «медвежьего угла» — так называли юго-восточную часть Орловской губернии с центром в Ливнах. Здесь учились дети местных священнослужителей, из соседних уездов и губерний. Нашим предкам прививали добрые идеи христианского мужества, добра, высокой мудрости, глубокого понимания истории и культуры. Выпускники училища приносили большую пользу России.

Здесь учились Сергей Булгаков, будущий выдающийся мыслитель и богослов, Николай Поликарпов, неутомимый искатель нового, человек со сложной судьбой. В этом здании часто бывал Быханов, неутомимый открыватель тайн земли и

небесных восточных стран. Эти люди оставались всегда людьми с большой буквы, и этому, без сомнения, способствовало приобщение к высоким идеалам в стенах училища. Из стен этого училища вышел Михаил Спасский, ставший видным русским ученым-метеорологом. Закончил Орловскую духовную семинарию, затем Петербургский главный педагогический институт. В Московском университете защитил докторскую диссертацию, в начале прошлого века написал ряд ценных научных работ. Здесь была альма-матер и для отца Феофана (Говорова Егора Васильевича), монаха, деятеля православной церкви, публициста, переводчика. Училище он закончил в 1829 году. Один из его биографов писал: «Мы имеем полное право называть его великим мудрецом христианской философии». Учились в духовном училище Николай Феноменов (это было в 1865—1869 годах) — известный в России врач, доктор и профессор медицины, Николай Лосев — талантливый художник.

Разумеется, мы привели список знаменитостей по своему усмотрению, ни в коей мере не умаляя достоинств и других выпускников. Немалое число хороших людей училось в этом здании да и сейчас учится. Но здесь теперь уже школа-лицей № 3. И пусть лиценсты получают не менее высокодуховное воспитание, чем семинаристы...

Давайте теперь направимся на ливенскую кручу, туда, где зарождалась крепость Ливны. С высоты открывается увлекательная панорама: кубики домов слободы Беломестной, дали полей и перелесков, а на западе белеют крошечные издали здания новых микрорайонов. Впереди, перед глазами — мост.

...С давних времен существовала связь между правым и левым берегами Сосны. За рекою простиралось «дикое поле». Земля та русскими считалась своей, и татары также считали ее своей территорией. На этой спорной земле образовалась Беломестная слобода, населенная людьми отважными и рискованными. Ведь при набегах татар беломестненцам доставалось лиха в первую очередь. Правда, как плата за риск было освобождение от налогов в царскую казну.

На старом снимке видна сезонная переправа, которая в период паводка приходила в негодность, и тогда заречная слобода была отрезана от остальной части города. Так продолжалось вплоть до семидесятых годов, когда был воздвигнут четырехпролетный красавец-мост.

Конечно, не такой грандиозный. На нем в 1593 году велись переговоры между представителем неугомонных крымцев Ахметом и московскими князьями и был подписан мирный договор «на век», который оказался весьма хрупким. Недаром же говорят: восток — дело тонкое.

Время в сто лет, разделяющее две фотографии, изменило облик реки и прибрежной части. Остатки старой переправы все-таки просматриваются. Видна и часовня, заново поставленная совсем недавно, поэтому и архитектура у нее совсем другая. Берега обильно поросли деревьями и кустарниками, воды в реке стало меньше, да и, наверное, грязнее она теперь.

«Вид на реку Сосну» — так было написано на старой фотографии. Если сказать полнее, можно добавить: с того места, где зарождалась крепость Ливны. Отсюда обозревали местность первопроходцы-строители, их потомки, многие поколения ливенцев. Пейзаж, без сомнения, уникален — ведь принадлежит он только Ливнам...

А вот дом на улице Акатовской. Фасад — двухэтажный, пристройка имеет три этажа. Рядом прилепились дома простого люда. Улица называлась в честь купца Акатова, известного в губернии не только как коммерсанта, но и государственного деятеля местного масштаба — с 1882 года он являлся городским головой. Правда, о его труде на этом поприще язвительно писала газета «Орловские ведомости», но, тем не менее, купец избирался градоначальником в течение 28 лет.

В послереволюционное время в этом доме размещалась полковая школа 18-го полка, давшая армии немало специалистов военного дела. Многие из ливенцев получили путевку в жизнь в этом военном учебном заведении. Учился здесь в 1928—1929 годах и будущий знаменитый авиаконструктор Артем Микоян, брат известного государственного деятеля. Самолеты «МИГ» — кто о них не слышал! — это детище Артема Ивановича.

В войну здание было частично разрушено, но отремонтировано, и над фасадной частью был надстроен третий этаж, отличающийся абсолютной простотой архитектуры от первого и второго. Вход сделали со двора. Конечно, удобства проживания в этом доме трудно сравнить с современными домами, но дом продолжает вторую сотню лет исправно служить ливенцам.

Перейдем теперь на улицу Горького и остановим взгляд на доме, стоящем на углу этой улицы и улицы Капитана Филиппова. На нижнем этаже часть помещения занимал хлебный магазин, а теперь здесь размещается магазин акционерного общества «Ливгидромаш». Когда-то в здании было земство, а улица называлась Никольской. Важное учреждение располагалось в доме. Земство — это орган местного самоуправления, который был введен в России реформой 1864 года и ведал просвещением, здравоохранением, строительством дорог... И многое сделал для города и уезда, и, наверное, так и должно быть: куда направить деньги — на месте виднее, чем из областных или столичных ведомств. Даже и почтовыми делами занимался этот орган в Ливнах, и марки свои выпускал собственные в типографии И. А. Савкова. Тогда они стоили копейки, а сейчас в большой цене.

Избирались в земское правление уездные землевладельцы, владельцы недвижимости в городе, те, которые с головой. Работали там и представители сельских общин, мужики, знающие крестьянское дело. Хорошая память о себе оставили органы местного самоуправления, и в наше время подумывают, чтобы их возродить.

Время изменило не только статус дома, но и его архитектуру. Пожалуй, неизменными остались количество окон на втором этаже, высокие потолки в комнатах да сводчатые подвалы. Остальное, в том числе и наружное убранство, претерпело незначительные изменения. Исчез уютный просторный балкон, не стало украшенных жестяными кружевами труб, зато появились на правой стороне небольшие балкончики.

Дом — безмолвный свидетель многих катаклизмов истории, не миновавших и Ливны: революции, разрухи, войны... Говорят, что с его балкона выступал Лев Троцкий, «Красный Лев» — так его называли. И говорил так проникновенно, что люди плакали... Жильцы рассказывают, что во время бомбежки в конце июня сорок второго в него угодила то ли бомба, то ли снаряд — стал дом инвалидом. Пришлось разрушенную часть отстраивать заново.

Сколько людей здесь за более чем вековую историю впервые увидели свет божий, встали на ноги, прошагали по ухабам жизненным, а потом ушли в мир иной. Никто не считал, да и посчитать, наверное, невозможно. И кто знает, сколько этому дому еще служить людям.

В СТРАНЕ УВЛЕЧЕНИЙ

утешествовать можно по горам и городам, по льдам океана и по реке. Передвигаясь при этом пешком или на байдарке, на автомашине, лыжах или велосипеде. Но можно отправиться в путешествие и не выходя из дома — в страну увлечений. Это — особая страна, которая рассказывает о себе языком коллекции.

Мы с вами посмотрим марки, конверты, автографы, так или иначе связанные с ливенским краем. Их не так много, а значит, и путешествие будет коротким, но если увлечься, то можно получить интересные впечатления...

В 1861 году в России была проведена общественно-политическая реформа. Страна широкими шагами пошла к капитализму. Одним из разделов реформы была организация земств, с возникновением которых улучшилось народное образование, медицинское обслуживание, расширились почтовые связи внутри уездов.

Как и в других городах России, в Ливнах появилась земская почта, которая «была ответственна за доставку корреспонденции в пределах уезда». И направились ямщики по селам и деревням ливенского края. Тут невольно приходит на память известная песня, в основу которой легло стихотворение Ф. Глинки:

Вот мчится тройка почтовая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —

Но почтовым чиновникам было не до песен. Тотчас же возникал вопрос: как оплачивать доставку почтовой пересылки? Ответ они нашли в правительственном циркуляре, который наставлял: «...Земским почтам не возбраняется иметь свои почтовые марки, но с условием, чтобы эти марки не имели ничего общего с марками государственной почты...»

В Ливнах первая земская марка была отпечатана в местной типографии И. А. Савкова в 1871 году и имела весьма незатейливое изображение (см. рис.): надпись по кругу «Ливенская земская печать», а в центре была обозначена ее стоимость — три копейки. Она имела фестоны (зубцы) и печаталась черной краской на красной бумаге.

Спустя два года отпечатали второй тип марки. Она была посложнее: в прямоугольнике — герб Ливен, который представлял из себя щит, в верхней части — орел на башне, в нижней — три летящие перепелки. Стоила она уже пять копеек. В 1875 году выпустили третий тип, мало отличающийся от второго, — лишь по углам добавили кружочки с цифрами «5». Но почта крепла, количество почтовых отправок росло, и в 1893 году ливенское земство заказало марку в экспедиции заготовления государственных бумаг в Петербурге. Заказ был исполнен, и на Ливенщине появился четвертый тип почтовой миниатюры двух цветов — синего и красного. И опять на ней изображение ливенского уездного и городского герба.

Отправлялась почта из Ливен по определенным маршрутам до трех раз в неделю по расписанию, в котором указывалось время прохождения почтового транспорта по территории каждой волости. Перевозки осуществлялись преимущественно на подводах, иногда верховыми или пешими почтарями. Земские марки, а стало быть и почта, существовали в уезде до 1903 года, потом ее функции перешли к государственной почте. Сейчас марки весьма дороги и дефицитны.

Впрочем, почта на Руси функционировала издавна, когда марок и в помине не было — ни земских, ни государственных. В 1697 году, когда царь Петр Первый строил флот в Воронеже, был учрежден почтовый маршрут из Москвы через Серпухов, Тулу, Новосиль, Ливны и далее — на Воронеж. Этим путем не раз проезжал сам Петр Великий. Но царь проезжал здесь и до того, как в почтовом министерстве был создан этот маршрут. В 1695 году, после поражения в первом Азовском походе, он

следовал по нему и остановился на полюбку в тёмной комнате, в углу, на ямщика. По преданию, Петра так всю ночь кусали блохи и клопы, что он, рассерженный, приказал спалить ту избу, что и было сделано. Изображение царя Петра есть на миниатюре, выпущенной еще в начале нашего столетия. На ней нет и намека, что она относится к ливенскому краю, но разве можно ее не причислить к «ливенским маркам»?

Остановим внимание на небольшой по формату, коричневатого цвета марке, выпущенной в 1949 году в честь 125-летия Государственного академического Малого театра. На ней — портреты драматурга Н. Островского и актеров театра М. Ермоловой, П. Мочалова, М. Щепкина, П. Садовского. На метрическом свидетельстве последнего четко оттиснута печать Воскресенской церкви города Ливны, а в метрической книге о родившихся тысяча восемьсот восемнадцатого года месяца октября одиннадцатого дня под номером 55 написано: «...У купца Михаила Ермолова сына Ермилова родился сын Пров. Таинство крещения совершенно того же октября 12-го дня». Девяти лет Проша Ермилов лишился отца, был взят на воспитание дядей Григорием Васильевичем Садовским и получил его фамилию. Талант, страстная любовь к театру помогли Прову Михайловичу стать великим актером, подняться на высокие вершины исполнительского мастерства. Он создал на сцене выразительные образы в пьесах Гоголя, Островского, Писемского, явившись родоначальником театральной династии Садовских.

Перелистаем страницы альбома дальше. Животные, картины художников, виды городов смотрят на нас с чёрных картонных листов. Вот три марки в честь лауреатов Нобелевской премии. С одной из них глядит задумчивыми уставшими глазами Иван Алексеевич Бунин, которого Г. Адамович назвал «одним из последних лучей чуждого русского дня». Имя Бунина связано с землей ливенской. О ней он неоднократно писал в своих произведениях; и бывал он здесь, работая корреспондентом в газете «Орловский вестник», писал статьи о Ливнах. Здесь жили его родственники. Совсем недавно умерла Ирина Николаевна Бунина-Иващенко — женщина из потомков рода Буниных.

Вспоминается визит к ней пять лет назад. В свои 76 лет она выглядела еще молодожавой и сохранила в своем облике былую красоту: крупные выразительные глаза, волнистые смоляные

волнистые смоляные волосы, минералистов, книги Бунина, рассказывала о давно минувших временах, уводя воображение в историю...

— Это схема родословного дерева, присланная из Елецкого краеведческого музея, — начала тогда рассказ Ирина Николаевна, — из нее явствует: Иван Алексеевич Бунин и мой прадед Константин Алексеевич — родные братья. Прадед был первым ребенком в семье Буниных, а Иван — будущий писатель — последним, шестым. Дед Александр Константинович происходил из разорившихся дворян, отдан в духовную семинарию и стал священником. В восьмидесятых годах прошлого века у него родился сын, которого называли Николаем. Это мой отец. По семейной традиции поступил в Орловскую духовную семинарию, которую закончил в 1911 году. Учился он, к слову сказать, вместе с Николаем Поликарповым, будущим авиаконструктором, ливенцем. Потом мои будущие папа и мама повенчались, мама была уроженкой Ливен, но здесь они жить не стали — папе дали приход в селе Стрелецком под Ельцом. Дед Александр был приходским священником в Речице. После его смерти мои папа и мама перебрались в это село, где отец занял освободившееся место деда-священнослужителя. В Речице мы жили до самой смерти отца, а умер он рано, в 36 лет.

О родстве с Иваном Алексеевичем Буниным, — продолжала Ирина Николаевна, — я впервые узнала в детские годы. Читаю как-то на обложке книги: «Бунин», спрашиваю у отца: «Однофамилец?» — «Нет, — отвечает, — это брат твоего прадедушки, писатель большой, но не в ладах с большевиками — за границу уехал». Отец говорил, что встречался с Иваном Алексеевичем, но рассказов его об этих встречах не помню.

Нашу семью некоторые знали в Ливнах как бывшую в родстве с Буниным, но мы старались это держать в секрете. Это было в тридцатые годы, спрашивает у меня учительница:

— Бунина, ты, случаем, не родственница писателя Бунина? Я догадалась, что она уже знает обо всем, пришлось признаться.

— Никому не говори об этом, — доверительно полупшепотом сообщила педагог, — он — эмигрант, объявлен изменником, врагом народа.

Я испугалась, помалкивала. И мама не раз предупреждала: — Не проговорись, дочка, посадить могут...

Наконец-то Иван Алексеевич Бушпн обрел положенное ему в истории место...

Остановим внимание на марке, выпущенной в 1935 году. На фоне ледового лагеря чelosкинцев изображен пожилого возраста бородатый человек. Это академик Отто Юльевич Шмидт, математик, астроном, геофизик. Ему принадлежит гипотеза происхождения Земли за счет скопления метеоритов. Но оказалось, что не ему принадлежит приоритет в этом. За полвека до него такое же предположение выдвинул учитель пения Ливенского реального училища Евграф Васильевич Быханов (1828—1915). Изложил он теорию в книге «Нечто из небесной механики», выпущенной в Ливнах в 1894 году в частной типографии Савкова. Там же в 1877 году отпечатан первый труд Быханова «Астрономические предрассудки и материалы для составления новой теории образования солнечной системы», в котором он высказывает мысли об образовании земных материков. И также — намного раньше ученых. Труды самоучки-астронома долго не были изучены, и лишь несколько десятилетий назад благодаря профессору Н. И. Леонову самостоятельный ученый из Ливен стал известен и высоко оценен в научных кругах. Кто-то назвал его «Циолковским в астрономии». Ему принадлежат работы по садоводству, он хорошо рисовал. В Ливнах по улице Орджоникидзе сохранился дом, где он жил...

Большое количество почтовых сувениров выпущено в честь выдающегося авиаконструктора Николая Николаевича Поликарпова. На них изображены его самолеты Р-5, И-16, По-2, приводится портрет земляка. Есть изображение памятника, установленного в Орле: Поликарпов сидит в рабочем кресле в кожаной куртке, в приподнятой левой руке — макет истребителя И-16, правая лежит на развернутом свитке чертежа...

Можно найти в альбоме и изображение Стаханова — зачинателя движения за наивысшую производительность труда. Он гордо стоит с отбойным молотком на плече, готовый к установлению рекорда по вырубке угля. Алексей Григорьевич писал: «Родился в деревне Луговая Ливенского уезда Орловской губернии. Деревня наша была беднейшая. Испокон веку уходили оттуда на городские работы, но больше по горняцкой части...» Уехал на Донбасс и Алексей, думал заработать денег на покупку лошади и вернуться. Но шахтерская жизнь стала привычной, а когда в 1935 году нужно было найти шахтера, крепкого,

понятливого и физически сильного, способного установить рекорд добычи угля и производительности отечественного отбойного молотка, то выбор пал на Алексея Стаханова. Неоднократно приходилось ему ставить рекорды, что давалось с превеликим трудом. Правда, и большую часть жизни в материальном отношении ему не пришлось терпеть лишения. Как бы то ни было, Алексей Григорьевич Стаханов — человек-труженик, многое сделавший для благополучия нашей страны.

...В конце восьмидесятых — начале девяностых годов выпущена серия почтовых миниатюр с изображениями музыкальных инструментов. Среди русских народных инструментов показана гармонь-ливенка. Правда, по внешнему виду она сильно отличается от современных гармошек, которые делал народный умелец Константин Федорович Кудрявых или делают в мастерской города. Конфигурация грифа другая, басовые лапчатки расположены прямо, да и количество борин (складок мехов) меньше...

Если почтовая марка несет в себе какую-то информацию — изображение, название или фамилию, дату события или годы жизни человека, то автограф — почти никакой. Подпись и все. Иногда автор ставит дату. Без дополнительной информации по подписи мало что узнаешь, даже если она размашистая, крупная, четкая. Но за подписью стоят воспоминания — при каких обстоятельствах брался автограф, как вел себя автор, что говорил, какие люди его окружали. Так что и по автографам можно попутешествовать в историю.

Перед нами автограф первого космонавта мира. Три десятка лет минуло с того времени, а простые события, связанные с получением автографа, свежи в памяти. Гагарин в то время был самым популярным человеком страны, да, наверное, и всего мира. Коллекционеры считали за счастье получить что-нибудь подлинно гагаринское. Что мог получить я, проживая в глубинке? Решил воспользоваться почтовыми услугами — может быть повезет. Сувенирный листок с почтовой маркой и факсимиле Юрия Гагарина был пределом моих молодых мечтаний. Вырезал листок из обычной белой бумаги, наклеил марку № 2843 из серии «Мир без оружия, мир без войн», на которой на фоне фиолетового неба изображена оливковая ветвь — символ мира и ракета в полете.

Заготовку сувенирного листка не без колебаний отправил

ВДОЛЬ ПО МАТУШКЕ СОСНЕ

Я не променяю среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара.

К. Паустовский

Исток реки Сосны — недалеко от деревни Федоровки, на границе Малоархангельского и Покровского районов. Несет река воды свои в Дон на протяжении 302 километров от истока. Омывает земли восьми районов Орловской и Липецкой областей, протекает через три районных центра: Колпны, Ливны, Елец. Ее притоки Фопня, Тим, Труды, Кшень, Ливенка, Олым, Большая Чернава, Воргол, Пальна..., собирая воду из родников, ручьев и малых речушек, поят Сосну. При встрече с батюшкой Доном она уже широка и полноводна.

В старые времена ее называли Быстрая Сосна, а в летописи она именуется Созоной. Вот одно из объяснений ее имени. В древнеславянском языке слово «сосе» означало болото, грязь, а «цна» — узкий. С течением времени словосочетание «сосецна» постепенно превратилось в слово сосна, никакого отношения к хвойному дереву не имеющее. Конечно, это — версия. Существует и другое предположение — река получила название потому, что вытекала из-под сосен. И такое может быть, ведь богат был ливенский край лесами, в том числе и сосновыми. В писцовых книгах 17-го века упоминаются следующие леса: Красный, Жилевой, Сторожевой, Серболов, Ястребов, Хмелевой, Вязовик, Каменный, Хвощенский, Ровнецкий, Мокрецкий, Кунацкий и другие — всего 35 лесов и множество дубрав. В особенно-

сти занимал площадь более восьми тысяч гектаров.

Степные пожары, заселение земель, и в связи с этим новое строительство, войны, а в основном хищническое истребление стали причинами того, что большинство лесов, дубрав и рош исчезло. Лишь уцелели названия как свидетели ранее существовавшей лесистой местности: Сосновка, Липовчик, Дубровка, Березовка, Дубрава...

Древние источники свидетельствуют, что Пососенье изобиловало всяким зверем. Здесь водились туры и медведи, кабаны, лоси и олени. Особо хочется сказать о бобрах. Было их много, но наши предки заботились об охране природы. Так, в приправочной книге 1615 года сказано: «...всякие ливенские люди за бобровые головы давали оброк, как и за всякого зверя».

Многочисленные леса делали Сосну полноводной, на ее водах жили стада диких уток, гусей и лебедей, на последних в 13-м веке охотились как русские ловчие, так и монгольские сокольники. Река была судоходной, на лодках и стругах до реки Дон переправляли казакам хлеб, сукна, порох, свинец, оружие. Как гласит древнее предание, по реке совершил плавание метрополит Московский Алексей во время своего путешествия в Орду.

Позднее, во времена Петра Великого, Сосну перекрыли множеством плотин, на которых устанавливались мельницы-крупчатки, она перестала быть судоходной, но воды в ней не убавилось, а рыбы стало больше. Обилие воды, многочисленные леса, богатые пушным зверем, разнообразная дичь делали Ливенщину одним из привлекательных уголков Руси. Поэтому по ее берегам селились люди.

Свидетельством тому являются многочисленные селища, разбросанные по Сосне. Несколько из них располагались у деревни Орехово. Жили здесь люди в 3—5-м веках, то есть тогда, когда развитие земледелия только начиналось. Одно из поселений занимало площадь три четверти гектара. Вблизи реки и сейчас четко видны пятна развалов древних землянок, насыщенные кусками глиняной обмазки, древесного угля, крупными обломками керамики. Встречаются кости животных. Интересны три поселения эпохи бронзы, расположенные в южной части Ливенского района по берегам реки Кшень в районе Екатериновки — Ольхова Луга, а также ниже впадения реки Тим в Сосну. Здесь на ее правом берегу, к югу от полевой

просматривается турбинный слой толщиной 30—40 сантиметров с обломками керамики от баночных и колокольновидных сосудов с примесью песка и ракушки в глиняном «тесте». Похожее поселение находится на левом берегу Кшени на южной окраине села Никольского. Поверхность этих селищ распаивалась, на пашне попадаются обломки лепных сосудов и кремневые отщепы. Подобные отщепы встречаются и на западной окраине села Коротыш, на правом берегу Сосны. Имеются свидетельства древних поселений вблизи деревень Шебаново, Вязовика, Воротынска, Алдобаевки. Красивы эти места, общение с ними дает возможность соприкоснуться со стариной, унести как бы на сотни лет назад в глубину веков. А совсем недавно увлеченные и интересные люди из Орловского и Ливенского краеведческих музеев обнаружили древние поселения домонгольского периода (12-й—начало 13-го века) у села Речица, русское сторожевое укрепление семнадцатого века у села Теличье, два поселения раннего железного века на землях сахарного завода и птичника.

Очень интересные работы были проведены в районе Ключевки. Когда несколько лет назад участники археологического отряда из Орла и Ливен прибыли на место, увидели среди невысоких пологих холмов извилистую долину Ливенки, деревню Воротынск, а над речкой — поросшие травой ровные террасы. Профессиональное чутье подсказывало: это и есть самое перспективное место для раскопок. Группа направилась вниз по течению Ливенки. И вдруг напротив, на высоком мысу, перед взором путников предстало кольцо вала вокруг ровной площадки. Сомнений не было: это городище, то есть древнее поселение, укрепленное от набегов неприятеля. От кого могли укрываться древние жители? Может быть от так называемых абашевцев, кочевавших здесь четыре тысячи лет назад, или от скифов, будораживших округу спустя два тысячелетия? А может быть от бесчисленных орд татаро-монголов, не дававших покоя народам Древней Руси?

Наверное, первая находка взволновала археологов не меньше, чем золотискателей Джека Лондона взволновал первый самородок. А на ладони руководителя отряда С. Краснощеквой лежали всего лишь глиняные черепки, на языке профессионалов называемые необожженной глиняной керамикой с ямочным орнаментом. Снимали археологи слой за слоем наносы

времени и увидели обгоревшие бревна деревянной стены, поставленные частоколом. Сомнений не было: здесь стоял укрепленный городок, но почему он остался заброшенным и забытым? Не подожгли ли его татары в 1237 году, когда орды Батыя рвались к Рязани, не разгромили ли басурманы весной 1238 года, когда, взяв Козельск, уходили домой в степи? А может быть он перестал существовать в 1239 году, когда ордынцы завоевывали земли Черниговского княжества, в которое входила и земля ливенская? Возникал и главный вопрос: а не мог ли здесь, вблизи слияния рек Ливенок Лесной и Полевой, быть первый город Ливны? Вопросов возникало много, ясно было одно: остатки строений принадлежат нашим предкам, также как и найденные здесь костыли для скрепления бревен, остатки обожженной посуды, кованые гвозди, железные рыболовные крючки...

Издревле полноводная Сосна была естественной преградой на пути захватчиков. И выросли здесь в старину крепости Елец, Чернава, Ливны. В 1592 году на Сосне у Ливен велись переговоры между посланцами царя Федора столичными князьми Щербатовым и Хворостининым и представителем хана Ахметом, закончившиеся подписанием мирного соглашения. Но и после подписания этого договора крымцы продолжали набеги на Московское государство. Царь Михаил Федорович взял еще больший курс на мирные переговоры с южным неприятелем. В 1614 году состоялась вторая встреча. Ахмет потребовал, чтобы Москва ежегодно присылала хану кроме дорогих мехов десять тысяч рублей. Русские послы сказали ему о бедности своего государства, истощении царской казны в связи со «смутным временем», но Ахмет твердил одно и угрожал: «...Я на одних Ливнах вымещу, ...возьму тысячу пленных, за каждого — по пятьдесят рублей и будет у меня пятьдесят тысяч». В конце концов сошлись на сумме четыре тысячи рублей, но с условием, чтобы по весне государь прислал в Крым еще большие дары. Но московское золото и соболя не помогали. Уже в следующем году крымские татары совершили набег на земли ливенские...

Много слез и страданий видели края, раскинувшиеся по руслу реки Сосны в годы революции, гражданской войны, но в особенности во время Отечественной войны. Воины мужественно сражались на дальних подступах к столице в сорок первом году, осуществляя Елецко-Ливенскую наступательную опера-

цию, сдерживая врага летом серок второго года. Многие из них сложили свои головы за Родину и остались навечно лежать в братских могилах...

Красива река в любое время года. Мирно несет она свои воды по степным просторам, пробив русло сквозь черноземы полей, гладь лугов и толщи девонского известняка.

Любили Пососенье многие соотечественники. Бывали здесь А. А. Фет и И. С. Тургенев. Подолгу жили И. А. Бунин и братья Жемчужниковы. Сосна вспоила на своих берегах художников В. Н. Мешкова и Н. Д. Лосева, писателя М. М. Пришвина, актера П. М. Садовского, композитора Т. Н. Хренникова, авиаконструктора Н. Н. Поликарпова...

В минуты отдыха сидел когда-то с удочкой у Адамовой мельницы вблизи Ливен писатель Константин Георгиевич Паустовский. В «Книге скитаний» он писал: «Из окна докторского кабинета виднелись такие дали и такие мягкие и округлые взгорья, что замирало даже от взгляда на них сердце. А у подножия этих далей, увалов, оврагов и взгорий широкой (по весне) лентой протекала под железнодорожный мост река Быстрая Сосна.

Она действительно была быстрая, струистая, несла последние коричневые льдины, шуршала, особенно громко по ночам и с каждым часом подымалась, качая и затапливая кусты лозняка...»

Случается, что река и беды приносит. Весной 1970 года она разозлилась, разбушевалась. Уровень подъема воды был тогда самым высоким в послевоенное время — 770 сантиметров, чуть уступая 1940 году, когда вода в половодье была на отметке 781 сантиметр. А самый большой подъем воды зарегистрирован на отметке 10 метров 7 сантиметров. Тогда затапливает река дома в низинах: Каменном карьере, Георгиевской и Беломестной слободах, в деревнях и в селах района. Вероятно, один из старожилов утверждал не зря, что вода доходила до дороги, ведущей от Георгиевской к Кирпичному Броду, то есть до места, где проходит сейчас дорога по улице Мира. Самое раннее вскрытие реки отмечалось в начале марта, самое позднее — в конце апреля. Картина наводнения на Сосне величественная, редко кто не соблазнится посмотреть, как «лед идет».

Известен такой факт. Поэт Дмитрий Блынский был в 1961 году в Ливнах в командировке. Освободившись от дел, он

пошел на Сосну взглянуть на весенний разлив. Вдруг заметил: на льдине с криками о помощи метался мальчуган. Не раздумывая, поэт бросился в ледяную воду и вытащил его на берег. До вылета самолета на Орел оставалось мало времени. Блынский прибежал в гостиницу, выжал одежду и поспешил в аэропорт...

А вот история «чугунного моста», что у известкового завода. Кстати, он изготовлен не из чугуна, а из крепкой стали и построен в послевоенное время. А первый металлический мост воздвигнут в 1897 году, о чем свидетельствуют цифры на одном из двух быков. О его существовании напоминают ржавые остатки конструкций, торчащие из воды. Его взрывали два раза. Первый раз в 1919 году, когда части Красной Армии, отступая из Ливен, решили оторваться от наступающих частей Деникина, для чего и подорвали мост. Но то ли потому, что взрывные подготовительные работы велись в спешке, или оттого, что у красных специалисты были никудышные, после грянувшего взрыва многотонная громада вздрогнула и лишь один край соскочил с катков на опоре. Наступавшие быстро поставили ферму на место. Второй раз мост был взорван в 1941 году, перед оккупацией немцами Ливен.

Готовясь к Курской битве, когда появилась необходимость в переброске по железной дороге войск и техники к месту предстоящих боев, советские саперы соорудили временный деревянный мост метрах в пятидесяти от существовавшего ниже по течению реки. Он здорово помог победе под Курском, однажды по нему проезжал к месту боев наш прославленный военачальник Г. К. Жуков. Но эту переправу уничтожила стихия — в весеннее половодье возник затор, и сооружение начало трещать и разрушаться. Солдаты-саперы, не щадя себя, проводили спасательные работы, которые закончились трагически — несколько человек из них погибли в разбушевавшейся пучине. До середины семидесятых годов их братская могила находилась вблизи моста, но затем прах воинов был перенесен в братскую могилу в городской сад.

Но зло людям река причиняет редко. Дарит добро душе и телу.

Выдастся свободное время, захочется на природу и обязательно потянет к воде, к реке. Здесь дышится вольно, полной рудью. Веет свежестью с заречных просторов, ласково плещет волна о прибрежный песок, чуть слышно шуршит листва на

лебеди.

Для любителей рыбалки времяпрепровождение на реке — благодать. Правда, уловы стали не те, но все же попадаются голавль, плотва, карпи даже судак. Рыбака, тем более заядлого, не остановит ни пурга, ни мороз. Смотришь — снег метет, ветер в прибрежных кустах неистовствует, а на льду — сторбленные фигурки. В шубы закутались, воротники подняли, колдуют над лунками, а некоторые спрятались под прозрачными полиэтиленовыми палатками. Удивишься, вспомнишь поговорку: «Охота пуще неволи».

И душа у людей болит, когда некоторые неблагодарны к реке, загрязняют и захламляют ее, забыли, видно, пословицу «Не плюй в колодец — пригодится напиться...»

Смотрю на чуть подернутую ветром гладь реки. Солнце выплывает из облаков, освещая излучину, делает ее поверхность зеркальной, а густые заросли лозняка на противоположной стороне превращает в зеленую шелковую пену.

Будь здорова, милая Сосна. Пусть прозрачными будут твои струи, и пусть не тронет тебя недобрая рука. Люди придут на твой берега, и ты им дашь пользу, отдых и покой. И они будут благодарны тебе.

ЧАСТО ВСПОМИНАЮ ЛИВНЫ...

Заливеной слободе на крутом берегу Сосны по улице Аникушкина молчаливо, словно заставив память, стоит большой приземистый дом из красного кирпича. На нем — мемориальная доска, извещающая о том, что здесь жил писатель Константин Георгиевич Паустовский. Хозяйка дома Алиса Ивановна Бондарева-Поляничко, седовласая и скромная, любезно

показывает крохотную комнатку направо по коридору с окном в палисадник, вспоминает:

— Бывало, Константин Георгиевич проснется на рассвете и, чтобы не беспокоить хозяев, через окошко выберется в палисадник, возьмет удочки и — на утреннюю рыбалку...

В то далекое время Алисе было семнадцать лет, и это она послужила писателю прообразом милой русской девушки Анфисы в «Золотой розе».

...Дымный поезд не спеша выкатился из степи, прогремывал по чугунному мосту и, огласив городок заливистым гудком, остановился на перроне ливенского вокзала. Была весна 1924 года. Константин Паустовский, изголодавшись зиму в столице, уставший в дороге, нужный дом искал долго. Это был дом Нацких, давних знакомых семьи Паустовских (он не сохранился, на его месте построено здание Дома быта). Хозяйка Нина Дмитриевна, работавшая врачом в железнодорожной больнице, встретила исхудавшего гостя приветливо, познакомила со своим братом Александром, геологом, чьи рассказы и воспоминания легли в основу первой большой книги писателя «Кара-Бугаз». Впоследствии Паустовский писал: «...Жадное любопытст-

вохватило меня, жестоко, смелые увидели эти места и лица, лицо и почувствовать не страх, а какой-то непонятный восторг перед грозным одиночеством этих скал, раскаленных солнцем». Так появилась мечта написать «Кара-Бугаз», прообразом Шацкого в котором стал ливенец А. Д. Нацкий.

Писал эту повесть Константин Георгиевич тоже в Ливнах, но уже в свой другой приезд сюда в 1931 году после пребывания на Каспии. «Мне легче было писать о Кара-Бугазе в дремучем старом доме, под непрерывную переключку слободских петухов, под ровный звон дождевой воды, лившейся с крыши на старую бочку...» Писатель приехал сюда с женой и шестилетним сыном Вадимом и снял комнату в доме Бондаревых в Заливенской слободе.

Тихо и мирно текла жизнь в провинции. Паустовские иногда ходили на рынок, наводненный молоком, сметаной, овощами. Но больше всего во время отдыха они любили бродить по окрестностям города. Иногда тропа приводила их в лесок Липовчик. Много времени провел писатель вместе с местным жителем железнодорожником Изотом Леонтьевичем Хворощиным, орнитологом-любителем, вдоль и поперек исследовавшим степные просторы ливенского края. Во время пеших путешествий Хворощин выведывал места гнездования птиц, изучал их повадки, собирал коллекцию птичьих яиц. Часами кропотливо выделывал чучела, разводил в домашних условиях павлинов, цесарок, черных и золотистых индеек.

Естественно, что Константин Георгиевич нашел в Хворощине интересного собеседника, и между ними установились теплые отношения. Разглядывая чучела, писатель расспрашивал о повадках пернатых, интересовался, отчего в этих краях много перепелок, что они даже на гербе города изображены. Вопросов было много. Дочь Хворощина Клавдия Изотовна вспоминала:

— Папе нравилось беседовать с Паустовским, который был уважительным и знающим собеседником. Литературных тем они не касались. Ни единым словом Константин Георгиевич не выдавал, что он писатель. Скорее можно было подумать, что он ученый-натуралист.

Ходили они в окрестные поля ловить перепелов, на рыбалку. Как-то охотились на уток у чугунного моста. Ружье у Константина Георгиевича ткнулось в землю, ствол засорился, и он этого не заметил. При выстреле дуло повредилось и

еще предложил отстреливать его в деревне Горностаевке у мастера на все руки Павла Васильевича Горностаева. От моста до деревни было рукой подать, и они направились туда.

Охотники были встречены радушно, ружье мастер испрошил, а хозяйка поставила самовар. Как свидетельствовал сын деревенского умельца Николай, «...за разговорами незаметно вечерело, и охотники остались у нас ночевать. Московский гость держался очень просто, хвалил угощение и радовался: как хорошо, покойно ночевать в деревенской хатке». На следующий день охота была удачной — подстрелили трех зайцев. По просьбе отца Николай запряг лошадь, настлал в повозку соломы. Паустовский легко вспрыгнул, поудобнее уселся, и охотники тронулись в путь. Через полтора часа были у Хворощиных. На прощание Паустовский пожал руку ездовому: «Спасибо, Николай, хорошо довел. И родителям передай спасибо за прием, а матери особо — за блины».

Однажды Екатерина Степановна Загорская-Паустовская попросила дочь Хворощина Клавю показать в какой-нибудь слободке красивый дом. Такой дом нашелся, Екатерина Степановна зарисовала его. На листе ватмана выразительно прорисовались и деревянные кружева на фронтоне, и резные наличники, и жестяные вензеля на трубе. Интересовал художницу орнамент и на предметах мебели местного производства, который она перерисовала в альбом, объяснив, что все это необходимо для выполнения эскизов театральных декораций.

Не раз Паустовские поднимались на Елецкую гору и отсюда обозревали древний город, который был виден как на ладони. Над серыми, белыми, красными городскими постройками и зеленью садов и огородов живописно белели тринадцать церквей, оставшихся в наследство от богатого купечества. По границам городской черты мирно струились Сосна и Ливенка, на зеркальной глади которых отражались белые облака. Екатерина Степановна написала этот пейзаж на память.

Но отпуск закончился и поезд увез ее в Москву. И почти вслед ушло письмо, написанное Константином Георгиевичем: «Ливны, 14 сентября.

...С твоим отъездом в доме стало тихо и мертво, хозяева об этом очень сокрушаются. Оживление вносит только Дим... Вчера весь день был холодный ураган, ливень с крупой, у нас повалило забор и сорвало часть крыши над хозяевами. Дим весь

насквозь, только к вечеру обсушился. Сегодня солнце, но холодно... Кормят нас хорошо, хотя и просто. Дим ест, пожалуй, лучше, чем при тебе. Первые день-два он нет-нет да и заплачет: «Почему нету мамы». Очень горько он плакал в вечер твоего отъезда, закапал слезами всю книжку...

Посылаю конец рукописи заказной бандеролью...

Завтра напишу подробнее. Вчера начал писать книгу о Кара-Бугазе...»

В перерыве между работой над повестью любил писатель порыбачить у плотины Адамовой мельницы. Место здесь было рыбное. Местные мальчишки всячески старались угодить постороннему человеку: поделиться наживкой, показать удачливое место. Река тихо несла свои воды, но иногда случались бурные ливни с грозами, и тогда река вздувалась, вода заливала прибрежные кусты ивняка, с ревом неслась через створ плотины, а молнии на фоне клубящегося серо-синего неба высвечивали церкви на высоком холме у слияния Сосны и Ливенки.

Наступило бабье лето. Вечерами хозяин дома Иван Александрович Бондарев устраивал чаепития, а потом мужчины уединялись в палисадник и о чем-то подолгу беседовали. Светила луна. Из прогретой за день земли струилось тепло. Теплом веяло и от реки, по гладь которой иногда распространялись еле различимые круги. Уходить отсюда не хотелось. Но Константин Георгиевич шел в дом и, засветив керосиновую лампу, допоздна писал.

Но однажды случилась беда. Болезнь свалила в постель хозяина дома Бондарева. Паустовский поспешил к врачу Нине Дмитриевне Нацкой, принес лекарства из аптеки. Лечение не помогло, через три дня хозяин умер. Константин Георгиевич плакал не скрывая слез, принял в похоронах самое живое участие. В середине октября он уехал из Ливен...

Пребывание писателя в этом тихом городке было плодотворным, многие ливенцы стали персонажами его произведений. В день своего семидесятилетия в 1962 году Паустовский прислал сюда телеграмму следующего содержания: «Часто вспоминаю Ливны, милых ливенцев, в частности, чеховского самоотверженного врача Нину Дмитриевну Нацкую, быструю Сосну, вездесущих ливенских мальчишек и жаркий сад, где я писал в ветхой беседке свою первую большую книгу...»

И сейчас чувствуется его незримое присутствие в древнем городе.

ПО СЛЕДАМ ТАНКИСТОВ КАТУКОВА

от мы и в Росстанях. В переводе на современный язык название означает — перекресток. Меткое название — здесь дорога из Ливен разветвляется на Вахново и Коротыш. Кроме того, проходит железнодорожный путь на Мармыжи. Безмятежная тишина. Лишь изредка по шоссе прошумит автомобиль, да проползет по железной однопутке коротенький поезд. В 1942 году в этих местах скрестились судьбы многих людей. Памятью об этом стал монумент, возведенный в центре села у дороги. Веточки пушистой хвои, раскачиваемые дуновением ласкового ветерка, маячат перед доской, на которой перечислены имена погибших танкистов из 1-го гвардейского танкового корпуса, которым командовал прославленный военачальник дважды Герой Советского Союза Михаил Ефимович Катукوف. На доске есть имя и Героя Советского Союза Ивана Любушкина, чьим именем названа улица в Ливнах.

Впервые о катуковцах заговорили после боев под Мценском, когда осенью 1941 года удалось остановить танки Гудериана, рвавшиеся к Москве. За девять подбитых бронированных машин с крестами на башне первым героем части стал Иван Любушкин. Бывший деревенский паренек из-под Тамбова проявил себя как подлинный мастер танкового боя. Он рассказывал:

«Я тогда под Первым Воином получил приказ выйти на левый фланг и занять место для танковой дуэли. Только доехали до назначенной точки — один снаряд попал в мою машину,

«Дашь бронейбойные! Посмотрим, чья сталь крепче». И начал бить.

...Зажег один немецкий танк, тут же второй, за ним третий. Ударил в четвертый танк — он не горит, но вижу, что из него выскакивают фашисты. Послал осколочный снаряд — добил. Потом разбил еще несколько танков.

В это время какой-то гитлеровец все-таки ухитрился ударить мою машину в бок. Этот снаряд пробил броню и разорвался внутри танка. Экипаж ослепило. Чад. Радист Дуванов и водитель Федоров застонали... Я продолжаю вести огонь, но тут слышу, как Дуванов говорит: «У меня нога оторвана». Кричу Федорову — он уже в это время малость отдышался: «Заводи мотор!»

Кое-как отползли задним ходом, укрылись за нашим тяжелым танком КВ, там перевязали радисту ногу, убрали расстрелянные гильзы.

Надо было выйти из боя и произвести ремонт, но тут я увидел в кустах укрытые немецкие танки, которые вели огонь...

Кончая этот бой, я все-таки зажег еще один танк...

Из-под Орла бригаду перебросили под Волоколамск, где сложилось труднейшее положение, но летом сорок второго дороги войны привели Катукова вновь на Орловщину, под Ливны.

Немцы наметили операцию «Блау» по захвату Воронежа. На подмогу 13-й армии, державшей оборону южнее Ливен, и были отправлены гвардейцы-танкисты. И вот они уже рассредоточены по деревням севернее Ливен, готовые к бою в любой час.

...Тихое зеленое село Лютое. Танков комбата майора Александра Федоровича Бурды не видно — они замаскированы. По улице идет волевой серьезный Любушкин, на гимнастерке которого красуется Звезда Героя, совсем юный Капотов, остроглазый Лехман, краснощекий Заскалько. Спаянная танкистская семья...

В село приезжает фронтовой корреспондент «Комсомольской правды» Юрий Жуков. Он записал там: «...Бурду я нахожу в просторной избе, горницу которой он делит со своим заместителем... Вторую половину у русской печи занимают хозяева — старик со старухой и дочка... К нам часто подсаживается

деле: он участвовал в русско-японской войне, оборонял Порт-Артур. Он очень любит со вкусом и сам рассказывать — танкисты слушают с интересом — про «свою» войну, про службу в царской армии...

А вот жена у деда принципиальный противник всех войн. Ахает, когда Бурда рассказывает, как его танк приходит из боя весь красный от крови... «Вы не смотрите, что я темная, — говорит танкистам бабка, — я про Кутузова и про Суворова в книжках читала, они хорошие были люди, вроде вас, но профессия ваша зловредная, надо, чтобы никаких войн и никакого оружия не было вовсе...»

Разговор переходит на мирные темы. Старик вдруг рассказывает про свой грех перед господом богом: снял в 1932 году с иконы серебряную ризу и отнес ее в Торгсин — так назывались тогда магазины, где все продавали только на золото и серебро, — дали за ту ризу два пуда муки, девять пудов отрубей и шкалик водки...

Вечером — опять «улица»: деревня гуляет с танкистами... Где-то бьют пушки. Тарахтит связной самолет. Черные тени изб с погашенными окнами и резные силуэты людей. Идут стенкой девчата с озорной песней, им подыгрывает шестнадцатилетний гармонист:

Ты военный, ты военный,

Ты военный не простой!

Ты на западе женатый,

А на юге холостой...

На косогоре под полуразрушившейся старой стеной — толпа. В лунном свете белеют девичьи платочки, среди них несколько мальчишечьих картузов. Рядом — гурьбой солдаты. Две девушки долго-долго отбивают дробь каблучками, одна против другой. Потом в круг входит танкист. И сразу же вихрем взлетает первая красавица деревни — она как бы парит в воздухе, не касаясь земли...

Что ждет эту деревню завтра? Как сложится военная обстановка нынешним летом?»

...Приказ выступить в район Опытного Поля в 1-м танковом корпусе получили 29 июля. Танкистов построили на зеленом лютовском лугу. Катукоев произнес клятву танкистов, потом опустился на колени и поцеловал овсянное порохомым

месили гусеницы ливенскую землю, продвигаясь через Крутое, Речницу, а наутро с ходу вступили в бой против фашистской дивизии, поддержанной шестью десятками танков и артиллерией. Среди зеленых деревьев и кустарников у живописных деревушек Дубровка, Опытное Поле, Овечьи Дворы, Жерновка закипела жестокая битва. Немцы стали откатываться, но вскоре ввели в бой более семидесяти самолетов-бомбардировщиков, которые яростно день назад бомбили Ливны. Танковые части Катюкова несли большие потери. Там и сям поднимались столбы дыма от краснозвездных машин. Внезапный встречный бой провели гвардейцы в районе Опытного Поля. Сверху танкистов атаковала авиация, в лоб шли танки, сбоку от железной дороги, вдоль которой двигался батальон Бурды, били пушки. Как всегда, на острие атаки был Иван Любушкин. Его танк ринулся на железнодорожное полотно, огнем снес пушку. Но самолеты немцев как горох сыпали сверху бомбы. Одна из них угодила в башню. По свидетельству механика-водителя Сафонова, оставшегося невредимым, Любушкин и стрелок Литвиненко были убиты, радист Егоров тяжело ранен. Пламя лизало машину. Танк горел на глазах у товарищей в восьмидесяти метрах от насыпи, на территории, занимаемой врагом. Двое добровольцев скрытно подобрался к догоревшей машине и влезли внутрь. Все выгорело до тла. От людей остался лишь пепел. Подобрали лишь обгорелый наган Любушкина...

Катуковцы все-таки в районе Опытного Поля отбросили немцев, после чего получили приказ: сдать участок фронта пехоте, а самим переместиться восточнее — к селу Волово, удерживая рубеж между Кшенью и Олымом.

...В тех местах, где проходили кровопролитные бои, вырос березовый лес. Местные крестьяне решили его беречь как память о погибших в военное время. Грустно шумят березы, как бы оплакивая сложивших здесь голову танкистов. Прах Любушкина покоится в братской могиле в Росстанях.

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ...

Сред нами 133-й номер газеты «Сын Родины» от 16 мая 1942 года. Это газета 13-й армии, которая была тесно связана с Ливнами — освобождала город в декабре сорок первого года, держала жесткую оборону в западной части района в сорок втором, а потом окончательно прогнала захватчиков с ливенской земли. Этот номер газеты передала нам жительница города и сказала, что газету ей подарили в редакции, в селе Успенском весной 1942 года, а редакция располагалась в одном из домов. Офицеры-корреспонденты выезжали на машинах-попутках на линию фронта, ночами при тусклых копилках писали.

— Все молодые, красивые, — вспоминала женщина...

В то суровое время военными корреспондентами газеты «Сын Родины» (редакция именовалась как 442-я полевая почта) были известные поэты Сергей Наровчатов и Михаил Луконин. Из-под Ливен они писали информации, статьи, очерки, которые публиковались в небольшой по формату четырехполосной армейской газете. А в затишье боев в деревенской хатке при свете лампы, сделанной из снарядной гильзы, сочиняли стихи, писали письма... Вот стихи Сергея Наровчатова:

...Сейчас мы на отдыхе. Адрес — Ливны.
Фронт далеко — не случится греху...
И снова над Ливнами рушатся ливни,
Звонкие, майские, рвутся в строку...

«Зимой 1942 года из-под Ливен я послал письмо в блокированный Ленинград... Письмо пересекло блокаду — чудо, но это так! — и я получил ответ, положивший начало переписке», — писал в воспоминаниях С. Наровчатов...

Они познакомились в июне 1940 года в Крыму. У незнакомки были льняные волосы, и уж, конечно, с севера привезла она свои глаза, голубые, как цветки льна. Незнакомка оказалась ленинградской поэтессой Ольгой Берггольц. Она написала стихи, посвященные этой встрече:

Как обрадовалась я
Твоему прикосновению,
Ласточка, судьба моя,
Трепет, дерзость, искушенья...

«Война рассекла жизнь каждого на две части, разметала всех нас в разные стороны», — вспоминал Наровчатов.

Что же писал Сергей Ольге из села Успенского?

«25 апреля 1942 г. Дейст. армия.

Оленька!

...Я седьмой месяц на фронте. Видел столько, что на 20 лет вперед хватит. Вот один месяц из прожитых мной:

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казенных городов,
Сквозь черный плен земли своей родимой,
Завещанной от дедов и отцов.
Запомнил: над деревнями пламя
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях...

Большая война идет. Россию отстаиваем... Мы победим, во что бы то ни стало... Тогда мы встретимся, Оленька... Я знаю, как трудно вам в осажденном городе. Но ленинградцы становятся легендой...

Целую тебя горячо, Сергей».

Через четыре дня Наровчатов пишет второе письмо своей возлюбленной.

«29 апреля 1942 г.

Оленька!

Ты снова уехала туда (в Ленинград). Я руку закусил, когда прочел, в глазах темно стало. И все-таки это правильно, справедливо...

В октябре прошлого года, одетый в рубище, обросший, преследуемый, идя по земле, опустошенной немцами, я вспоминал себя в предках времен набега Батыева.

Что мне сказать о себе сейчас — я живу, я работаю, я на войне... Сейчас трудно писать о своем — проходящее таково, что вся наша жизнь и жизнь нескольких поколений после нас будет определяться им...

Я люблю тебя, Оля.

Сергей».

В одном из писем он признался Ольге: «Однажды у меня сейчас два человека, два друга, которых нет дороже на белом свете и которым я верю, как самому себе, а иногда и больше — это Мишка Луконин и ты».

Отправляясь на фронт, Наровчатов и Луконин не думали, что события повернутся так: окружение, прыжок из горящего грузовика, бег, кровь, хлопающая в сапогах. Наровчатов грустно шутил: «Жирно им будет ухлопать сразу двух поэтов». Шестьсот верст в тылу, выжили, вышли к своим. А тут редактор сказал: «Где были целый месяц? Окруженцы не нужны...» Потом взял все-таки.

Луконин объездил всю передовую 42-го года: Сосновка, Студеный, Коротыш, Дубровка... Его пропахшие порохом записные книжки пестрят записями бесед с бойцами, описаниями боев. Вот строки об освобождении Ливен: «...Город осыпается пулями. На одной стороне улицы — наши, на другой — еще враги...

Дело идет к рассвету. Холодно. Враг старается удержаться, не считаясь с потерями. Немецкие солдаты и офицеры, как подколенные змеи, забились в подворотни, залезли на чердаки, на балконы, на колокольни. Со звоном падают куски стекла. Пробегая через площадь, ранеными упали красноармейцы. Площадь под непрерывным огнем немцев.

Оказать помощь раненым невозможно.

Открывается калитка ближайшего дома. Выходят быстро две женщины.

Они побежали, пригибаясь, на виду у всех. Немцы тоже ждут, что будет.

Площадь пуста.

Женщины подбегают к раненым, берут за руки и тащат тяжелые ноши пятясь. Заработал немецкий пулемет, с треском отскакивает от домов штукатурка.

Женщины устали. Вот калитка. Все. Они уже зашли за ворота. Бойцы облегченно вздохнули...»

Корреспондента «Комсомольской правды» Юрия Жукова военная судьба забросила в Ливны благодаря 1-й гвардейской танковой бригаде М. Е. Катукова, которой он был «придан» почти на всю войну. В 1942 году он побывал у танкистов в селе Лютом, видел бои под Студеным. Удалось ему попасть и в 129-ю отдельную танковую бригаду полковника Федора Гри-

горьевича Аникушкина, именем которого названа одна из улиц в Заливском микрорайоне. Вот свидетельства Ю. Жукова: «Вот и командный пункт бригады: невзрачная полуразбитая хатенка, в углу на корточках, понурив голову, примостился старик, рядом с ним — девочка. Кругом идет бой, куда их денешь? И танкисты оставили старика с девочкой при себе. Под яблоней — замаскированная походная кухня. Бойцы с гранатами у пояса несут в свои взводы ведра с супом.

К хатенке только что подкатил на танкетке лихой танкист, он приволок мотоцикл, отнятый у гитлеровца... Из вырытого во дворе блиндажа доносится властный голос: «Именем Родины ни шагу назад! Сделайте все, что можете, и в десять раз больше того. Не отходить!» Это командует по телефону командир бригады полковник Аникушкин...

Комиссар находит время, чтобы ввести корреспондентов в курс дела. Бригада отражает наступление гитлеровцев с 28 июня, начиная с рубежа поселок Тим — Бор — станция Студеный. Ожесточенные танковые бои шли в районе поселка Красный — деревня Зиброво. 29 июня сражались у села Кривцова Плота. Два дня обороняли станцию Студеный. Держались полукольцом, без соседей, с открытыми флагами. Велиличные бои в Баранчике. Сейчас бригада держит оборону по высотам у реки Кшень...

Люди смертельно устали, но они понимают, что отступить некуда. Недаром сейчас в армии рубеж, который держат танкисты Аникушкина, называют бронированным рубежом. На него возлагают большие надежды, и хочется верить, что танкисты устоят...»

Бригада Аникушкина устояла. Это благодаря во многом ей немцы не взяли Ливны второй раз летом сорок второго года.

Побывал Юрий Жуков и в Ливнах. Его корреспонденция о мертвом городе нашла себе место, наверное, во всех книгах о ливенском крае. Приведем лишь два абзаца.

«Восьмого июля тысяча девятьсот сорок второго года случилось мне побывать в старинном русском городе Ливны, вдребезги разбитом авиацией и дальнобойной артиллерией гитлеровцев в самые первые дни их наступления... Линия фронта на подступах к Ливнам почти не изменилась. Но зло было непоправимо: старинный город лежал в развалинах...

Здесь, в небольшом уютном домике, жила маленькая школь-

ница Гая Карпухина. Она училась в третьем классе. Вот ее тетрадка, пробитая осколком. Последний диктант, слова аккуратно выписаны круглым, старательным почерком: «Маня и Витя пошли в гости к сестре. Сестра жила в соседнем колхозе. У сестры было много дела: она была бригадиром. Маня и Витя недолго пробыли у сестры. Дома они рассказали о своей сестре, о том, как она живет в соседнем колхозе». Ни одной ошибки. Отметка учительницы: «Отлично»...

Через тридцать лет из Ливен Юрий Жуков получил письмо. Ливенцы писали, что город восстановлен и вырос вдвое, а Гая Карпухина уже давно закончила школу и работает в специальном конструкторском бюро насосов. Так военная история имела оптимистическое продолжение.

Бывал в лихую годину в ливенских краях и замечательный писатель и журналист Константин Симонов. При этом он готовил корреспонденции в «Красную звезду» и скрупулезно вел дневник. Это было жаркое лето 1942 года. Вот строчки из симоновского дневника: «...Сделано 540 километров, мы к вечеру уже были на командном пункте у командующего 13-й армией генерала Пухова... Сорок семь лет. Крупный, тяжелый, лысый, неправдоподобно спокойный...» Командный пункт располагался в пределах Ливенского района, а штаб армии — в Ливнах. Чтобы вернуться в столицу, Симонову пришлось делать большой крюк: сначала проехать Ливны, потом Елец и Тулу. Результатом поездки в 13-ю армию явился прекрасный рассказ «Пехотинцы», сюжетом для которого стал случай, рассказанный Пуховым писателю под Ливнами.

Редакция газеты «На разгром врага» Брянского фронта в 1941—1942 годах размещалась в Ельце, потом по мере продвижения войск переезжала на запад. Военкор газеты поэт Яков Хелемский в стихотворении «Орловщина» писал:

...Мне дороги реки Орловщины древней:

И Неручь, и Кшень, и Сосна.

Чем жарче обстрел, тем нежней и напевней

Славянские их имена.

В «Песне об Анке Гейтеровой» Яков отмечал: «...Елец и Верховье, Ефремов и Ливны — этапы большого пути».

Этапы большого пути не только для бойцов и командиров, но и для военных корреспондентов.

ГДЕ РОС КОВЫЛЬ...

старину Георгиевская слобода была западной окраиной города Ливны. За частными домами переселенцев с Украины простиралась по раздольным берегам Сосны ковыльшая степь. Теперь на этом пространстве выросли кварталы жилых домов, школы, разбиты скверы и парки, проложены дороги, поднялись ввысь корпуса заводов. А все начиналось так.

Перед Великой Отечественной войной недалеко от Кирпичного брода, где татары переправлялись через Сосну, чтобы грабить Русь, планировалось строительство завода растительного каучука. Стране была нужна резина и ее хотели получать из искусственно возделываемого растения — коксагыза, которым предполагалось засеять окрестные поля. Чуть поодаль начали строить корпуса спиртового завода. На этих стройках большой ливенской индустрии работали сотни ливенцев. Рыли котлованы, разгружали кирпич, песок, цемент, выполняли кладку, тянули электропроводку... К лету 1941 года корпуса были готовы принять оборудование, но грянула война. Люди ушли на фронт, строительство было заморожено, а перед оккупацией Ливен немцами оба завода были взорваны...

Все сделали ливенцы, чтобы одолеть коварного врага, и вот наступил долгожданный час победы. Вернулись к мирному труду солдаты. Началось восстановление и развитие хозяйства. Первенцем послевоенного машиностроения в Ливнах стал завод «Ливгидромаш». Ветеран предприятия Анна Ивановна Головина вспоминала: «На голом месте забивали колышки,

и бывшего спиртового завода. Поставили первые станки, но энергии не было, крутили их вручную. Металл брали из завалов, использовали строительную арматуру. В здании каучукового завода после его восстановления поставили дизеля, и оживили станки, загорелись лампочки. Работали не считаясь со временем, вскоре изготовили первые насосы, а затем и турбины. Уставали, но после работы бежали на самодеятельность — плясали под баян, разучивали стихи и песни...».

Была на заводе песня об этом времени:

Сюда, где степью пахнут ветры
Над полноводною Сосной,
Мы поднимать завод из пепла
В сорок седьмом пришли весной.
Нам было трудно, между прочим,
Тебе и мне, и всем друзьям,
Но мы любили крепко очень
На зависть местным соловьям...

Благодаря упорному труду ливгидромашевцев строились цеха, устанавливалось оборудование, осваивались новые марки насосов. В районе вокзала восстанавливались здания бывшего военного городка и развертывалось насосное производство, отпочковавшееся впоследствии от «Ливгидромаша» в самостоятельное предприятие — насосный завод. В 1958 году в строй действующих вступил чугунолитейный цех, в 1962 — блок цехов № 1, а через два года произошло объединение заводов — расширилась номенклатура выпускаемой продукции, наращивался ее выпуск. В 1966 году вступил в эксплуатацию блок цехов № 2. Семидесятые годы характеризовались также большим строительством — были созданы или реконструированы многие производства. Благодаря усилиям рабочих, инженеров, служащих были освоены десятки марок центробежных, вихревых, вакуумных, винтовых, бытовых насосов. Уверенно вел коллектив к успехам директор «Ливгидромаша» Всеволод Митрофанович Лихман, творчески, производительно трудились рабочие А. Н. Черных, Н. Я. Мишин, Н. И. Солецкая, И. Б. Гомжин, инженеры Н. М. Шахов, Ф. М. Юдин, Ю. А. Емельянов, Д. Г. Бузин, мастера И. Я. Гаврилов, Н. Ф. Пытькин и многие, многие другие...

ло четырех миллионов гидравлических машин. Насосы с маркой завода знают нефтяники, химики, газовики, работники флота, коммунального и сельского хозяйства. Они находят спрос и за рубежом. Усилиями заводчан построены десятки объектов инфраструктуры: жилье, общежития, клуб со спортивным залом, столовые, детский сад, пионерский лагерь с профилакторием, прекрасный парк...

Если направиться на первом номере автобуса от «Ливгидромаша» в сторону старого города, то через несколько минут следования можно попасть к заводу «Промприбор». Закладка зданий этого предприятия осуществлялась в начале шестидесятых годов. Тогда стране потребовались уровнемеры, жидкостные счетчики, пробоотборники, автоматические системы налива. Их производство было развернуто во вновь построенных цехах. В последние годы здесь начали производить топливораздаточные колонки, электрические двигатели. Предприятие характеризуется высокой культурой производства, современным уровнем техники.

С западной стороны соседом этого предприятия является акционерное общество «Автоагрегат», с восточной — «Ливныпластик». Агрегатный завод в Ливнах появился не случайно. Развертывалось строительство Волжского и Камского автомобильных заводов, для которых было необходимо производить комплектующие узлы и агрегаты. Фильтры было решено делать на ЛААЗе. Пафос того времени, думается, точно отражен в стихотворении, которое довелось как-то услышать на вечере художественной самодеятельности:

С задором и старанием,
Чтоб песнь труда пропеть,
На городской окраине
Мы разбудили степь.
В труде друзьями стали мы,
Несли мечту одну:
Лаазовскими фильтрами
Порадовать страну...

Сегодня АО «Ливныагрегат» — предприятие с высокой степенью механизации, активно наращивающее производствен-

но деятельность в условиях перехода экономики к рыночным отношениям.

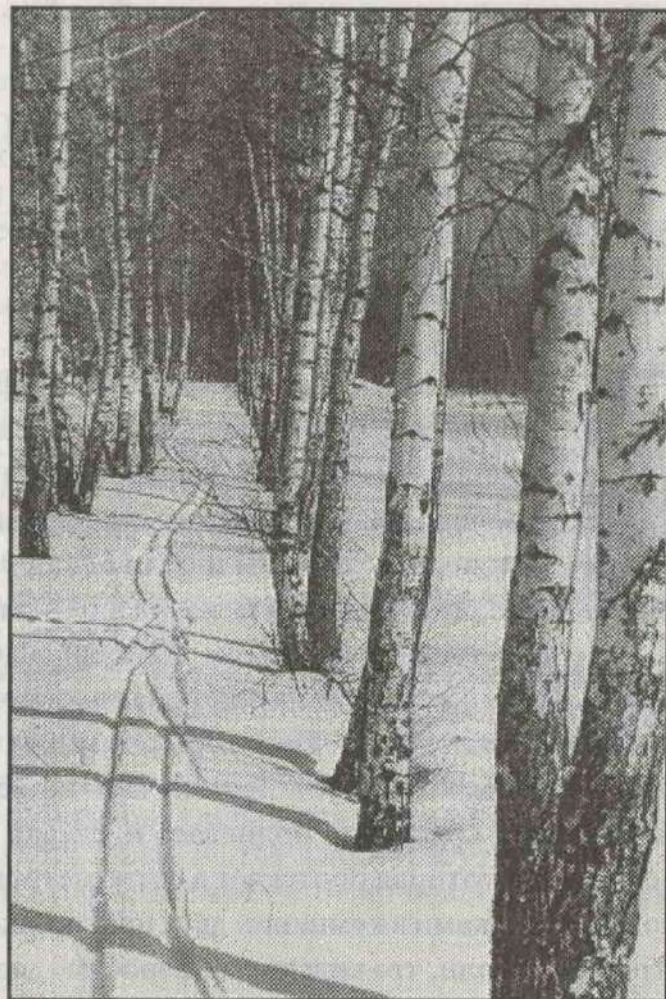
Акционерное общество «Ливныпластик», более известное под названием завод пластмасс, — первое предприятие химической промышленности в городе. Не так давно оно отпраздновало свой четвертьвековой юбилей. Славится завод производством товаров народного потребления и хозяйственного обихода. Здесь на современных поточных линиях и высокопроизводительном оборудовании выпускают пленку для теплиц, пакеты для молока, несколько наименований комплектующих деталей для автомобилей, трубы полиэтиленовые, пластмассовую посуду. Одним из первых в городе начал активно осваивать рыночные отношения в экономике.

Направляемся далее на машиностроительный завод, который больше известен как завод противопожарного машиностроения. В отличие от упомянутых, это предприятие зародилось еще в дореволюционное время, когда работала кустарная мастерская, где отливались сковороды, шестерни для косилок, молотилок, соломорезок. С 1922 года частная мастерская стала государственным чугунолитейным заводом, выпускающим ручные пожарные помпы. Когда началась война, то перед оккупацией Ливен завод перебазировался в Новосибирскую область. После возвращения — восстановление, реконструкция, новое строительство. Теперь здесь производятся огнетушители, мотопомпы, насосы разных марок...

Энергетические запросы ливенской индустрии и инфраструктуры обеспечивает местная ТЭЦ, расположенная также в промышленном микрорайоне города. Построенная в 1958 году, она претерпела ряд реконструкций, теперь использует природный газ и вырабатывает не только электрическую, но и тепловую энергию в виде горячей воды, идущей на отопление цехов и жилых домов, а также пар для производства сахара на расположенном в трех километрах заводе. Последний примечателен тем, что является первым на Орловщине и построен в основном силами молодежи.

Там, где рос ковыль, кроме упомянутых, выросли корпуса заводов: средств машинной графики, по производству железобетонных изделий, пивоваренный...

Путешествие в новый мир пороило к концу. Уни-
денное там — достойный памятник предкам ливенцев. Потом-
ки пушкарей, стрельцов, казаков построили заводы, жилые
дома, дороги, они не роняют славу своих предков, стараются
приумножить ее.

КАРТИНКИ ПРИРОДЫ

УТКИ В ГОРОДЕ

а окраине Ливен в Заводском микрорайоне на небольших озерцах поселились дикие утки. Водная гладь окружена зарослями осоки и камыша, так что людям трудно подойти близко к воде, вот птицы и облюбовали этот уголок. Лет пятнадцать назад здесь жили всего две уточки, но потом грянули выстрелы и опустели озера. Теперь же только на одном из водоемов удалось насчитать больше сотни уток. Некоторые, опуская голову в воду, искали пищу, несколько селезней скучали на островке, а одна уточка, хлопая крыльями, поднялась и, сделав круг, полетела к реке Сосне, которая протекает в сотне метров отсюда.

Наблюдал я за утками в компании двух школьников. Наперебой они рассказывали, что видели, как взрослые дяди ловили уток леской с насаженной на крючок наживкой и поймали. Поднялась же безжалостная рука!

Дикими утками на этих озерцах любовался не раз. Самки — пестрые, с рыжевато-коричневыми перьями в темных серповидных крапинках. Глядя на селезня, удивляешься: как природа красочно разрисовала его! Голова покрыта зеленым бархатом, брюшко, грудь, спина переливаются оттенками всех цветов радуги, в хвосте — белоснежные перышки. Лапки розовые, будто прозябли в воде. Словом, — красавец!

В октябре утки улетят на юг, а в марте вновь вернуться на озеро.

В старое время сентябрь называли хмурень. Но первые дни его бывают погожими, хотя на пятое сентября выдаются заморозки — «лупповские». «На Луппа все овсы мороз лупит», — говаривали когда-то. Но чаще в это время небо покрыто хмарью, птицы уже собираются в дальнюю дорогу. Сперва улетают ласточки, соловьи, кукушки, в конце месяца высоко в небе тянутся на юг клинья журавлей, косяки гусей и уток.

К середине месяца лето как бы назад возвращается. Наступают сухие дни, называемые «бабьим летом». Длится оно всего лишь неделю — с 14 по 21 сентября, а получило название потому, что в старину в эту пору усаживались женщины сучить пряжу, ткать холсты.

На дворе снова лето установилось. Солнце щедро греет, от легкого дуновения ветерка разыграется над земными просторами паутиная метелица. Пльвут невесомо через реку Сосну, поля, перелески, луга микроскопически тонкие серебряные сети из паутины. Если приглядеться внимательно, то можно различить на невесомых кружевах и путешественников — паучков-воздухоплателей.

Кончится «бабье лето» и засентябрит: дождь, ветер, холод. Иногда к утру белым инеем осыплет траву, крыши домов, березки на опушке. 27 сентября, на Воздвиженье — окончательная встреча осени. «Воздвиженье осень к зиме двигает». В этот день обыкновенно срубали капусту. 28 сентября — «гусарь», время отлета гусей. В этот день стригут овец.

День ото дня все крепче берет власть в свои руки осень.

* * *

Не зови ты лето, не зови —
Постучалась в двери снова осень.
Не выводят трели соловьи,
Не сверкают изумрудом росы.
Закружился с кленов лист резной,
Почернели тонкие осины.
Опрокинулся на край степной
Купол небосвода синий-синий.
Бубенцами отзвенел овес,
И гармонии за Сосной не слышно.
Вместо летних мимолетных гроз
Монотонно дождь стучит по крыше.
В вышине курлычут журавли,
На стерне — упавшие колосья.
Не зови ты лето, не зови —
В дом хозяйкой снова входит осень.

Думается, кстати процитировать стихи Пушкина:

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает

Последние листы с нагих своих ветвей...

Да, главное в пейзаже этого месяца — завершение листопада. Летит желтый лист с березы, похожий на золотые монетки; жестью шуршит под ногами тополиная листва; вьются с осины багровые листочки, гонимые в лесной омут. Рубиновым пламенем горят гроздья ягод на рябинах, поджигаемые лучами внезапно выглянувшего из-под облаков солнца.

Если 1 октября, на Арину, журавли летят, то на Покров, 14 числа, — первый мороз. Если на Сергиев день (8 октября) рубят капусту, то на Покров утепляют избу и надворные постройки. К Покрову в старину крестьянин заканчивал сбор даров сада и огорода, высаживал фруктовые деревья, ставил скотину в стойла. Работы на селе убавлялось, свадьбы начинали играть, девушки шутили в эту пору: «Батюшка Покров, накрой землю снежком, а меня женишком».

Минует праздник, и небо словно свинцом наливается, ветер неистовствует, дождь нудный не переставая льет. В конце месяца порой пруды покрываются тонким ледком, трава серебрится инеем. За околицей деревни белоснежные гуси на убранном хлебном поле крыльями замашут, загогочат, оторвутся от стерни и с натугой низко полетят к пруду. Шлепнутся всей своей жирной тяжестью на скользкий ломающийся ледок, такой хай поднимут... И человек, и зверье, и птицы готовятся к встрече с зимними холодами, которые не за горами.

* * *

Дрожит на ветке зябко лист,
Пылают пламенем рябины,
Луч солнца, — холоден и чист, —
Студит покой в речных глубинах.
Над степью крики журавлей
Уснувшие дубравы будят.
Уж скоро на печаль полей
Снег белой грустью падать будет.

«Снег летит по всей России,

Словно радостная весть...» —

писал поэт Николай Рубцов. Душа радуется, сердцу свободно, когда смотришь вечером в безветрие, как падает снег под электрическим фонарем. Точнее, наверное, сказать, не снег, а искры снега. Обычно на Сосне в это время встает первый крепкий лед. Рыболовы-любители с замиранием сердца ждут рыбалки по перволедью. Снасти все давным-давно проверены-перепроверены, соберутся группками два-три человека, вспоминают прошлогодние зимние ужения рыбы, гадают: куда же направиться в этом году. И в одно прекрасное утро поспешат еще затемно с бурами на плече и ящиками наперевес. А сердце так колотится, что встречные прохожие слышат.

Любители лыжных прогулок тоже с нетерпением ждут, чтобы снежный покров лег потолще. Обмениваются впечатлениями: вот, дескать, прошел бы такой же снежок, как вчера, и выезжать можно. И на счастье им в одну из декабрьских ночей снег валит с вечера до утра, навалило столько, что на лыжи вставать уже можно. И едут кто куда: в парки, в Липовчик или Ямской лес, или делают лыжню около дома. Тяжеловато — отвыкли ноги от лыж за лето, лоб парит. Но зато как дышится легко чистым воздухом. Сколько оптимизма после двух-трех часов прогулки на лыжах!

В конце месяца зимушка-зима, как правило, твердо встает на ноги.

* * *

Иду на лыжах. Впереди
Бежит в аллею след лыжни,
Увидеть сказку увлекая.
На солнце инеем сверкая,
Как на параде, — ели в ряд,
Хрустальным пламенем горят.
Летят меж елями березки,
Осыпав блестками прическу.
От гроздьев красных снегирей
В пожаре кроны тополей.
Застрекотала часто в чаще
Сорока. Молнией блестящей,
Рассыпав струйкой серебро,
В гнездо несет свое добро.
Закрыв лицо корою грубой
И спрятавшись под белой шубой,
Седобородый дуб стоит,
Без умолку шумит, шумит...

Начитался я Аксакова, Солоухина, наслушался рыбацких баек и направился на реку порыбачить по перволедью. Прихожу в субботу под чугунный мост — рыбаков полно. Морозец легкий, солнышко приятно светит. Лунку прорубил, сел на чемоданчик, глаз не спускаю с поплавок. Вдруг резко клонуло, думаю: ну и рыбища, а вытащил — так себе, селявка обыкновенная. Потом пескарь с мизинец попался, потом — еще и еще. Увлечся ужением, все на свете позабыл, щеки огнем горят, голове жарко под шапкой.

Но...

— Крокодил! — вдруг разнесся над рекой душераздирающий крик.

Вскочил я с чемодана, верчу ошалело головой, ищу вокруг невесть как заплывшее в Сосну чудовище. Рыбаки, бросив лунки, а некоторые и удочки, с громким топотом, будто табун лошадей, лихорадочно устремились к берегу. Как в ускоренной киносъемке, работая руками и ногами, вскарабкалась удираящая рыбацкая братия на заснеженную кручу.

Обозреваю со страхом местность, но нет поблизости никакого крокодила ни на льду, ни на берегу, ни в полынье. Лишь замечаю, что ко мне, словно обкладывая матерого волка, крадутся три человека. Даже руки растопырены в стороны. Ничего не понимая, я и не думаю давать стрекача, как это сделали все остальные.

— Гражданин, ваше удостоверение! — протянул руку без перчатки один из них.

Промямлив что-то, я интуитивно пошарил по карманам, полапал зачем-то по бокам самого себя и одновременно с тем, что у меня нет никакого удостоверения и в помине, понял: передо мной рыбинспектор...

Потом, когда рыбнадзор ушел, рыбаки разъяснили мне, что у главного из них прозвище «Крокодил».

По почте я отправил штраф, и никогда уже больше не удил рыбу. А как-то пошел на лыжах к мосту, и опять там было несметное количество рыбаков. Задумал подшутить над ними. Спрятался за толстое дерево и как гаркнул:

— Полундра! Крокодил!

Но никто даже не пошевелился. Узнал на другой день: старый инспектор на пенсию ушел, а новому еще прозвище не придумали.

Не спеша шагаю на лыжах вдоль посадок, что растут от чугунного моста вдоль железной дороги. Солнце несколько дней пряталось за сплошными облаками, а сегодня расщедрилось: разливает свет на округлые сугробы, на блестящие ленты железнодорожных путей, высекает микроскопические искорки в осыпающемся с деревьев инее.

Вот и Морозовский лес. Вчера и позавчера казалось, что здесь отсутствует всякая жизнь, а нынче лес ожил, наполнился птичьими голосами.

«Тук-тук-тук» — слышится из густого сосняка частая барабанная дробь. Барабанщика не видно, но догадываюсь о его местонахождении по струйке сыпавшейся под дерево шелухи. Любопытство увидеть птицу заставляет снять лыжи и тихонько подобраться поближе. «Лесной кузнец» так увлечен, что и не замечает меня. Двигаюсь еще ближе. Вижу: серенькая птичка невелика, но так усердно работает головой, ударяя клювом, что на всю округу слышно.

Вижу перелетевших на одинокое дерево и усевшихся рядышком двух лесных красавиц-соек. Оперение — рыжеватое, хвост и крылья — буро-черные, подхвостье — белое, на плечах — ярко-голубые перья. Помнится, в детстве ловили мы их на оселки, и при обмене такса была такая: за сойку — пять снегирей. За голубые перья ценили птицу. Красным цветом разукрашен и дятел, и снегирь, а вот голубой — только у сойки.

Слышится унылый свист из-под берез — с десятков снегирей расположились на снегу. Самцы — с красной грудью, а самочки скромно расцвечены — грудь серая. Увидели меня, вспорхнули на дерево, показывая грудь солнцу, словно хвалясь: любуйтесь нами.

А вот ястреба сразу и не заметишь: сидит неподвижно, венчая собой телеграфный столб, лишь головой с крючковатым носом медленно вращает, жертву высматривает. Окраска у него рыжая, грудь — светлая в белых пестринах. Близко к себе не подпускает. Срывается вдруг со столба камнем и, молниеносно набирая скорость, устремляется на заснеженную поляну. Слышится жалобный писк, и хищник взмывает ввысь, держа в когтях мышь. Лишь пушинки серой шерстки остаются на снегу.

Лес живет зимней жизнью.

Иду как-то по гидромашевскому парку. Знакомый с биноклем приглашает:

— Посмотри, какие красавицы.

Но и без бинокля видно: сидят на дереве совы. Неподвижны, словно каменные изваяния. Выбрали для отдыха верхушку березы и уселись на разной высоте шесть загадочных птиц, как будто думу думают.

В бинокль наблюдаю: глаза у красавиц крупные, неподвижные, ярко-оранжевые, напоминающие чем-то кошачьи, клюв — крючком, оперение — мягкое, тлеющее желтоватым светом в лучах заходящего зимнего солнца, на голове — чуть приметные ушки.

Собрались зрители, смотрели на сов, восторгаясь их загадочным обликом. «На совах лежит печаль ночи», — вспомнилось где-то прочитанное выражение.

Мой знакомый объяснил, что совы — хищники, уничтожают грызунов, принося пользу природе и сельскому хозяйству. Обладают хорошим зрением и великолепным слухом, охотятся ночью, летят за добычей бесшумно.

— Наверное, морозы и нехватка кормов загнали сов близко к жилью, — заключил он.

ПЛУТОВКА В ПЛЕНУ

Январским днем ехал я на лыжах вдоль посадок вблизи станции Коротыш. Солнце играло серебром деревьев, тишину нарушали лишь суетливо стрекотавшие сороки.

За бугром, покрытым торчавшим из сугробов терновником, вдруг увидел трех охотников, одетых в белое, двое из них оказались знакомыми — рабочими с «Ливгидромаша». Сломив толстые сучья, они хлопотали у подножья бугра: разгребали снег, ковыряли землю.

— Собаку выручаем, — объяснил один из охотников, — залезла в нору, загнав туда какого-то зверя, а оттуда никак не выберется.

Понимая, что ничем помочь не могу, заскользил по лыжне дальше. На обратном пути вновь встретился с охотниками:

— Ничего не получается. Уходим. Собаку жалко, но что поделаешь, может быть сама выберется...

Через пару дней встречаюсь с одним из охотников, интересуюсь насчет собаки.

— Все нормально, — и мой знакомый рассказал продолжение «собачьей истории». — На следующий день, в воскресенье, опять отправились на то место. Взяли с собой молодого щенка. Щенок залаял у норы, в ответ ему заскулила собака из подземелья. Прошло две—три минуты и собака выскочила на волю. Щенок обрадованно завилял хвостом, потом насторожился и — в нору. Оттуда послышалось рычание. Чувствовалось, что в норе разыгралась схватка не на жизнь, а на смерть. Потом все утихло, и щенок пулей вылетел на поверхность, за ним — рыжей молнией лиса. Пока мы опомнились, она уже скрылась в кустах...

ЖИВИТЕ, ЛЕБЕДИ

Щедро светило солнце. Снега почти не было, только на дорожке лежал он тонким хрустящим слоем. Было начало зимы, но лед еще не встал, лишь медленно, с шуршанием, по воде плыли тонкие стекловидные осколки его. Наползая на небольшой островок посередине Сосны, ледок распадался, и хрустальные остатки блестками сползали в воду, уходя дальше. Солнце поднималось над крутым противоположным берегом, и было видно как бы два светила — одно на небе, другое в воде. Лучи пронизывали осыпанные легким инеем прибрежные кусты, высохшую траву, стебли растений. Выделялся размером с блюдце зонтик, которым заканчивался стебель какого-то растения, похожего на укроп. Осыпанный микроскопическими кристалликами инея, этот хрустальный зонтик ярко горел, освещенный солнцем, на фоне черной воды, на которую лучи из-за кручи еще не брызнули...

Спустился по пологому берегу к волшебному цветку, который создало зимнее утро, стал рассматривать: снежные пылинки на нем искрились всеми цветами радуги — изумрудным, рубиновым, лазоревым... Навел фотоаппарат. И в это время стал слышен звук, исходящий откуда-то из-за поворота реки и стремительно приближающийся. Точнее, это был не звук, а какое-то легкое, приятное посвистывание на фоне шороха. Бросил взгляд и увидел трех серых лебедей. Величаво размахивая крыльями, птицы летели низко над рекой. Было мгновение,

когда глаза, лебеди и солнце оказались на одной линии, и птицы исчезли из поля зрения, лишь было слышно очаровательное звучание:

Вскинул фотоаппарат, но, как всегда, когда картина является неожиданно, второпях забываешь о назначении кнопок оптического прибора. Так и сейчас случилось: простоял в оцепенении, провожая лебедей за излучину реки, а снимка так и не сделал.

Спустя полчаса вновь встретился с этими птицами, увидев их плавающими возле домика, поставленного на островке за Беломестной. Лебеди, величаво изогнув шеи, покоились на воде, нехотя поворачиваемые течением. Как и прежде, вода лениво несла льдинки-стеклышки, на зонтичных растениях сиял иней, вытянутыми к небу руками чернели прибрежные деревья. И над всем живым и неживым поднималось солнце.

УТРО ГОДА

Месяц март в Древней Руси считался первым месяцем года, счет времени наши предки начинали с радостного времени года — весны. Пушкин писал об этом:

«Улыбкой ясною природа

Сквозь сон встречает утро года...»

Все выше солнце, все теплее, но, как говорили в народе, «в марте одна нога в валенке, другая в сапоге». Иногда метель такая закрутит, что «сидячую собаку занесет». Но чаще всего в середине марта на буграх — проталины, с крыш сосульки свисают, играет свою звонкую музыку капель. А в один из дней вдруг услышишь: «Карр, карр» — грачи прилетели. По-хозяйски расхаживают по проталинам, отливая радужным черным оперением. А вот и скворец — весны гонец появляется, а вскоре — и жаворонки.

Ручьи между собой переговариваются, речка взбухает, ледоход начинается. Сначала ледовое поле паутиной трещин покроется, а потом лед приходит в движение и трогается с места.

Набухают почки на деревьях, серебром расцветают вербы, на черной земле появляются голубые дрожащие сережки подснежников...

* * *

Плывут весною величаво
По рекам льдины-корабли.
Уносят прочь от нас печали
На край земли, на край земли.
Ласкают мокрый берег волны,
Ручей трезвонит бубенцом.
И ветер — юный, шальный, вольный,
Сквозит в уставшее лицо.
И чувства жаждут отогреться,
И мысль уносится в полет,
И растревоженное сердце
Чего-то ждет, чего-то ждет.

АПРЕЛЬ

«То солнцем обласкает, то морозом настегает, то дождиком припустит, то снежком припудрит». Очень уж верна поговорка об этом привередливом месяце.

В апреле «заневестится» березка. Как в зеркале, в хрустальной воде собой лобуетя, прихоращивается. Ствол на фоне ярко-голубого неба белее обычного становится, тонкие веточки по ветру ластятся, и впрямь — девичьи косы. Под березкой на пригорке, словно золотые монетки, цветы мать-мачехи рассыпаны.

Оживают поля за Сосной, начинается сев ранних зерновых. С заречной стороны веет теплым ветром, слышится без умолку рокот трактора — в заботах земледелец.

Часто в апреле — туманы, сырость. Такую погоду опытный хлебороб по достоинству оценит, потому что вешняя вода в земле — лишний хлеб в закроме. Наступает время массового прилета птиц, лес пробуждается...

* * *

Апрель сегодня норовистый:
То дождь, то снег, а то туман.
Луч солнца выглянуть боится.
Да это — не весна, обман.
Озябли на ветру березы,
И в серой сырости поля.
Забывла молодые грозы
И первый гром моя земля.
Но май неотвратимо будет —
Любви и песен ураган.
Пока — изменчивые будни:
То дождь, то снег, а то туман.

Нет другого месяца, когда природа благоухает так вдохновенно, празднично, радостно, как в мае. «Всех месяцев звончее веселый месяц май», — подметил поэт А. К. Толстой. Сады — в бело-розовой пене цветенья, поля покрыты малахитовым ковром. В вечернее время в пригретом за день воздухе жук майский жужжит. А в прибрежном кустарнике «соловей российский» так распоеется, разные музыкальные коленца выделявая, что иначе как соловьиным концертом это пение не назовешь. Белый дым цветов на обворожительнице поэтов — черемухе. Сколько ей стихов посвящено за ее целомудренную красоту и опьяняющий запах! Не меньшее внимание проявляют поэты и к сирени.

В лесу король весенних цветов ландыш цветет. На былинке — нежные белые бубенчики с тонким, волнующим сердце запахом.

Но вот ветер зябкий подует, закат в багровый цвет окрасится — жди заморозка. Испокон веков в мае у нас холода возвращаются, когда черемуха цветет и дуб распускается. Но пословица гласит: «Май холодный — год хлебородный». Земледельцы знают об этом, и их сильно не тревожат майские холода, а если пару-тройку обильных дождей пройдет, то и радуют даже. Это месяц-труженик. Только отсеялись — пришла пора картошку сажать, овощи. Любопытна старая примета: из гнезда скворчата выглядывают — сеять пора гречиху.

Но как ни хлопотно в мае земледельцу, все равно выкроит он время пусть не насладиться, но хотя бы чуть-чуть природой полюбоваться. Вытрет пот солба, вспомнит: «В мае весна — что девка красна». А когда первый громок прокатится по округе, сначала негромко, боязливо, а потом смелее заскачет быстрым жеребенком по небу, то никого не оставит равнодушным. Первый гром оставит светлые воспоминания на все лето.

* * *

С веток сыпень закружилась,
Застилая сад.
Долго яблоня тужила,
Потеряв наряд.

* * *

На опушке леса у дороги
Закипел черемуховый цвет,
Замаячил холод на пороге,
Затерялся в тучах лунный след.
На ветру березонька продрогла,
Тополек склонился мне до плеч...
Знаю: этот холод не надолго,
Только в сердце как тепло сбережь?

Сажали весной у цеха пирамидальные тополя. Все саженцы были не выше человеческого роста. Но одно деревце попало маленькое, тщедушное, да к тому же еще со сломанной макушкой. Мы его отбросили в сторону. Когда субботник закончился, взял из грязи тополек. «Посажу возле дома в сквере», — подумал, так и сделал. Лето было засушливое, приживалось деревце трудно. Одно время казалось, что не примется, поливать пришлось. Через год на нем зеленели почти прозрачные светло-зеленые листочки.

Но беда навалилась: устроили в сквере ребята футбольные игры, еле-еле выдерживал удары мяча тополек. Пробовал уговаривать юных спортсменов, он без толку — играть им больше нигде. Тогда сделать крепость пришлось вокруг ствола: палки воткнуть и проволокой обвязать. Выдержал тополек.

Быстро рос питомец, метра на четыре за три года вымахал, но снова неприятность пришла. Веревки начали привязывать к стволу для сушки белья. Ветер белье полощет — деревце к земле прижимается, того и гляди сломается. Поделился проблемой с соседом, тот в ответ:

— Отучить как не знаешь? В два счета.

Помазал он ствол солидолом — и избавилось дерево от веревок. Продолжало стремительно тянуться к небу...

Лет двадцать пять теперь тополло. Стал он выше всех соседних деревьев. Стройный, свечой упирается в небо. Не страшны ему теперь ни ветер, ни бельевые веревки, ни проказы ребятешек.

ГУСИ НА ОЗЕРЕ

Лет пятнадцать назад здесь был глубокий овраг, а теперь плещется рукотворное озеро. Оно раскинулось в километре от дороги Горностаевка—Коротыш. Едешь по дороге, кругом — черноземные поля, и вдруг впереди открывается панорама водоема, созданного на территории хозяйства «Заря». Соединяясь, два рукава образуют просторную водную гладь, перекрытую высокой плотиной и обсаженную соснами.

Солнечным весенним днем здесь удивительный покой: воздух прозрачен, вода покрыта бархатной рябью, нежно ласкаю-

шума всем своим внутренним общаешься пронзительную тишину, нарушаемую иногда криком чайки, кружащейся над голубоватой водой и прошлогодними поблекшими тростниками.

Таким увиделось степное озеро сегодня, а вчера...

Вчера подъезжал к озеру на велосипеде, уже показалось зеркало воды, и вдруг началось какое-то столпотворение. Завидев нежеланного гостя, с тревожным гоготом, громко шлепая тяжелыми крыльями по воде, в воздух спешно поднималась стая диких гусей. Медленно набирали высоту величавые птицы, и вот на фоне бледно-синего неба обозначились длинные шеи, оранжевые клювы, поджатые к брюшкам лапки такого же цвета и размеренные плавные взмахи огромных крыльев. Набрал высоту, серые птицы сначала летали кругами, а потом, сгруппировавшись в длинный косяк, продолжили свой перелет на юг. Их было около сорока штук.

РУМЯНЕЦ ЛЕТА

В июне наступают самые длинные дни и самые короткие ночи — «заря заре руку подает». К Троице лес стоит в зеленом убранстве, в лугах — разноцветье красок: голубых, желтых, белых. Солнце в полдень палит нещадно, на улицах — тополиные метели. Суховеи высушивают землю, ждут не дождутся сельские жители дождя, вспоминают разные приметы. Петух поет, курица обирается — к дождю, грачи собираются в стаи, росы поутру нет — тоже можно ожидать живительную влагу с неба.

И вот нависнет клубящаяся темно-синяя туча, разыграется ветер, небосклон прочертят дальние, пока безмолвные молнии. И четверти часа не пройдет, как в дорожную пыль мягко, как в перину, упадут первые тяжелые капли дождя, а потом с неба к земле протянется несчетное количество длинных хрустальных струн, на которых заиграет свою мелодию долгожданный дождь. Засверкают белые молнии, а гром такой загрохочет, что и впрямь почудится, как по каменной мостовой неба раскатывают десятки тяжелых колесниц.

Но июньские грозы не бывают длинными. После дождя — освежающая прохлада. Подбоченившись, где-то между Сосной и Липовчиком, встанет радуга. Как прозрачен и свеж в этот час наполненный озоном воздух!

В июне у птиц появилось потомство, хлопчут пернатые в поисках пищи для подрастающего поколения. Соловей в прибрежной рощице порхает, суетится, собирая гусениц. Насытит-ся, горлышко вздует и запоет свою нескончаемую и никогда не стареющую песню.

Июнь зовут румянцем лета. По утрам облиты изумрудными росами травы, в которых алеют вкрапления первых ягод земляники. Серебром блеснет над водой рыба, и по водной глади лениво поплывут круги...

* * *

Тороплюсь я снова в отчий дом
Надышаться запахами липы,
Купола увидеть над бугром —
Золотыми ливнями умыты.
Встречусь с хороводами берез,
Что танцуют под мотивы ветра,
Над Сосной увижу буйство гроз,
Паустовским в повести воспетых.
Над заросшей погрощу тропой,
Где последний раз прошла Анфиса,
Там, как прежде, ива над рекой
Девичьими косами повисла.
Тороплюсь в гнездо родное вновь,
Сердце в край любимый птицей рвется.
И во мне извечная любовь,
Та, что милой родиной зовется.

МАКУШКА ЛЕТА

Июль — самый жаркий месяц в году, время цветения, а значит, — скашивания трав. «Коси, коса, пока роса». Сельский труженик спешит в луга, заслышав первое петушиное пение. Туда, где лежит в низине изумрудный ковер, покрытый редким туманом и обильно политый росой, в каждой капельке которой отражается и играет всеми цветами радуги солнце. Прохладно, и от этого бодрость во всем теле. До боли в груди жаль губить подаренную природой божественную красоту, но пришла пора покоса. По-хозяйски окинет крестьянин луг прищуренным взглядом, достанет из-за голенища брусок, пройдет им вдоль лезвия косы и, не торопясь, начинает первый прокос.

И ложатся вслед за косарем пышные валки травы. Успеть просушить ее надо, следить, чтобы дождь не замочил. Потому, что до Ильина дня (2 августа) «в сене пуд меду, а после — пуд навозу». Да и хлебная страда торопит — «до Андрея (17 июля) озимые в наливах дошли, в батюшка овес до половины дорос». Рожь — выше человеческого роста. От дуновения ветра заволнуется, зашумит хлебное поле, и духмяный аромат будто только что испеченного хлеба разольется вокруг.

От липы веет медовым ароматом. Она обычно цветет в начале июля, отсюда древнее название этого месяца — липец. На расстоянии чувствуется окружающее дерево ореол запаха. В полуденный зной слышится возле лип натруженное несмолкаемое гудение пчел. После липы ни одно другое дерево не цветет.

На Петров день — самая жара. Над раскаленной землей колышется прозрачное марево. Трудно и час пробыть на солнце, не искупавшись в реке. Золотая пора для ребят-шек! Барахтаются, ныряют, ловят рыбешку под камешками. И животным жара не вмоготу. Заходят коровы по брюхо в воду, стоят неподвижно, отмахиваясь хвостами от назойливых оводов. Но приходит время обеденной дойки, выходят из реки, послушно подходят к хозяйкам. «Дзинь, дзинь...», — звенят струйки о дно подойника, и расплывается по округе дух парного молока...

* * *

В электричку сяду синей ранью
И уеду в отчие края,
Чтоб увидеть, как над сельской далью
Заалест свежестью заря.
За Сосною ливенку услышу,
Молодые голоса парней,
Над соломенной отцовской крышей —
Воркованье сизых голубей.
Брошу в траву свой костюм цивилиный —
Ни к чему мне городской наряд,
Там, где луг полит росой обильно,
С косарями ветану в один ряд.
Ныдьюсь я травяной прохладой
И умоюсь ключевой водой...
Мне другого счастья и не надо
Здесь, вдали от жизни городской.

Ехал в лес, да велосипед сломался. Остановился у понтонного моста, ремонтировать начал. Ключами позвякиваю, молоточком постукиваю. Рыбак из-за кустов выглядывает, выражение лица сердитое:

— Своим шумом всю рыбу выпугал!

Быстро кручу гайки, успокаиваю: скоро закончу и уеду. Рыбак закуривает, потом оживает, дернул удочку — заблестел в воздухе приличный голавль. Через пару минут в прибрежной траве затрепыхался второй, ладони в две длиной, потом еще. Следом два попа поймались...

— Чувствуешь, рыбка на шум как идет — лучшая приманка, — подшутил я.

— Да и правда, — развеселился рыбак.

Вскоре, закончив ремонт, я укатил, а недели через две встретил его случайно, полюбозытствовал:

— Ну как та рыбалка?

— Знаешь, — рассказывает, — как ты уехал, то как обрезало — ни одной поклевки...

А говорят, что рыба шума боится.

ЛЕТО НА ИСХОДЕ

Август пришел. Леса еще в зеленом одеянии, но цвет их уже не так сочен. Лазурь неба посинела. Отражаясь в воде, она сделала ее тоже синеватой. На Ильин день (2 августа) до обеда — лето, после обеда — осень. С этого дня вода холодна, уже не освежает, а студит тело, поэтому пустеют пляжи.

«Что август дает, тем мужик весь год живет», — гласит народная мудрость. Торопится хлебороб, полный световой день трудится в поле. Оставляя за собой серо-белесые клубы пыли, по полю плывут оранжевые степные корабли, наполняя окрестности натруженным гулом моторов. Кажется, ничто не сможет сбить страду с ритма, но «дождь идет не когда просят, а когда косят». Порой небо словно разверзнется — поливает дождь сутками, прибывая к стерне валки прорастающих хлебов.

Первую выпечку из «новинки» — сбора нового урожая — ждут с радостным нетерпением. Каравай ржаного хлеба, испе-

ценный в русской печи на капустных листьях, увеселительный, румяный, духовитый, давали отпробовать всем членам семьи. Это приносит праздничное настроение, как бы обновляет силы, которых так много истрачено на уборке.

На медовый Спас нужно обязательно отведать меду, на яблочный — яблок. Красочно описал это время Иван Алексеевич Бунин: «Воздух чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это садовники наняли мужиков и насыпают яблоки... Мужик, насыпающий яблоки, ест их с сочным треском одно за другим...»

Уже окутывают землю по ночам зябкие туманы. Поутихло многоголосье пернатых в рощах. Грачи, голуби и другие птицы обитают на полях. Корм им нужен сытный, чтобы перед перелетом или зимней стужей запастись жирком и набраться сил.

После теплых дождей воздух в лесу на грибных запахах настоян. Под сосенками, нацепив на себя иголки, резвится ватага маслят, водят хоровод рядовки, а под березками на опушке леса, где почти сравнялись с землей окопы минувшей войны, если посчастливится, можно встретить и белый гриб. Ножка толстая, шляпка упругая, снизу белым бархатом покрыта...

Считает рельсы поезд скорый,

Грустят намокшие стога,

И уплывает в синь просторов

Земля, что сердцу дорога.

Опять во мне воспоминанья:

Друзья, деревня, отчий дом

И наше первое свиданье

У ив, склоненных над прудом.

Когда вернусь я в край любимый

И вновь увижу степь, хлеба,

Напев услышу соловьиный?..

Ответь по правде мне, судьба.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, УРОЖЕНЦЫ Г. ЛИВНЫ И ЛИВЕНСКОГО РАЙОНА

Бахтин Александр Егорович, уроженец села Казанского, родился в 1918 году, погиб в 1944-м, звание Героя присвоено 10.01.1944 г.

Бахтин Семен Алексеевич, уроженец деревни Ольхов Луг, родился в 1920 году, умер в 1970-м, звание Героя присвоено 03.05.1944 г.

Бочаров Николай Павлович, уроженец г. Ливны, родился в 1915 году, звание Героя присвоено 12.01.1942 г.

Быков Иван Михайлович, уроженец села Троицкого, родился в 1911 году, погиб в 1943-м, звание Героя присвоено 02.05.1942 г.

Войнов Иван Ефимович, уроженец села Бараново, родился в 1921 году, погиб в 1944-м, звание Героя присвоено 19.03.1944 г.

Говоров Сергей Александрович, уроженец деревни Луги, родился в 1909 году, звание Героя присвоено 21.03.1940 г.

Зуйков Алексей Васильевич, уроженец деревни Березовка, родился в 1916 году, умер в 1977-м, звание Героя присвоено 04.03.1945 г.

Красов Виктор Никитович, уроженец г. Ливны, родился в 1914 году, погиб в 1944-м, звание Героя присвоено 23.08.1944 г.

Кузьмин Анатолий Иванович, уроженец деревни Липовец, родился в 1935 году, погиб в 1956-м, звание Героя присвоено 18.12.1956 г.

Никольников Иван Константинович, уроженец деревни Прилепы, родился в 1916 году, умер в 1980-м, звание Героя присвоено 23.07.1944 г.

Павлов Михаил Никитович, уроженец деревни Липовец, родился в 1919 году, погиб в 1943-м, звание Героя присвоено 13.04.1944 г.

Петрашов Валентин Захарович, уроженец села Крутое, родился в 1917 году, звание Героя присвоено 27.02.1945 года.

Редькин Дмитрий Григорьевич, уроженец деревни Паниковец, родился в 1915 году, погиб в 1944-м, звание Героя присвоено 23.07.1944 г.

Селищев Тимофей Ильич, уроженец деревни Редькино, родился в 1904 году, погиб в 1945-м, звание Героя присвоено 15.05.1946 г.

Филипповский Иван Митрофанович, уроженец деревни Ревякино, родился в 1909 году, звание Героя присвоено 27.06.1945 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЛИВЕНЦЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ОРДЕНАМИ СЛАВЫ I, II И III СТЕПЕНИ

Афонин Федор Иванович, родился в 1904 году в деревне Рог, умер в 1963 году.

Козьяков Егор Андреевич, родился в 1911 году в селе Успенское, умер в 1970 году.

Морозов Иван Иванович, родился в 1924 году в Ливнах (слобода Георгиевская).

Репин Илья Харитонович, родился в 1914 году в деревне Костомаровка, умер в 1994 году.

Турбин Николай Алексеевич, родился в 1921 году в Ливнах.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ЛИВЕНЦЫ, ПОГИБШИЕ В АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

Бакуров Геннадий Николаевич, рядовой, орудийный номер, родился 4 мая 1962 года в деревне Леньшино, погиб 2 мая 1982 года.

Борзенков Юрий Владимирович, рядовой, водитель, родился 12 апреля 1962 года в слободе Беломестной, погиб 30 декабря 1980 года.

Быков Андрей Николаевич, младший сержант, командир отделения, родился 11 декабря 1962 года в деревне Барково, погиб 3 мая 1982 года.

Варнавский Владимир Алексеевич, рядовой, линейный надсмотрщик, родился 30 июля 1964 года в деревне Росстани, погиб 21 декабря 1983 года.

Губанов Александр Сергеевич, рядовой, наводчик, родился 8 февраля 1965 года в деревне Губаново, погиб 7 сентября 1984 года.

Дорофеев Александр Алексеевич, рядовой, гранатометчик, родился 17 октября 1966 года в деревне Дубровке, погиб 16 апреля 1988 года.

Дорофеев Геннадий Юрьевич, рядовой, водитель, родился 28 сентября 1968 года в Ливнах, погиб 21 сентября 1988 года.

Ивлев Юрий Николаевич, младший сержант, водитель, родился 4 июня 1966 года в деревне Петровке, погиб 9 апреля 1986 года.

Кольцов Геннадий Егорович, рядовой, механик-водитель, родился 2 февраля 1967 года в деревне Букреевке, погиб 3 июля 1986 года.

Милюшин Владимир Николаевич, младший сержант, начальник радиотелеграфа, родился 18 декабря 1963 года в селе Навесное, погиб 26 июня 1983 года.

Скуридин Олег Игоревич, лейтенант, родился 5 мая 1962 года в Хабаровском крае, погиб 8 апреля 1984 года.

Филипнов Олег Николаевич, капитан, командир взвода, родился 22 октября 1957 года в Ливнах, погиб 19 июля 1984 года.

Чуйкин Иван Николаевич, гвардии сержант, старший стрелок-наводчик, родился 7 января 1962 года в селе Екатериновке, погиб 6 августа 1982 года.

Шебанов Олег Леонидович, лейтенант, бортовой авиатехник, родился 8 октября 1964 года в Ливнах, погиб 25 сентября 1986 года.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК

Тюркские народы — чувашы, татары, башкиры — составляли основное население Золотой Орды, которая распространилась в 13-м веке вплоть до Оки. Еще ранее здесь жили угрофинские племена — удмурты, марийцы, мордва. Потому-то многие названия в Пососенье тюркского и угрофинского происхождения. В некоторых — украинские корни, что связано с переселением казаков в эти места с Украины. Ну и, разумеется, здесь — славянские названия. Не претендуя на научный уровень и на абсолютную точность составлен этот словарик.

Алдобаевка. Алда — знатный, с татарского, бай — богач. Совместно читается: знатный богач. В Алдобаевке проживал ханский сборщик дани.

Безодное. На Украине словом «безодня» называют крутой склон.

Вахново. Есть у тюркских народов слово «вах», означающее восторг.

Граншино. Грань — край, рубеж, межевой знак.

Головище. Исток реки, начало оврага.

Гремячий Колодезь, Парный Колодезь. В черноземных областях колодезь — балка, овраг, не имеющие постоянного стока, только весной или в ливни по ним стекает вода. Гремяч — родник, ключ.

Грязцы. Форма от слова грязь — болото, топь.

Жерино. У тюрков это слово имеет такое значение: место, просматриваемое издали.

Жилево. Жилье, населенное место.

Клюшники. Ключи, родники.

Космаковка. Есть у тюрков слово космак — возвышенность, макушка.

Кунач. В тюркских языках слово кунак — друг, гость.
Малахово. У тюрков есть головной убор из меха — малахай.

Мочилки. Форма от слова мочило — пруд, тополь, сырость.

Муратово. В тюркских языках мурава — пышная зеленая трава.

Новинка. Новое поселение.

Овечий Верх. Еще И. С. Тургенев писал, что на Орловщине словом верх называют овраг.

Речица. Форма от слова река.

Рог. Мыс, коса, овраг.

Росстани. Перекресток дорог.

Дубрава. Дубровка. **Свободная Дубрава.** Дубовые леса, произраставшие здесь, дали названия.

Сосновка. От слова сосна, сосновый лес.

Теличье. Раньше звали Телячья, Теляжья. Здесь сборщик дани Ахмет имел мясные склады.

Чувакино. У тюрков чувяк — легкая кожаная обувь.

Олым. У тюрков — превосходное место. Кроме того, второе значение — брод, переправа, что более убедительно.

Кшень. У тюрков кшьень — богатое место. В угро-финском языке кшень — малый, маленький.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алферова Г. В. Русские города 16—17-го веков. М., 1989.

Андроников И. Л. Великая эстафета. М., 1988.

Ашурков В. Н. На поле Куликовом. Тула, 1980.

Гарибова Т. Л. Волшебный мир народной скульптуры. Воронеж, 1977.

Демин В. А. Португальский Р. М. Танки входят в прорыв. М., 1988.

Жуков Г. К. Избранные произведения в двух томах. М., 1990.

Зеболов В. А. Брянский фронт. Тула, 1977.

Ионов А. В. В поисках Рагозиной балки. М., 1978.

Каргалов В. В. Русские полководцы 10—16-го веков. М., 1989.

Кирпичников А. Русские доспехи. М., 1991.

Ковалев Ф. В. Ливны. Тула, 1980.

Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... М., 1990.

Лебедев П. Ф. Песни, поднимавшие в атаку. Тула, 1976.

Лушин Б. В. Тургенев. М., 1980.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1983.

Наровчатов С. С. Боевая молодость. М., 1975.

Паустовский К. Г. Золотая роза. М., 1983.

Паустовский К. Г. Книга скитаний. М., 1964.

Пясецкий Г. М. Исторические очерки города Ливны и его уезда. 1893.

Ростков А. Ф. Первые гвардейцы-танкисты. М., 1975.

Секирин М. К., Белкин И. М., Дорошенко В. М. Через всю войну. М., 1991.

Селитренников Д. П. Мятаж. Тула, 1989.

Сизов П. В. Музыкальная Орловщина. Тула, 1980.

Стражева И. В. Полета вольное упорство. М., 1986.

Фет А. А. Воспоминания. М., 1983.

Чернов Н. М. Орловские литературные места. Тула, 1970.

Шавырин В. Н. Муравский шлях. Тула, 1987.

Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1988.

Якубенко Э. В. Куликово поле.

Использованы материалы газет «Поколение», «Знамя Ленина», «Орловский вестник», «Ливенские зори», журнала «Инженер».

I. Ливенцы	
Верил в Россию	6
Мятеж	12
Икар из Калинино	18
Помнит Липовчик	27
Поклон им до земли	31
Служили три друга... ..	38
Уходили в поход партизаны	42
Нас водила молодость... ..	49
Жила-была мастерица	54
Умелец	58
Художник из Лютого	63
Новаторы в науке	67
О чем грустит капитан	72
Изобретатели	75
Не хочу судьбу иную	79
II. Путешествие в историю	
На Муравском шляхе	84
Крепость на круче	88
Поле Куликово	91
По городским слободам	94
По государственной дороге	98
Ливенская святыня	104
Купеческий город	110
Свидетели истории	114
В стране увлечений	118
Вдоль по матушке Сосне	126
Часто вспоминаю Ливны	133
По следам танкистов Катукова	137
С «лейкой» и блокнотом	141
Где рос ковыль	146
III. Картинки природы	
Приложение 1. Герои Советского Союза, уроженцы г. Ливны и Ливенского района	169
Приложение 2. Ливенцы, награжденные орденами Славы I, II и III степени	170
Приложение 3. Ливенцы, погибшие в афганской войне	171
Приложение 4. Топонимический словарь	173
Библиография	175

Геннадий Витальевич Рыжкин
СТРАНИЦЫ ЛИВЕНСКОЙ ЖИЗНИ
Краеведческие очерки

Главный редактор *А. П. Олейникова*
Корректор *Н. П. Новикова*
Технический редактор *В. В. Новиков*
Художник *Г. В. Рыжкин*

ЛР № 010288. Сдано в набор 31.10.95. Подписано в печать 2.02.96. Формат 84x108¹/32.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08. Уч. изд. л. 9,88. Тираж 2000 экз. Заказ № 3751.
Издательство Орловской государственной телерадиокомпании. 302028, г. Орел, ул. 7 Ноября, 43
Типография «Груд» комитета по печати, полиграфии и СМИ администрации Орловской области.
302000, г. Орел, ул. Ленина, 1.

